

Глава 1

Верую

Найти Бога

Во второе воскресенье после Святой Пасхи Православная Церковь вспоминает явление Господа нашего Иисуса Христа апостолу Фоме, когда тот усомнился в Воскресении Господа. Христос не отверг немого ученика и показал ему язвы на руках и ногах (Ин. 20, 24–29). Как же ныне быть человеку, если он хочет убедиться в существовании Бога? Что делать нам, обыкновенным людям, для укрепления веры?

— Желание вполне справедливое. Вера человека должна быть осмысленна, выстрадана. Бог должен быть понят человеком, должен открыться человеку. Человек должен найти Бога, только тогда он сможет верить, и не просто верить, но идти в этой жизни за Христом путем исполнения евангельских заповедей.

— *А как искать веру, где ее найти?*

— Для человека, ищущего Бога, ищущего истину, вся жизнь наполнена этим святым исканием. И, скорее, не мы ищем и находим Бога, а Бог Сам открывается

нам. Потому Священное Писание и называется Божественным Откровением, что Господь открывает нам Свои истины. Вот и человеку, ищущему Бога, нужно обратиться к первоисточнику христианства — Священному Писанию.

Новый Завет для очень многих явился откровением Бога. Часто люди, с которыми мне приходилось встречаться, признавались, что впервые задумались о высших истинах, прочитав Евангелие или даже какой-то отрывок из него. У меня самого в жизни было так: в тот период, когда я искал смысл жизни, я встретил человека, который протянул мне святое Евангелие. Я взял его и прочитал. И действительно, мне открылось очень многое. После прочтения осталась такая мысль: я не знаю, Что такое Бог, Кто такой Бог, но жить нужно именно так, как учил Христос. Образ Христа, любящего людей Учителя жизни, уже навсегда запечатлелся в моем сердце.

— *То есть, для Вас Евангелие стало теми язвами, которые показал Христос усомнившемуся апостолу Фоме. Почему же все-таки люди верят Евангелию?*

— В Евангелии заключена какая-то непостижимая сила, удивительная, неземная красота. Современный богослов архиеп. Иоанн (Шаховской) в одном из своих писем говорит, что всякое, хотя бы даже небольшое прикосновение к Слову Божию, к Евангелию уже очень много значит для человека. Евангелие — действительно книга жизни: его святые слова дали жизнь миллионам и миллиардам людей в мире.

— *Есть ли другие способы познания Бога?*

— Господь открывается человеку на путях его жизни по-разному: через обстоятельства, через встречи с

людьми, через слова и даже глаза какого-то человека. Святитель Феофан Затворник говорит, что, кроме мира людей, рядом с нами существует, по крайней мере, еще два мира: мир природы, Божьего творения, где Господь открывается через каждый цветок, каждый листочек, звезду, и мир Церкви — православный храм.

— *Что же такое православный храм?*

— Храм — это дом Божий, это такое место на земле, в котором пребывает Господь во всей Своей полноте, это особое место свидетельства Бога о Себе. И поэтому любой человек, переступающий порог православного храма, чувствует, что он вошел не в простое здание, но что это место особое, здесь душа встречается с небом.

— *А может ли это почувствовать человек, который не крещен, который не верует в Бога?*

— Это может почувствовать любой человек; и мне приходилось слышать о том, как в трудные минуты даже неверующие люди шли в храм и получали там помощь, поддержку и утешение, чувствуя, что Кто-то находится рядом с ними — Кто-то любящий, родной и близкий говорит с их сердцами, утешает и успокаивает их.

— *Человек, в первый раз переступающий порог храма, порой даже не знает, как себя вести. Что Вы ему посоветуете?*

— Я посоветую ему обратиться к священнику, т. е. к человеку, который специально поставлен Богом для того, чтобы свидетельствовать людям о Боге. Нужно не стесняться и не бояться подойти к батюшке, задать свои вопросы.

Только вчера был такой случай: одна восемнадцатилетняя девушка обратилась ко мне с несколькими

незначительными вопросами о Боге, о вере. Мы с ней долго говорили, затем она ушла. А сегодня пришла вновь. Я спросил ее: «Что же ты вынесла в своем сердце после нашей беседы?» И она мне ответила: «Батюшка, Вы знаете, произошло чудо: для меня теперь существует только вера, только то, что связано с Богом, все остальное как бы отступило, отошло на второй план. Мне совсем неинтересно все то, что было интересно раньше, и у меня только одна мысль: я хочу знать Бога, хочу знать истину, хочу быть с Богом и в Боге».

— *Человек, который задумывается над смыслом бытия, не может пройти мимо вопросов веры. Но что такое вера? Может быть, она заложена в человеческой природе и без веры человек жить не может — он рождается с потребностью верить? Бывают ли такие случаи, когда вера рождается из-за страха мучений в аду?*

— Это совершенно исключено. Так свойственно думать людям неверующим, не знающим веры. Часто говорят о какой-то слепой вере, — никакой слепой веры не может быть. Бывает слепое неверие: человек не знает, потому и не верит. Верить можно только осмысленно, только «зрячая» вера может быть действительно верой. Вера в Бога — это любовь к Богу; любить из страха наказаний и мучений в аду невозможно. Иногда действительно человека удерживает от греха страх наказаний, но это совсем другое. Есть разные степени побуждения, разные соображения, по которым человек не делает греха.

Совершенная вера — это любовь к Богу. *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 8). Христианин, духовно здоровый, не делает греха не потому, что его кто-то накажет, а

потому что боится оскорбить любящее его Существо, — вот это действительно вера.

— *Но Что же такое Бог. Какие качества присущи Ему?*

— Бог есть Личность. Бог есть Существо. *Суций*, — называет Ветхий Завет Бога. Бог существует, следовательно, Он не абстракция, Он обладает присущими Ему качествами. Эти качества — премудрость, благодать, всеведение и прежде всего любовь. Это самое главное Его качество: *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 8). Бог выходит за границы материального мира, за границы чувственного мира, Его нельзя потрогать, увидеть, услышать, но Его можно почувствовать сердцем, можно полюбить. Если мы не видим Бога, это не значит, что Его нет. Это значит, что наше сердце недостаточно зрячее.

Господь говорит: *Я путь и истина, и жизнь* (Ин. 14, 6). Господь есть жизнь. Для христианина Бог — реальность, Личность. Мы не только верим в Бога, мы знаем, что Он есть, мы любим Бога, мы общаемся с Ним в молитве. Как человек говорит с человеком, так душа говорит с Богом, ищет волю Божию и получает ответы, чувствует, что Бог — Существо великое и прекрасное.

Человек имеет бессмертную душу, созданную по образу и подобию Божию. Душа, как существо духовное, стремится к Богу, и этим объясняется то, что люди, даже неверующие, испытывают какую-то смутную тревогу, неудовлетворенность всем земным, желание чего-то высшего. Преподобный Варсонофий Оптинский говорит, что во всех гениальных произведениях великих художников, музыкантов, поэтов звучит

тоска по вечности, тоска по чему-то прекрасному, высокому, в конечном счете, — тоска по Богу. Но гении земли, возбуждая в человеке эту тоску, не дают ответа о том, как достигнуть Бога, как прийти к Богу. Ответ на это дает только Евангелие, только христианство.

Человек, который не молится, и не понимает радости молитвы, Бога действительно не знает, хотя, может быть, верит в Бога. Для такого человека Бог — абстракция. По мере углубления в духовную жизнь, по мере вхождения в нее через молитву все больше и больше открывается перед человеком Бог. Бог — это откровение. *Не вы Меня избрали, а Я вас избрал* (Ин. 15, 16), — говорит Он. Он выходит к нам первый, Он встречает нас на разных перепутьях жизни, только мы должны открыть Ему свои сердца, и тогда войдет в наше сердце это дивное чудо — Господь.

— *Господь мой и Бог мой (Ин. 20, 28), — именно так сказал апостол Фома, осязав раны Христа, т. е. он обратился к Богу, стал говорить с Ним.*

— В познании Бога важен опыт живого общения с Ним. Недостаточно просто слышать или читать о Боге, необходимо обратиться к Самому Спасителю. Человеку неверующему, но ищущему Бога святитель Феофан Затворник советует даже обратиться к Нему с такой молитвой: «Господи, если Ты есть, откройся мне». Знаю по себе, что такая молитва бывает очень сильной. Может быть, не сразу это произойдет, но Господь услышит и откроется.

— *Батюшка, что бы Вы пожелали нашим читателям?*

— Конечно же, богатства веры, потому что вера в Бога есть бесценная жемчужина, которую человек

ищет всю жизнь, и где бы он ни искал ответов на самые сокровенные свои вопросы, нигде, кроме Христа, кроме святого Евангелия, он их не найдет.

Религия радости

Творец и создание, небо и земля, плоть и дух... Как может сочетаться в человеке жизнь тела и жизнь души? Многие сейчас приходят к вере, но, по недостатку духовного опыта, не всегда могут найти правильные ответы на волнующие их вопросы, не знают, как поступать в тех или иных ситуациях. У человека бывают минуты радости, минуты счастья, и есть опасность в эти минуты забыть Бога. Как должен вести себя христианин, чтобы избежать этого?

— Бывает радость плотская, бывает радость духовная. Христианство есть религия радости, и в Священном Писании христианам дана заповедь: *всегда радуйтесь*. Вернее, сказано так: *всегда радуйтесь, непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 6–17). То есть радость рождается от молитвы, как и вообще от исполнения заповедей Божиих.

Радость мирская — благополучие, достаток — не всегда способствует радости духовной. Поэтому Святые Отцы древности, люди, достигшие вершин духовной жизни, советовали иногда удаляться от мирской радости, от радости сытого желудка, потому что, когда человек теряет контроль над ней, она переходит в страсть, в нечто нездоровое. Когда человек живет только земными радостями, желая ублажить свою

плоть, насладиться зрелищами и т. д., — такого человека называют плотским.

Но человек создан для большего, для радости духовной, для радости в Духе Святом, для той жизни, которую принес нам Господь. Он сказал: «Я пришел, чтоб дать вам жизнь и дать больше» (Ин. 10, 10). Эту жизнь, эту радость христианин черпает в Боге, во Христе; она является от исполнения заповедей Божиих. Поэтому, когда человек воспитывает в себе внутреннего, духовного человека, он приближается к Богу, а чем ближе он к Богу, чем здоровее его внутренний человек, тем больше эта духовная радость. Когда же человек совершает грех, т. е. удаляется от общения с Богом, от путей Божиих, он замечает, что что-то теряет.

Вот, например, пост. Святые Отцы, т. е. те отцы и учителя христианства, которые причислены к лику святых, говорят, что вообще пост — показатель духовной жизни человека. В наши дни люди очень легкомысленно относятся к посту и считают, что он не обязателен: хочет человек — постится, хочет — не постится. Но человек, действительно любящий Бога, желающий жить жизнью духовной, непременно будет поститься, он не может не поститься, для него пост — это радость, потому что он видит, что от поста истекает радость. Один из святых сказал так: чем больше утучняется наше тело, тем слабее становится душа, тем она становится менее здоровой, и, напротив, чем больше утончается наше тело постом, тем более утучняется душа.

— *А если у человека в жизни все сложилось хорошо: у него есть хорошие друзья, любящая семья,*

хорошая работа, приносящая моральное удовлетворение и материальный достаток, у него нет проблем, у него хорошая жизнь?

— В моей душе не возникает желания такой «хорошей жизни». Потому что, когда в жизни все так хорошо, слишком хорошо, человек начинает забывать Бога. Получается, как у гадаринских жителей в Евангелии (Мк. 5, 14–17): пришел Бог и оказался не нужен, — у них все хорошо, свиньи пасутся, в домах все благополучно, зачем им Бог нужен? Но мне, как христианину, такая «хорошая жизнь» не нужна, потому что в ней очень трудно найти место Богу; Бог там может присутствовать в виде Евангелия, пылящегося на полке.

Для того, чтобы прервался этот замкнутый круг бесконечных удовольствий, чтобы человек подумал о чем-то другом, о высшем, чтобы среди своей так называемой «хорошей жизни» он вспомнил о жизни подлинной, настоящей, об истинной, настоящей радости, человеку посылаются скорби и страдания.

Но мой жизненный опыт говорит о том, что такой «хорошей жизни» нет вообще, ее не существует, это иллюзия, за которой гоняются люди в этом мире. Они нарисовали себе в мечтах розовые замки, так называемую «хорошую жизнь», и бегают за ними, причем погоня эта порождает множество несчастий и страданий, и это мы видим сплошь и рядом.

Люди в поисках «хорошей жизни» только умножают страдания, а настоящая радость рождается, когда человек ходит по путям Божиим: ведь Господь любит нас, христианин создан для радости, но эта радость — совсем иная, духовная. Я видел многих людей, но с

большим затруднением могу назвать кого-то счастливым. Верующим людям, во всех страданиях и испытаниях сопутствует какая-то особая радость, а среди людей неверующих я никогда радости не замечал, ее просто не может быть. Никакого счастья, никакого ощущения полноты жизни не может быть в том человеке, который исключил из своей жизни самое главное — Бога. Что будет, если солнце погаснет? Жизни не будет нигде, все сразу превратится в смерть, а если Бог не будет жить в душе человека, душа становится мертвой.

Любви ради

Мир, который нас окружает, сам человек — удивительное создание Божие... Каким создал его Господь? Для чего? Какова цель жизни человека на земле? Для чего мы пришли в этот мир и чем все это закончится? Вечные вопросы человечества. Не найдя ответов на них, человек не может не считать свою жизнь бессмысленной.

— Бог в ветхозаветные времена через Моисея открыл людям десять заповедей, по которым жил израильский народ. Но вот приходит Христос — приходит для того, чтобы не нарушить закон, но исполнить (Мф. 5, 17), и приносит заповеди блаженств. Многие сейчас стараются соблюдать заповеди ветхозаветные: не убивают, не крадут, почитают Бога, хорошо относятся к своим родителям, сохраняют супружескую верность. Но как научиться жить по заповедям блаженств, оставленным Христом?

— Очень часто мы видим, что люди в Бога верят, как говорят, в душе: стараются не убивать, не грабить, и считают, что этого достаточно. Этого действительно было достаточно для человека Ветхого Завета. Можно сказать, что закон Моисеев в какой-то мере соблюдают и магометане, и иудеи; и христианство, конечно, основано на нем. Никто не отменял нравственные заповеди Ветхого Завета, но после того, как пришел в мир Господь Иисус Христос, от человека требуется уже нечто большее. Как сказано в Евангелии от Иоанна, *закон дан через Моисея; благодать же и истина произошли через Иисуса Христа* (1, 17).

Ветхий Завет прикровенно говорил об истине, там не было полноты, там человек не раскрывался полностью, и Бог не открывался человеку полностью — вся полнота жизни в Боге дана в Евангелии. Если же человек, имея перед собой евангельские заповеди, сознательно отворачивается от них, он теряет истину. Что вы скажете о человеке, который дожил до тридцати лет и одевается в детские одежды, играет в игрушки?

Посмотрите, как построена Нагорная проповедь: Господь берет заповедь *не убий* и дополняет ее так: *А Я говорю вам, что всякий злословящий брата, есть человекоубийца* (Мф. 5, 22).

Святитель Игнатий еп. Ставропольский в своих творениях вспоминает: в юные годы он считал, что все христианство, вся духовная жизнь заключается в исполнении десяти заповедей Ветхого Завета. Всесвятые заповеди Спасителя он почитал прекрасными, похвальными, но необязательными для исполнения,

и только потом понял, как он заблуждался. Поняв это, он постарался стать христианином, монахом и достиг святости.

Господь говорит: *Я Путь, и Истина, и Жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня* (Ин. 14, 6), — Ветхого Завета здесь мало. И того, что люди, даже и неверующие, почитают хорошим, добрым и приличным, для христианина мало, нужно нечто большее.

Достигнуть общения с Богом, достигнуть духовного совершенства без Евангелия, без Церкви, без православной святоотеческой аскезы невозможно.

— *Вы говорите: полнота жизни в Боге, но что такое полнота духовной жизни?*

— Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять, в чем вообще смысл жизни человека. Преподобный Серафим Саровский говорит, что цель жизни христианина заключается в стяжании Духа Святаго. Преподобный Варсонофий Оптинский говорит, что цель жизни человека на земле — это богозрение, т. е. видение Бога. Человек был создан для того, чтобы общаться с Богом, чтобы Бога видеть. Отпав от Бога, он потерял общение с Ним, отсюда все страдания. Не видя Бога, человек оказался лишенным жизни, лишенным видения прекрасного, и находится здесь, на земле, в изгнании, в наказании за свое падение. Мы должны восстановить это богообщение, восстановить наше единство с Богом. Для этого приходил Христос, для этого даны евангельские заповеди как путь к Богу.

Когда человек так подходит к жизни, когда для него цель жизни заключается в достижении общения с

Богом, в духовном совершенствовании, то, конечно, для него самое главное, важное и ценное — это духовные критерии. Как говорит Евангелие: *ищите же прежде царствия Божия и правды Его, и остальное все приложится вам* (Мф. 6, 33). Так человек должен смотреть на материальную жизнь: все приложится, ведь Господь знает наши нужды и все необходимое нам даст.

Для человека, который живет, чтобы есть, пить и веселиться, духовная жизнь тоже в какой-то мере существует: он знает, что есть Бог, и верит в Бога, но для него евангельские заповеди — это некие скучные обязательства. И поэтому ему скучно ходить в храм, для него это узкие рамки, которые ограничивают его свободу, он этим тяготится. И человек начинает отступать от евангельских заповедей. Тогда он теряет конечную цель жизни.

Христианин же, для которого знание Бога — главное, постарается жить и все исполнять так, чтобы насколько возможно приблизиться к Богу. Это и есть полнота жизни в Боге, т. е. духовное совершенство, полнота богообщения, полнота видения Бога. Это бывает тогда, когда человек старается исполнять евангельские заповеди изо всех своих сил, как можно более полно.

Ветхий Завет тоже говорил о любви к Богу, а Новый Завет разъясняет: *кто любит Меня, заповеди Мои исполнит; не любящий Меня не соблюдает слов Моих* (Ин. 14, 23–24). И чем больше человек любит Бога, чем больше человек жаждет общения с Богом, тем тщательнее он старается исполнять евангельские заповеди. В апостольских посланиях Бог называется *Наполняющим все во всем* (Еф. 1, 23). И когда

человек достигает полноты духовной жизни, тогда до конца раскрывается человеческая личность.

— *Для чего вообще создан мир, для чего Богом создан человек?*

— Святые Отцы Православной Церкви дают ответ на этот вопрос. Ответ, конечно, очень глубокий, потому что как мир велик, так бесконечны Божии замыслы, судьбы Божии. Святое Писание говорит: *Все создал Бог Себя ради* (Прит. 16, 4). Если человек делает что-то ради себя, мы такого человека называем эгоистом; но Бог — не человек, Бог есть Любовь, и Он все создал ради Любви, чтобы Его любовь раскрылась во всей полноте. Человека создал Бог именно для того, чтобы явить ему полноту Своей любви, излить на него богатство Своих дарований, Своей благодати. Бог создал человека для того, чтобы Ему было кого любить, а мир создал уже в подарок человеку. Из книги Бытия мы видим, что мир создан для человека, все творение Божие создано для человека, чтобы человек здесь был хозяином, чтобы он здесь правил. Поэтому Адам нарекал животным имена, и все, на небе и на земле, должно было принадлежать людям.

— *Мы говорили о мирском понимании идеальной жизни: когда у человека все есть, все хорошо, его все любят, с ним все дружат. Так, может быть, все это Господь подарил человеку и это и есть нормальная жизнь?*

— Нормально — это когда вместе с миром, который создан Богом, который дан человеку, человек любит еще и Подарившего этот мир и понимает, что мир есть Божие творение, понимает любовь Подарившего. Ведь принимая какой-то подарок, мы понимаем, что

важен не столько подарок, сколько внимание, любовь человека, приготовившего этот подарок. А что происходит с человеком неверующим, материалистом: он любит мир, любит это вещество, а Творца мира забывает и совершенно Его не почитает, т. е. не исполняет законы Божии, которые даны Богом, чтобы правильно пользоваться Его творением. Это вопиющая несправедливость — забыть Сотворившего!

Христианство не отмечает материальную жизнь, но одухотворяет ее. Посмотрите: Церковь освящает любые события в жизни человека. Первое чудо Господь совершил на брачном пире, Церковь освящает брак. Церковь освящает все в жизни: есть чинопоследование освящения корабля, освящения плодов, освящения воды. Когда человек правильно подходит к жизни, его жизнь освящается Богом. Тогда мир, его красота не заграждает от человека Бога — это правильно, тогда человек вкушает плоды земли и вместе с тем славит Творца. Поэтому, как говорит апостол, *все, что вы ни делаете, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию* (1 Кор. 10, 31).

Есть в Церкви Таинство брака и есть жизнь монашеская. Бог благословил и то, и другое. И когда человек с благодарностью все принимает, вкушает от плодов земли, тогда ничего предосудительного в этом нет, и все гармонично, и человек чувствует мир в своем сердце и радость в своем доме, и когда люди так живут, тогда во всем бывает мир.

— *Возможно, Вы были правы: редко можно встретить действительно счастливого человека, имеющего самое ценное: веру в Бога, любовь к Богу, и наряду с этим земное благополучие. Сейчас очень много*

людей несчастных, у которых нет ни любви, ни истинной жизни. Как должен вести себя человек, когда случается горе? Как должны складываться отношения человека с Богом в периоды несчастий, когда положение кажется безвыходным?

— Господь в Евангелии говорит: *кто не несет креста своего, не последует Мне, не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 27). Скорби, крестоношение — это неприменная обязанность христианина, неприменная принадлежность его жизни. Если бы не было скорбей, если бы Бог не напоминал нам о том, что есть высшая справедливость, что есть другая правда, то мы так и потонули бы в своей человеческой правде, в своем понимании мира и жизни. Ведь человек, как правило, ставит во главу угла себя, и измеряет жизнь не Евангелием, не Божиими замыслами, а своими.

Еще Ветхий Завет говорит, что *от юности преклоняется сердце человека на злое* (Быт. 8, 21). Это факт: все мы грешные, падшие люди, и поскольку мы причастны греху, то, желая или не желая, совершаем зло в той или иной мере; вслед за злом является страдание. Грех — это, пожалуй, единственная причина страданий, которые есть на земле. Если бы не было греха, на земле был бы рай, — до грехопадения на земле и был рай. Но стоило Адаму и Еве согрешить, тут же начались их страдания.

Бог — это не каратель. Он исправляет Свое создание; поэтому славянское слово «наказать» означает «научить». И если христианин смотрит на постигающие его скорби как на Божие напоминание о недостатках, тогда он старается исправить их, старается найти причины их в своих грехах, а не в каких-то

обстоятельствах или в немощах людей, которые его окружают. Тогда человек постепенно начинает смотреть на скорби и на все, что с ним случается, правильно, ибо в жизни своей дает место Богу, Божией справедливости, Божию Промыслу. Тогда он благословляет Бога за скорби и благодарит Его.

Что такое пост?

Многие считают, что время поста — тягостное, унылое: ни повеселиться, ни поесть вдоволь. В храме — кругом полумрак, царские врата закрыты, облачение священников — темное. Великопостные будничные службы отличаются особым покаянным пением, и лица у молящихся какие-то скорбные. Для чего все это? Ведь в нашей жизни и так мало радости.

— Я не совсем согласен с тем, что пост — это скорбное, печальное время. Да, пост — это печаль, покаянная печаль, но вот удивительное дело! — печаль эта радостотворная, как назвал ее преподобный Иоанн Лествичник. В одном из церковных песнопений в начале поста говорится: «Постимся постом приятным, благоугодным Господеви; истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголения, лжи и клятвopеcтyплeния — сих оскyдeниe пocт иcтинный eсть и бoгoпpиятный». То есть не тоска и скорбь — душа поста, а уклонение от зла, от всего нехорошего, что есть в нашей жизни. И когда человек удалит из своего сердца грех, зло, которое и является всегда началом

скорби и болезни, тогда в сердце воссияет благодатная, светлая радость.

— *Я думаю, не лишним будет напомнить об употреблении пищи во время Великого поста: что можно вкушать, а что нельзя, ведь разночтений здесь очень много.*

— Пост не есть голодовка. Так неправильно думать. Пост есть ограничение в излишнем, потому что на самом деле организм наш требует гораздо меньше пищи, чем мы даем ему каждый день. И если мы удалимся от так называемой скоромной пищи, т. е. не будем употреблять пищу животного происхождения: мясную, молочную, яйца, рыбу — а будем употреблять пищу растительного происхождения, то увидим, что здоровье наше несколько от этого не пострадает. И наука говорит, что при таком питании оно даже улучшается.

— *Батюшка, но ведь среди нас больные, немощные люди. Есть ли для них какие-то послабления?*

— Несомненно, есть. Мы не телобийцы, а страстоубийцы, как сказал один святой, и поэтому поститься в ущерб своему здоровью — это крайность, это грех. Церковь всегда делала послабления для тех людей, у которых слабое здоровье. Преподобный Варсонофий Великий говорит, что когда человек болен, то если будет и десять раз в день есть, не согрешит.

Что касается количества пищи, то каждый должен устанавливать для себя такую норму: с одной стороны, не давать телу лишнего, а с другой стороны, давать телу должное. Относительно качества пищи: при некоторых заболеваниях, как правило, благословляется ослаблять пост, например, людям с больным желудком, а также беременным женщинам или младенцам.

Но всякий раз лучше это делать с благословения священника.

— *А пост духовный предполагает ограничение себя в развлечениях, в получении той светской, не всегда благостной информации, которая поступает через телепрограммы и прессу?*

— Церковь всегда учила, что пост духовный гораздо важнее поста физического, потому что пост без молитвы — это голодовка. Если человек не удалится на время поста от каких-то ненужных встреч и бесед, то ему просто некогда будет молиться, и пост пройдет впустую. Смысл удаления от зрелищ и развлечений заключается в том, чтобы человеку найти хоть немного времени в году, когда устранившись от созерцания земли, ее событий и дел, он немножечко побудет самим собой, останется наедине со своей душой, наедине с Богом, когда он может подумать о своих грехах, о вечности, о таких ценностях, о которых люди мало говорят в повседневной своей жизни. Именно в этом смысл духовного поста.

Пост — время покаяния, время собирания духовных плодов и при этом — время радости, благодатной, духовной радости. Если мы не будем поститься, мы не сможем понять радости Воскресения Христова, Пасхальной радости. В одной книге о святой Афонской горе приводится такой рассказ.

Дело было на Пасху. На Афоне есть отшельники, анахореты, которые приходят на праздники в монастыри. После пасхальной службы в одной обители, когда братья пошли в трапезную, один послушник увидел отшельника, который сидел и ел корочку

хлеба. Послушник, удивившись, воскликнул: «Отец! Сегодня же праздник, зачем ты ешь этот хлеб? Пойдем вместе с нами в трапезную, ведь сегодня Пасха». Отшельник посмотрел на него внимательным, любящим взглядом и сказал: «А у меня всегда Пасха...»

Очень важно понять связь поста и Пасхи, связь покаянного плача и радости возрождения души. Понять это поможет нам Великий пост, если мы хоть в какой-мере возревнуем подъять на себя его труд. Время Великого поста есть время особого труда над своей душой, время подвига, время молитвы; можно сказать, что это время богопознания. Человек, который не трудится над собой, проходит мимо Великого поста, мимо любой работы над собой, — не будет знать Бога, впадет в ересь. Если вы видите еретика, если вы видите неправославного человека, даже если вы видите нецерковного человека, знайте, что он не живет по Евангелию, хотя, может быть, и много говорит о Евангелии. Человек постящийся, человек подвизающийся, человек трудящийся — это человек Божий, человек, в сердце которого — Господь, это человек, знающий Бога и знаемый Богом.

Сияние Вечности

«Помни последняя твоя и во веки не согрешишь» (Сир. 7, 39). Многие считают, что воспоминание о последнем часе отравит их земную жизнь. Но это вовсе не так. Память о смерти освящает дни земной жизни человека. Вечное освящает настоящее. Память о смерти — как бы лучи, сияющие из вечности в

настоящее. Они согревают нашу душу, одухотворяют ее. Человек, взор которого устремлен в вечность, совсем иначе оценивает земную жизнь.

«Каплям подобно дождевным, злии и малии дние мои, летним обхождением оскудевающе, помалу исчезают уже» — говорится в каноне на исход души из тела. Скоротечно бегут минуты нашей жизни, из них слагаются часы, месяцы и годы. Мы и не заметим, как минует наша жизнь, как мимо нас стремительным вихрем пройдут все ее суетные события, великие и малые, почти не оставив никакого следа в сердце.

Кажется, совсем недавно мы были молоды, наслаждались всеми радостями жизни, а теперь уже на висках серебрится седина, знаменуя закат жизни, начало старости, близость смерти. Скоро, очень скоро, гораздо быстрее, чем кажется, настанет последний день. Он придет внезапно, как вор в ночи, когда его никто не ждет. Предстанет перед нами грозный вестник смерти и поведет душу за собою. Туда, откуда уже не возвращаются. Тогда настанет пробуждение от сна земной жизни и все пережитое, все, что так заботило и волновало нас, все сладкое и горькое, покажется нам не более, как ночным сновидением. *Все суета сует, — сказал Екклезиаст. — Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется* (Ек. 1, 2, 4–7).

Подобно каплям этих рек текут минуты нашей жизни в океан вечности. И ничто, и никто не в силах

удержать бег этих минут. Неудержимо бегут минуты, но от нас и только от нас зависит то, чтобы малая минутка временной земной жизни претворилась в минуту вечной радости. Сможем ли мы сообщить этому крошечному мгновению времени вечный, непреходящий смысл — зависит только от нас. “Если мы не увидим Бога в этой жизни, то не увидим Его и в будущей”, — сказал преподобный Симеон Новый Богослов. Блажен и преблажен познавший эту истину. Блажен и преблажен тот, кто понял значение маленькой минуты, тот, кто каждую из минут своей земной жизни стремится посвятить Богу и вечности, тот, кто понял, что спасение души совершается не когда-то где-то потом на Страшном Суде, а именно сейчас, в эту самую минуту: того, что было, уже нет, а то, что будет, еще не пришло, и мы не знаем, будет ли. Только сейчас, в этот миг, мы живем. Только «сейчас» реально и только «сейчас» открывается перед нами вечность в своем небесном сиянии.

В своем ослеплении человек полагает, что смерть еще далеко. Но на самом деле грань между временным и вечным очень мала, очень незначительна и тонка, что лишь один малый поворот судьбы — и для нас начнется следующий век в вечности. Если наше «сейчас» было заполнено суетой, оно будет отнято Богом, вычеркнуто из вечности, канет в небытие. Эта минута, потраченная впустую, осудит нас там, где за всякое праздное слово подлежит дать отчет.

Жизнь человека подобна дереву: весной оно зеленеет, цветет, благоухает молодостью и красотой, и, кажется, многие века будет непоколебимо стоять, раскинув свою широкую крону. Но ближе к осени начинает

дерево ронять свои листья. Один за другим падают они с ветвей золотым дождем. А потом приходит зима, и листьев на дереве больше нет. Они умерли. Дерево же спит беспробудным сном, ожидая новой весны и пробуждения. Листья дерева — это образ проходящих минут нашей жизни. Так же, как это дерево, живет человек: живет и умирает, ожидая пробуждения в вечности.

Оглядываясь на прожитую жизнь, каждый из нас вспоминает очень многих близких людей: друзей и знакомых. Вспоминает тех, которые шли по пути этой жизни рядом с нами и тех, которые встречались на ее шумных улицах, распутиях и площадях. Увы, многих из них уже нет с нами. Они ушли. Они уже в вечности. Взирая на нас с недоступных высот, они ждут нашей молитвы. Молитва — это ниточка любви, которая связывает нас с ушедшими близкими. Они не умерли, они живы. Ведь в Боге живы все. Мы, христиане, верим, что там мы встретимся со всеми теми, кого любили и кто был нам дорог, кого мы слушали в этой земной жизни, и с теми, кто любил и слушал нас. Верим, потому что «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ».

Зерно, упавшее в землю, если не умрет, — не оживет (Ин. 12, 24). Умерев же, оживет непременно, поэтому христианин не боится смерти. Христианин верит в Воскресение. Для него *жизнь — Христос, и смерть — приобретение*. Он желает *разрешиться и быть со Христом* (Флп. 1, 21). Но, чтобы не пойти против воли Божией, терпеливо ждет, когда придет его час, и божественный вестник поведет душу за собой в иную жизнь, жизнь будущего века.

Земная жизнь дана человеку только для собирания вечного богатства, и не для чего иного, поэтому *смерть грешников люта* (Пс. 33, 22). Поистине люта смерть тех, кто отрицал Бога, кто не признавал вечность, кто в этой жизни не позаботился о том, чтобы познать бесценные евангельские истины и полюбить их. В минуты, когда предстанет душе такого человека Ангел смерти, не будут приняты лукавые отговорки о том, что никто не говорил ему о Боге, что он не читал Евангелие. Скажите, можно ли не заметить солнце? Если это невозможно, то как же можно не заметить Солнце вселенной — Христа? Лишь слепой и бесчувственный человек не заметит этого.

Страшатся приближения смертного часа лукавые сыны века сего. Все их надежды, великие, так и не сбывшиеся планы, имеют печальный конец. Рушится сусальное земное благополучие, исчезают человеческие почести и суетная земная слава. Бесславно и мрачно заканчивается их пустая и никчемная жизнь. У порога смерти приходит страшное осознание того, что бесценные и вечные богатства потеряны, проиграны в глупые игрушки земных наслаждений. Приходит запоздалое и горькое раскаяние. Тогда видят они, как жестоко заблуждались, посвятив свою жизнь вместо правды Христовой — лжи и греху. Но уже поздно. Мудрые девы ликуют со Христом. И чертог небесный затворен Женихом. Придет день, когда будет дописана последняя страница книги земной жизни каждого человека и всего человечества, книга истории этой земли. Тогда будет открыта новая книга, прекрасная книга вечности. И будет новое небо и новая земля, и тогда откроются совестные книги каждого из нас.

Мы увидим тогда, что самые прекрасные страницы этих книг будут написаны тростью Креста и чернилами крови, истекшей из наших сердец, пролитой за исповедание Христа и Его правды. Если таких страниц будет много, если из них окажется составленной вся книга нашей жизни, тогда прекрасная правда Христова засияет в нашей правде пред лицом Вселенной. Тогда драгоценный небесный свет Пресвятой Троицы отразится в нашей душе.

Когда мы услышим бой часов, вспомним, что прошел еще один час нашей жизни, еще на один час сократилась она, еще на один час приблизились мы к своему концу и к последнему ответу, приблизились на один час к началу вечности.

Поэтому постараемся следующий час нашей жизни прожить достойно, посвятив его Богу, посвятив вечности. Аминь.

Большая заповедь

*Возлюби Господа Бога твоего
всем сердцем и изо всех твоих сил
и ближнего твоего, как самого себя.*
(Мф. 22, 37–39)

Господь сказал, что в этой заповеди заключаются *весь закон и все пророки* (Мф. 22, 40), что эта заповедь самая большая. Большая она не только в Ветхом Завете, но и в Новом Завете. То есть в этой заповеди заключается все христианство. Мы живем в таком мире, где одной из ценностей считается «плюрализм»,

то есть свобода мнений, свобода разных направлений философии. В этом мире каждый человек может выбрать себе то, что ему нужно, то, что он хочет. Но в этой свободе нужно уметь разобраться, так как на самом деле истина одна. Рано или поздно любой человек, особенно молодой, встречается с этой проблемой: во что же верить, за кем идти, какую выбрать религию, какую философию; и главное — в чем же истина?

Если в семье сын или дочь спросят: «Мама, в чем же истина?» или: «Отец, во что же мне верить?» — а старшие ответят, что Православие — самая правильная вера, то они не скажут ничего. Так говорят все, и этим нельзя убедить. Если же отец или мать своей жизнью покажут, что Православие — самая правильная вера, тогда за ними последуют и их будут слушать. Но можно еще ответить на этот вопрос так: предложить исследовать каждую религию и каждое направление философии на предмет того, что в них самое главное, какая самая главная идея, — и сразу все станет ясно.

Какая самая главная идея буддизма? Нирвана. Небытие. Какая самая главная идея саентологии? Достижение каких-то сверхъестественных способностей, весьма туманных. Это дает человеку возможность самоутвердиться, но в общем вырасти в гордыне, начать чем-то отличаться от других людей. Что самое главное в исламе? Это можно было видеть воочию на экранах телевизоров, когда в Нью-Йорке гибли тысячи невинных людей, в том числе и православных. Какая самая главная идея коммунизма? Большинство граждан России жило при этом режиме и знает, что это такое. Можно напомнить высказывание одного из вождей

коммунистов, который заявил, что если понадобится уничтожить 90 миллионов человек, чтобы 10 миллионов жили при коммунизме, то они перед этим не остановятся. И уничтожали, и не останавливались. Какая же самая главная идея христианства? *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, изо всех своих сил и ближнего твоего, как самого себя.*

Это сравнение говорит само за себя и исследовать, по-моему, дальше нечего.

С одной стороны, любовь — добродетель самая легкая, потому что душе любого человека свойственно милосердие и сострадание. Это заложено в любом человеке, даже в самом последнем, самом жестоком. В каждом человеке есть искорка любви и сострадания. А с другой стороны, эта заповедь самая высшая, то есть самая трудная. Почему же так? Что людям мешает любить всех и вся? Мешает наш эгоизм, мешает наша гордость. Эгоизм — это гордая любовь, неправильная любовь к самому себе.

А существует ли правильная любовь? Да, существует. Господь дал заповедь: *Возлюби ближнего своего, как самого себя.* Сначала нужно научиться правильно любить себя, то есть научиться желать себе благ духовных. Эгоист желает себе в основном благ материальных, исповедует такую веру: буду жить в свое удовольствие, не глядя на всех остальных, пользоваться всем тем, что мне нужно. Не важно, какой ценой мне это достанется и что это принесет окружающим людям; главное — это «я». Такова философия эгоиста, он гоняется за материальными благами. Своими взглядами на жизнь он ничем не отличается от

четвероногих животных. А правильная любовь к себе — это желание благ духовных, желание богообщения, богопознания, желание царствия небесного, желание любви к Богу и ближним. Такая любовь к себе достижима.

Но существует еще духовный эгоизм, когда человек убежден, что цель его жизни — спасение своей души (и это правильно), но при этом он считает, что весь мир и все люди вокруг созданы для того, чтобы он достиг этой цели. И всех окружающих он рассматривает как некие орудия для спасения своей собственной души, и никак иначе. О том, что Бог создал каждого человека свободным, духовным, такие люди не думают. «Все существуют для того, чтобы я спасал свою душу», — так думает духовный эгоист. Окружающих людей он использует для воплощения своих как бы духовных устремлений, и все они сплошь и рядом ему должны: должны то, должны это, должны и обязаны как в материальном, так и в духовном отношении. Только сам духовный эгоист почему-то никому ничем не обязан.

Если такой духовный эгоист живет в семье, то он рассуждает так: «Я должен молиться Богу, а остальные пусть работают и кормят меня, я же за них молюсь». И поэтому он уверен, что не обязан работать, не обязан приносить в общий бюджет семьи свою лепту, свой труд, ибо он великий молитвенник.

Существует еще более тонкий эгоизм. Есть такая расхожая пословица, — на самом деле очень странная: никогда не отказывайся и никогда не напрашивайся. Она выдается за некую духовную заповедь. Кстати, нигде: ни в Евангелии, ни в святоотеческих

писаниях — такой заповеди я не встречал. «Никогда не отказывайся» — это понятно, хотя на самом деле люди, исповедующие такие взгляды отказываются очень часто.

А насчет «не напрашивайся» — еще стоит подумать. Да, конечно, далеко не всегда нужно предлагать свою помощь окружающим людям, даже нуждающимся в этой помощи. Сначала нужно подумать, есть ли на это воля Божия? Не ввергнемся ли мы в искушение? Не возьмем ли мы на себя подвиг выше сил? Поэтому любое доброе дело предварять рассуждением, то есть проверять, соответствует ли воле Божией наше доброе дело, и вообще — доброе ли это дело.

Но бывает очень много случаев, когда люди просто стесняются попросить о помощи, или по смирению не считают нужным сказать об этом, однако видно, что они нуждаются в помощи. Настоящий христианин, т. е. человек, по-настоящему любящий ближнего, не может пройти мимо. Он не может молча идти дальше потому, что именно так и поступили в евангельской притче священник и левит, которые шли по каким-то важным делам. А израненный разбойниками человек не просил их о помощи, да он и не мог просить: он лежал израненный и был без сознания. И милосердный самарянин увидел страдающего человека, подошел и помог ему не думая о том, что его не просят о помощи. Он сделал все, что мог, хотя рисковал при этом — рядом могли быть и разбойники (Лк. 10, 30–35). Евангелие предписывает нам такую любовь.

Но как же достигнуть любви? Очевидно, что надо как-то избавиться от нашего эгоизма, и здесь нужно усвоить и понять, что по-настоящему любить ближнего может только человек смиренный, только человек,

осознающий свою греховность, человек, по сути забывший о своих интересах. Смиренному человеку некогда любить себя, потому что он о себе не думает, он вообще о себе не помнит. Он помнит только, что есть Бог и Его святая воля и есть люди с многочисленными нуждами, проблемами, болезнями и страданиями. Свою задачу, свою обязанность, он видит в том, чтобы помогать этим людям ради Христа. Это смиренный христианин и делает все время, с утра до вечера, этим наполнена вся его жизнь, и духовная и внешняя, в этом смысл и содержание его жизни.

Поэтому для того чтобы по-настоящему помогать людям, нужно самоотвержение, то есть отвержение самого себя, отказ от своего «эго», от своих интересов, от своих удобств и достатка. И пока самоотвержения нет, нет и настоящей любви к людям: человек, когда хочет — любит, когда хочет — не любит. Принцип «хочу — помогу, хочу — не помогу», — это не есть любовь к ближним, это есть опять-таки любовь к самому себе, потому что ближним надо помогать не тогда, когда мы этого хотим, а когда ближние нуждаются в нашей помощи, когда ближние страдают и когда им нужна наша реальная помощь словом или делом. Тогда это действительно будет любовь.

Как же стяжать смирение? Смирение легче всего и проще всего стяжать через послушание. Об этом говорит святой преподобный Иоанн Лествичник: «От послушания рождается смирение, от смирения — рассуждение».*

— *Что же такое послушание?*

* Лествица. Слово 4, гл. 105.

Желающий научиться послушанию ищет духовного руководителя, наставника, духовного отца. И ради Христа предает ему себя. И старается, не спросив совета у этого человека, без его благословения ничего не делать, а если уж взял благословение, то исполнить все так, как ему сказали. Если изменяются обстоятельства — все переспросить. Священник — человек, он тоже может ошибаться, его не нужно слушаться безусловно, но советоваться с ним необходимо и следует на все брать благословение. И так проще всего научиться смирению, потому что духовного наставника, духовного отца, как правило, любят. А человека, которого любишь, слушаться легко, приятно и радостно. Радостно что-то делать по его благословию, по его просьбе, радостно делать что-то приятное для него.

Слушаясь духовного отца, человек вообще научается добродетели послушания и постепенно начинает слушаться всех окружающих людей, смиряться перед ними, а в конечном итоге — любить всех людей, воспринимая каждого человека как ближнего, как образ Божий, как образ Христов. И он уже не сможет пройти мимо страдающего человека, не сможет отказать ему в помощи.

Настоящий православный человек понимает, что через ближнего дается послушание от Бога. Он думает: «Мой ближний — образ Божий, ради Бога просит меня сделать то-то и то-то. Если это не противоречит моей совести, не противоречит каким-то евангельским заповедям, отеческим постановлениям, благословениям моего духовного отца, я обязан это сделать, это моя прямая обязанность. Если я этого не сделаю, это будет грех» — и делает так. Это свойственно тому,

кому знакомо послушание, кто хоть как-то причастен смирению.

Но, наверное, не стоит много говорить о любви, потому что, как ни говори, никакими словами любовь не опишешь. И лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. А еще лучше самим вкусить от плодов этой прекраснейшей райской добродетели.

В заключение напомним всем известный случай из жизни святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Когда он стал старым пожилым человеком и уже не мог передвигаться сам, и его носили на руках ученики, он уже не мог много и долго проповедовать. Он везде говорил только одну фразу, давал всем только одну заповедь: «Дети мои, любите друг друга». И это он повторял всегда и везде. Когда ученики спросили: «Отче, почему ты говоришь одну только заповедь?» — он ответил: «Потому что эта заповедь такая, что если вы исполните хотя бы ее одну, то уже войдете в царствие небесное». Аминь.

Кто такой монах?

Как становятся монахами? Существует ли призвание к этому? Или монашество — это определенная ступенька для достижения церковных высот?

— Бывает по-разному, и не стану скрывать: для кого-то монашество является лишь ступенькой для достижения высокого сана. Но все-таки большинство из тех, кого я встречал на своем жизненном пути, — люди, действительно горящие душой, всем своим

существом стремящиеся к Богу. Никого не заставляют быть монахом, и в наше время монашество — это особый исповеднический подвиг. По течению, как известно, плывет только мертвая рыба. А монах — это человек, взявший на себя подвиг ни много ни мало противостояния миру и злу, которое есть в мире. Для этого требуются особые внутренние силы, которые нужно в себе воспитать. И, конечно, без Божиего призвания, без сугубого Божиего благословения, без благодати, которая поддерживает человека в этом подвиге, монахом быть невозможно.

— *Вы знаете, что с подачи средств массовой информации у нас бытует самое превратное мнение о монашестве. Каково же, собственно, церковное учение о монашестве, и в чем сущность монашеской жизни?*

— Сразу скажу о наиболее распространенных заблуждениях. В СМИ и во многих произведениях художественной литературы, часто рассматривается не просто образ монаха, но именно монаха католического. В отличие от западной литературы, в русской классической литературе я нигде не встречал образа развратного монаха или монаха-пьяницы. Возьмем повесть Л. Толстого “Отец Сергей”. Главный герой — монах, человек ищущий, образ которого воспринимается далеко не однозначно. Но в конце концов он не сумел быть монахом, он не выдержал. То есть в этой повести описана трагедия жизни, трагедия поиска человека, отражающая трагедию духовных поисков самого Льва Николаевича Толстого.

Православное учение о монашестве заключается в следующем. Есть спасение человека, то есть достижение им царствия Божия; и оно должно совершиться

еще в этой жизни: *царствие Божие внутри вас* (Лк. 17, 21), — говорит Господь в Евангелии. Спасение — это определенная степень победы над грехом, степень духовности, чистоты, добродетели, которой человек достигает в этой жизни. Но, кроме спасения, достижение которого — цель всех христиан, всех членов Церкви, есть еще духовное совершенство — святость. Цель монашества — достижение святости.

Духовное совершенство есть полная победа над страстями, полная победа над злом — прежде всего в себе. Потом, если Бог благословит, и человек действительно достигнет таких высот, он, конечно же, становится носителем благодати в мире. *Вы свет мира*, — говорит Господь. — *Не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Мф. 5, 14). Известно такое высказывание преподобного Серафима Саровского: “Стяжи мирный дух, — и вокруг тебя спасутся тысячи”. Поэтому если человек стяжал духовное совершенство, он начинает сиять, как светильник, через него начинает изливаться свет благодати Божией и преобразовать окружающий его мир.

— *А не эгоизм ли это — заниматься спасением исключительно своей души, когда человек где-то затворяется, молится и ничего не делает для ближних. И где в Евангелии написано, что Господь заповедует не жениться?*

— В Евангелии описан такой случай: ученики-апостолы стали спрашивать своего Божественного Учителя о разных превратностях семейной жизни, и Господь сказал им: “Лучше человеку не жениться” (см. Мф. 19, 10–11).

А что касается некоего «эгоизма» монаха, то это одно из заблуждений, присущих современным людям. Считают, что если монах ради спасения своей души прячется в монастыре, уходит в затвор, то таким образом полезный член общества, который мог бы много сделать, ничего не делает. Но это не совсем так. На самом деле монах делает очень много.

Прежде всего монах должен победить зло в себе. Ведь и Господь, прежде чем выйти на служение миру, на проповедь Слова Божия, удалился в пустыню, где пребывал сорок дней. Господь — Богочеловек, поэтому Ему хватило сорока дней. А обыкновенному, страстному человеку для того, чтобы привести свою душу в порядок, для того, чтобы получить хоть какие-то понятия о духовных предметах, о добре и зле, о царстве небесном, чтобы уяснить себе Евангелие и начертать его на скрижалях своего сердца, нужен, конечно, не один год. Ведь учить можно только тому, что знаешь сам, и людям можно дать только то, что имеешь. Человек удаляется в монастырское уединение именно для того, чтобы что-то стяжать, а стяжав, принести и дать это людям.

Кроме того, в монастыре человек живет не один; в среднем монастыре пребывает от двадцати до ста человек братии. И прежде всего монах совершает служение своим братьям. Сейчас большинство монастырей восстанавливается и в монастыре живут и работают трудники, паломники, — обыкновенные русские люди, которым тоже нужно что-то рассказать, что-то дать в духовном отношении. Православные христиане всегда посещали и посещают монастыри, а сейчас приезжают целые автобусы паломников. И далеко не

всегда это благочестивые, верующие люди, которые хотят провести в монастыре праздник. Часто туда едут на экскурсию, чтобы увидеть какие-то исторические достопримечательности и археологические находки, или просто познакомиться и поговорить с настоящим монахом. И порой уезжают они совсем другими людьми.

Я принял монашеский постриг в таком известном монастыре, как Оптина пустынь, был одним из первых ее насельников. Приехал туда в 1988 году. Мне тогда было двадцать восемь лет. Средний возраст монастырской братии был от двадцати пяти до тридцати двух лет. Молодежь, которая приезжала к нам, видела, что монахи — такие же люди, как и все, и задавала много вопросов. И мы находили общий язык. Большинство из наших насельников имели высшее образование и пришли к вере из неверия. Очень мало было среди нас воспитанных в верующих семьях — буквально два или три человека. Всех остальных привел в монастырь духовный поиск, поиск истины, борьба с той бездуховностью, с тем злом и безбожием, которое они видели в мире. В монастыре ежедневно бывали сотни, на праздники — тысячи людей. Подавляющее большинство — люди не церковные, даже неверующие. Удивительно, но шестьдесят процентов приезжавших составляла молодежь: школьники и студенты. Такое было время: конец восьмидесятых, коммунистическая система трескалась по швам и рушилась, и люди поехали в монастырь, чтобы что-то узнать о Боге. Поэтому монах — это не эгоист, это человек, который готовит себя к высшему служению.

Если мы возьмем историю России и Русской Церкви, то увидим, что, судьбы Православной Церкви теснейшим образом сплетаются с судьбами нашего Отечества. А судьбы Церкви — это судьбы монашества, потому что без монашества Церковь быть не может полноценной. Весь епископат Церкви по канонам, то есть по церковным законам, состоит из монашествующих. И большинство святых, то есть людей, принесших самые богатые плоды миру, — монахи.

Монахи шли первыми в леса, в пустыни. Так преподобный Сергий Радонежский поселился в лесу, потому что желал подвизаться в уединении, просить, молить Бога о своих грехах. Очень скоро к нему пришли ученики, потом был устроен монастырь. Около монастыря стали селиться люди; ученики приходили еще и еще. В результате возник город — Сергиев Посад; сейчас это районный центр Московской области. Туда, где когда-то были глухие леса, где жили дикие звери, пришел один человек, и в результате — вырос город. Это типичная история построения русских городов, многие города на Руси именно так и возникли.

Но далеко не всегда монахи шли в российские леса. Были далекие леса, где жили инородцы, язычники, которые не знали об Истинном Боге, национальная культура которых была очень далека от христианства. Этим людям монахи несли свет веры, проповедовали Слово Божие. Ведь проповедовать христианство нужно не словом, а делом. Один святой сказал, что свою силу слово получает от силы жития. Когда люди видят святую, благочестивую жизнь праведника, тогда слово его действительно западает в сердце.

Преподобный Герман Аляскинский — русский святой. Начало своей духовной жизни он положил в

Троице-Сергиевской пустыни под Санкт-Петербургом, подвизался на святом Валааме, и потом, по благословию священноначалия, отправился на проповедь Слова Божия на далекую Аляску. Аляска тогда была территорией Российской Империи.

Свыше сорока лет преподобный Герман жил и проповедовал там. Он был простым монахом, не был даже священником. Его жизненный подвиг, его святая жизнь, милосердие, любовь к ближним привели к тому, что жители Аляски приняли православие. И до сих пор Аляска — православная, местные жители — алеуты — в большинстве своем православные. Это жизнь и подвиг одного человека, в конечном итоге — любовь одного человека. Потому что христианство есть любовь и милосердие. *Если любви не имеем, то мы ничто* (1 Кор. 13, 2). Тот человек, который не имеет милосердия и любви к ближним, — не монах. Монах — это человек, который имеет любовь и не может ее удерживать в себе. Он обязательно понесет ее людям. Любовь поведет его и всегда научит, что нужно делать и что нужно говорить.

— *В современном мире, где для многих свободные отношения без всякого брака — это норма, обет целомудрия и безбрачия — совершенно непонятная вещь, безумие. Как современные люди могут это понять?*

— На самом деле, это сложный вопрос. Современный мир — простите за резкость выражения — помешан на всех этих отношениях. Современному человеку непонятно, как можно без этого обходиться, и он не верит тому, что есть люди, которые могут проводить свою жизнь в девстве, чистоте и целомудрии. Тем не менее, такие люди есть. Церковь благословляет

семейные отношения, и в венчанном браке ничего греховного нет. Люди должны рожать детей, человеческий род должен продолжаться. *Плодитесь и размножайтесь* (Быт. 1, 22), — такая заповедь Божия была дана Адаму и Еве.

Но всегда были и есть те, кто хочет посвятить себя служению Богу. И для того, чтобы удобнее было это служение совершать, они не связывают себя семейными узами. И на это есть Божие благословение. “Лучше человеку не жениться” (Мф. 19, 10; 1 Кор. 7, 26), — сказал Господь, ведь тогда у него будет возможность, силы и время на служение Богу. Служить Богу — это значит служить ближним, то есть тем, кто тебя окружает. Человек уходит в монастырь для того, чтобы, очистившись от страстей, стяжать большую любовь.

Человек, который имеет семью, во многом очень ограничен. Семейный (иначе говорят — белый) священник имеет супругу — матушку, детей. Он должен как-то делить себя и свое время между прихожанами, паствой и своей семьей. Семья есть семья: ее нужно кормить, одевать, о ней нужно заботиться. А семья монаха — это святая обитель и все те, кого к нему приводит Господь для духовного общения. И он имеет возможность уделить этим людям больше времени. Поэтому миссионеры чаще всего бывают из монахов.

Один епископ рассказывал мне, что на самые тяжелые приходы он посылает монахов. Почему так получается? Когда посылает семейного батюшку, тот говорит: “Владыко, помилуйте, у меня пятеро детей, чем я буду их кормить, где они будут жить, где учиться, — им же образование надо дать”. И это действительно так.

А монаха пошлют в медвежий угол, он выроет землянку, будет жить и строить храм. Хлеб да вода есть, что-то бабушки принесут, какой-нибудь огурец соленый, — и больше ему ничего не надо. Монах пойдет туда, куда его пошлют, как в армии. Монах — это своеобразный спецназ. Священник из монахов не может отказаться ни от какого прихода, каким бы тяжелым и трудным он ни был, поэтому монахов посылают в самые тяжелые места.

Те монахи, которые сейчас возрождают монастыри, едва начнут восстанавливать свою обитель, как сразу же им приходится возрождать и окормлять и какие-то другие храмы епархии, чаще всего, тоже бедные и разрушенные. И для того чтобы была возможность всецело служить Богу и людям, человек принимает монашество.

Другая сторона дела — это общение с лицами противоположного пола. Можно смотреть на женщину как на женщину, а можно смотреть на нее как на создание Божие, как на образ Божий. Эта духовная красота, поверьте мне, гораздо удивительнее и выше, чем красота телесная. Но увидеть в других образ Божий может только чистый, целомудренный человек. Это в основном достояние монахов. Видеть в человеке не тело, а прекраснейшее Божие создание, искру Божию, то есть душу, — для этого тоже становятся монахами.

Что же касается брака, то, согласно канонам и правилам Церкви, человек может жениться только до того, как примет священный сан. Священник второй раз жениться не может. Неженатый человек, принявший священный сан, жениться уже не может. Таких

священников называют целибатами; они не обязательно монахи, но, как правило, потом принимают монашеский постриг.

Какова цель таких установлений Церкви? Отношения священника с паствой не должны омрачаться какими-то телесными вещами. Священник — это духовный пастырь, у него должны быть такие отношения с пасомыми, как у отца с детьми. Недаром священников называют отцами. Естественно, что между ним и его духовными детьми должна быть откровенность. Если в храм придет девушка и будет смотреть на батюшку как на потенциального супруга, то она и кокетничать начнет, и, разумеется, духовных отношений не сложится. Если же она знает, что священник не имеет права жениться, она ему, конечно, все расскажет, обо всем сможет спросить и получить совет.

— *Отец Сергий, монашество, как известно, имеет разные формы. Есть монахи, живущие в монастырях, есть монахи, которые живут в городе, как Вы, совершают свое служение на приходе. Скажите, несут ли современные монахи те аскетические подвиги, которые описаны в книгах, в житиях святых?*

— Формы монашеской жизни всегда были разнообразными. С самого момента своего возникновения — в третьем веке — монашество было гонимо. Оно и возникло как результат гонений на благочестие. Как это произошло?

Эпоха первых веков Христианства была эпохой мучеников; тогда все христиане были гонимы. Потом христианство вышло из катакомб и стало государственной религией Римской империи. Поскольку все чиновники должны были быть христианами, естественно,

Крещение начали принимать не только для спасения своей души, но и из меркантильных соображений. Поэтому благочестие стало угасать. Некоторые, видя такую картину, скорбели, и стали удаляться в пустыню для того, чтобы сохранить настрой первых христиан, апостолов — учеников Господа нашего Иисуса Христа и учеников апостолов. Такие люди стали называться монахами.

Монах — значит уединенный, но он не одинок, он не один. Монах — это человек, который пребывает один на один с Богом. Для того, чтобы было удобнее жить, монахи объединялись в монастыри, тем более, что новонаначальному монаху нельзя сразу удаляться в пустыню и жить одному. Сначала человек должен претерпеть некоторый искус, живя среди людей, научиться смирению, послушанию, любви, милосердию. И только после этого, если будет Божия воля, можно уходить на полное уединение в пустыню. Таких всегда было мало.

В основном монахи жили в монастырях, которые представляют собой особые общества людей, близких друг другу по духу и интересам. Вы тоже, наверное, общаетесь и дружите только с теми, кто вам интересен и не ко всякому пойдете в гости, не всякого будете принимать у себя. Круг наших друзей определяется нашими интересами. И монастырь — тоже как бы объединение людей по интересам.

Когда начинались гонения на христиан — а на протяжении церковной истории они случались часто, — первый удар всегда падал на монахов. Их считали самыми главными фанатиками, потому что они были самыми главными носителями православной

веры. Своим внешним обликом и всей своей жизнью они проповедовали иные, чуждые миру идеалы. Инок — так по-другому называют монаха — это человек, живущий иной, не такой, как все, не понятной миру жизнью.

В ответ на внешние социальные перемены и на гонения, Церковь, а вместе с ней и монашество, изменяли формы своей жизни. То, что сейчас довольно значительное число монахов подвизается на приходах, — следствие особых условий существования монашества при советской власти, которая с первых же дней обрушила волну гонений на Церковь, и прежде всего на монашество. Были уничтожены, замучены, сосланы в лагеря, расстреляны, казнены десятки тысяч монахов. Сейчас постепенно идет процесс канонизации, т. е. прославления этих святых.

Все монастыри у нас в России были закрыты. Только один — Псково-Печерский монастырь — не подвергался гонениям, не был закрыт. Это произошло только потому, что территория, на которой он находится, отошла к Эстонии, а Эстония до 1939 г. не входила в состав Советского Союза. В 1939 году монастырь закрыть не успели: началась Вторая мировая война. А потом политика государства изменилась, и обитель так и осталась открытой. Это единственный монастырь на территории России, который никогда не закрывался.

Все остальные монастыри были закрыты, разграблены, а их насельники либо расстреляны, либо сосланы в лагеря. Поэтому вполне естественно, что те, кто вышел из лагерей, или те, кому удалось спастись от гонений, жили где-то в миру, у родственников, знакомых.

Достаточно часто они селились в деревнях, жили в банях, подвалах или работали в колхозах, например, счетоводами.

Я знал одну монахиню, схимницу. В 1916 году она ушла в монастырь и была пострижена в возрасте шестнадцати лет. В годы гонений была сослана на Колыму, где провела девять лет. Она рассказывала обо всех тяжких испытаниях, которые пришлось пережить. Вернувшись с Колымы, она устроилась работать медсестрой: делала уколы старым, пожилым людям, приносила им лекарства. Это тоже служение христианского милосердия. За примерную работу ей дали квартиру. Ходила в храм, молилась. Когда вышла на пенсию, стала постоянно служить и прислуживать при храме, при этом жила в квартире, которую получила. Многие монахини и монахи тогда так жили.

Потом, еще при Сталине, стали открываться монастыри. При Хрущеве гонения возобновились: было закрыто около семидесяти монастырей, действующих осталось только шестнадцать. При Брежневe монастыри, слава Богу, не закрывались, хотя испытывали очень сильный прессинг со стороны государства. Первый, вновь открытый при советской власти монастырь, уже в пост-брежневскую эпоху — Данилов. А с 1988 года началось открытие и восстановление множества святых обителей, и сейчас их существует уже более пятисот. Кстати, открытия такого множества монастырей за такой короткий срок не было никогда и нигде в истории Христианской Церкви.

Теперь несколько слов относительно аскетического подвига. Без аскезы монашества не будет. Конечно, современное состояние человечества значительно

отличается от древнего: и здоровье совсем не то, и пища не та, и экологическая обстановка сильно ухудшилась. Поэтому те требования, которые предъявлялись к монахам в древности, сейчас являются невыполнимыми, и те подвиги, которые они несли, невозможны для современных иноков. Но не это главное. Монах — это не тот, кто заключает себя в четыре стены, ничего не ест и не спит. Монах — это совершенный христианин, а христианство есть любовь к ближнему и любовь к Богу. В этих двух заповедях выражено все Евангелие, монах посвящает всю свою жизнь их исполнению. Значит, монах — человек, целью и смыслом жизни которого является служение ближнему. В этом отношении современные монахи совершают свое служение. Совершают на приходах, в святых обителях, восстанавливая с нуля или из развалин святые монастыри. Нашему времени в основном свойственно нести подвиг строительства, возрождения монашеской жизни.

Кроме того, монахи занимаются написанием и изданием духовных книг. Величайший из духовных авторов XX века, на мой взгляд, — игумен Никон (Воробьев). Издана книга его писем “Нам оставлено покаяние”. Среди современных духовных писателей мне более всего близок архимандрит Лазарь (Абашидзе), который сейчас подвизается в Грузии вместе с несколькими послушниками в пустыне в Кавказских горах. Издательство имени святителя Игнатия Ставропольского, которое существует при нашем храме, выпустило в свет одну из его книг: “Грех Адама”. Она посвящена вопросу о том, возможно ли спасение некрещеных младенцев и вообще некрещеных. В Церкви

существуют самые разные взгляды на эту проблему, и автор книги, рассмотрев различные мнения, однозначно доказал, что, если человек *не родится от воды и Духа, не может наследовать царствия небесного* (Ин. 3, 3). Поэтому без Таинства Крещения спастись не может никто. Церковь всегда знала только одно исключение из этого правила — когда человек был замучен за Христа, не будучи крещеным. Такой человек окрестился своей кровью и считался не только крещеным, но и святым мучеником. Никаких других примеров спасения некрещеных Церковь не знала на протяжении всей своей двухтысячелетней истории.

— *Что делать молодому человеку, или, может быть, не очень молодому, у которого появилось желание посвятить себя монашеству? Что Вы ему посоветуете?*

— Не очень молодому человеку я скажу, что в монашество нужно уходить в молодом возрасте. Те люди, которые пожили в свое удовольствие и на старости лет решают уйти в монастырь, боясь, что некому будет за ними ухаживать в старости, поступают не совсем честно. Кроме того, в монастыре нужно трудиться, а для этого надо иметь здоровье. И сам по себе аскетический образ жизни, посты, богослужения, которые в монастыре и более длинные, и более частые, чем в миру, требуют определенного физического здоровья. Поэтому далеко не каждому человеку в годах нужно уходить в монастырь.

Конечно, Промысл Божий призывает людей по-разному. Но лучшие монахи все-таки “получаются” из молодых. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что большинство святых Православной Церкви ушло в монастырь в двадцатилетнем возрасте. Может быть,

не ровно в двадцать лет, а в двадцать один, двадцать четыре двадцать пять. Это самый благословенный возраст, когда душа человека еще мягкая, еще ничем не запечатлена: никакими грехами, пороками, навыками, заблуждениями. Душа его как чистый лист бумаги, на котором можно писать святые письма.

Кроме нашего желания, нужно, прежде всего, чтобы была воля Божия на то, чтобы человек ушел в монастырь. Волю Божию надо искать. Как это делается? Наверное, не должно быть так, что человек только крестился, только начал ходить в храм — и сразу поступает в монастырь. Всякое, конечно, бывает, но сначала нужно походить в храм, стать православным христианином.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что прежде чем стать монахом, нужно стать совершенным мирянином. Живя в миру, посещая святой храм, нужно постараться взять из сокровищницы Церкви все возможное, то есть достигнуть определенного духовного уровня, стать настоящим православным церковным человеком. Надо соблюдать посты, которые предписывает Православная Церковь, ежедневно совершать молитвенное правило, регулярно, не реже одного раза в неделю, посещать храм. Православный человек должен ходить в храм во все воскресные дни: накануне, т. е. в субботу вечером, и в воскресенье утром, — а также в двенадцатые праздники, которые так называются, потому что их двенадцать. Вообще, христианин должен любить богослужение, любить духовную жизнь, обязательно читать духовные книги.

Тем, кто стремится к монашеству, необходимо получить какое-то представление о монашеской жизни, читая творения Святых Отцов Православной Церкви,

то есть тех, кто причислен к лику святых. Эти книги, написанные святыми людьми, повествуют о монашеской жизни, о внутреннем монашеском подвиге, о том, как жили и как должны жить монахи, об истории монашества. До вступления в обитель должно понять, что такое настоящее, подлинное монашество, чтобы не ошибиться, чтобы не получилось так, что человек построил себе воздушные замки, а жизнь оказалась совсем другой. Еще нужно знать, что монашество XXI века сильно отличается от того, что было в древности.

Получив представление о монашестве, затем, как правило, берут благословение у своего духовного отца. И сначала едут в святую обитель посмотреть, а потом уже решаются остаться. Вот что мог бы я посоветовать желающему подготовиться к монашеской жизни и найти для себя обитель.

Свет России

России свет, гряди к нам, Рождество!
Ты только здесь так ослепительно сияешь,
небесным светом в тысячах свечей,
в бесчисленных блестящих искрах снега,
в глазах тех, кто пришел тебя встречать...
Прекрасна русская зима:
с кристальной чистотой,
с хрустальным звезд и льдов сияньем,
с теплом любимых очагов, где все свои,
и где со страхом Божиим спасенья чают.
В величьи тишины, и в гомоне синиц,
горячих маленьких комочков жизни.
Таинственная временная смерть
природы,
серебристые оковы.
Вернее, затаившаяся жизнь
и образ смерти,
порой прекраснейший, чем явственная жизнь.

А. Волжская

Глава 2

Цветы рая Христова

Златокованные врата

Какая самая нужная для нас добродетель, в которой заключается существо жизни духовной? Добродетель, без которой спасение совершенно невозможно, именуется чудным словом — смирение.

В книге «Луг Духовный», составленной блаженным Иоанном Мосхом, повествуется следующее. Некий пустынник, услышав о жизни одного святого епископа, возжелал побеседовать с ним. Когда он пришел в город, где этот святой муж управлял кафедрой, то спросил встретившихся ему людей, как он может его увидеть. Пустыннику сказали, что в скором времени епископ должен пройти как раз по этой улице, и предупредили: «Но только не делай святителю земного поклона». Пустынник несколько удивился этому. Через некоторое время в конце улицы показался епископ. Вид святителя был так величественен, что пустынник не удержался и пал перед ним на землю.

Однако святитель опередил его и первый поклонился ему в ноги: пал на землю и лежал до тех пор, пока пустынный не встал. «Говорили же мы тебе, чтобы ты не кланялся в ноги святителю», — сказали пустынножителю.

Так в поступках Святых Отцов явилась эта достойнейшая добродетель — хриstopодражательное смирение.

Один из современных проповедников сказал, что все подлинно великое и высокое никогда не нуждается в самопрославлении и рекламе. Бог совершенен, поэтому Он смирен. Всегда смиренны и истинные Божии рабы. Смирение — прекрасное начало и бесконечный конец всякого духовного подвига, златокованные врата, коими сводится в душу всякая добродетель. Смиренный — жилище добродетелей. Никогда не ошибется тот, кто изберет смирение целью своих подвигов, посвятит жизнь приобретению смирения, сделает смирение целью своей жизни. Стяжи смирение — и стяжешь благодать Духа Святаго. Смирение, поселившись в душе твоей, украсит ее многоценною царскою порфиною, научит всякой премудрости, наполнит сердце сладким благоуханием рая. Смирение скоро приведет тебя в тихий благодатный покой.

Господь говорит: *Научитесь от Меня, ибо я кроток и смирен сердцем: и найдете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф. 11, 29–30). Воистину легко и благо иго смирения, потому что это иго помогает нести благая рука Христова. Она ограждает и защищает смиренного, укрепляет его в трудах и скорбях, облегчает все его болезни. Смирение — таинство будущего века, ангельская печать небесной жизни. Святые Отцы именуют

смирение ризой Божества. Преподобный Исаак Сирин говорит: «Собрание смиренных подобно собранию Ангелов. Когда смиренные восседают за трапезой, они подобны ангельскому лику, который в сердцах своих воспевает непрестающую песню хвалы и благодарения Господу».

Истинное смирение всегда неразлучно с молитвенным подвигом. Смирение и молитва — это две родные сестры: где одна, там всегда и другая. Смирненное сердце благоухает чистой молитвой, благоугодной Творцу миров. Молитва очищает сердце, молитва испрашивает смирение и мир. Если человек действительно молится и подвизается в делании Евангельских заповедей, то он непременно достигнет смирения. Если человек смиренен, то это всегда значит, что он настоящий, подлинный молитвенник потому, что «смирение и есть непрестанная молитва», как говорит свт. Игнатий Ставропольский.

Часто спрашивают, почему наши молитвы бывают рассеянными? Святые Отцы на страницах своих писаний отвечают на это, что рассеянной бывает молитва гордого человека, смиренные же рабы Божии молятся молитвой чистой. «Где смирение — там богатство рассуждения», — замечает св. преп. Иоанн Лествичник. Смиренные молитвенники приравниваются к лику Ангелов Божиих. Они причащаются вместе с ними благодати Духа Святаго. *Хлеб Ангелов ел человек* (Пс. 77, 25), — говорится в Священном Писании. Хлеб ангельский — благодать смирения. Смиренные сердца непоколебимы в добродетелях, так как основание того сердца — Христос, камень добродетели. Христоподражательное смирение — недвижимый фундамент, на

котором смиренномудрый строит дом своего спасения. В недостижимую заоблачную высь поднимаются изящнейшие стены этого хриstopодражательного здания. Украшает их Небесный Художник причудливыми красками рая.

На вопрос, как стяжать благодать Духа Святаго, преп. Серафим Саровский отвечал, что нужно упражняться в делании добродетелей. Преподобный Иоанн Лествичник учит, что милостыня — преимущественно добродетель мирян, а молитва — преимущественно добродетель иноков. Но обе эти добродетели будут угодны Богу и принесут плоды только тогда, когда делание их будет растворено смирением. Богу не угодна никакая добродетель и никакое делание, совершаемые без смирения.

Были святые, которые подвизались лишь в одной только добродетели — в смирении. Это не значит, что они оставляли другие заповеди Божии и упражнения в других добродетелях. Смиранный всегда творит Божию волю. Он никогда не презрит какую-либо заповедь Божию: зная из Священного Писания, что *начало премудрости — страх Господень* (Пс. 110, 10), он боится и трепещет пред малейшей заповедью Божией. Помнит он: *Кто нарушит одну из заповедей сих малейших, малейшим наречется в царстве небесном* (Мф. 5, 19).

Будьте святы, как Я свят (Лев. 19, 2). Это значит: будьте смиренны, как смиренен Господь. Во всем и всегда мы должны иметь перед собою смирение, советоваться с ним, смотреть на него как на божественное зеркало. Блаженного Августина однажды спросили, какая самая высшая добродетель. Он сказал:

«Смирение». — «А какая следующая за ней?» — «Смирение», — был ответ. — «А какая после нее?» — «Смирение», — вновь повторил блаженный.

Как же нам, грешным, стяжать смирение?

Достигается оно спасительным путем исполнения святых заповедей Божиих. Неуклонное послушание Евангелию на всякое время и на всяком месте — вот решительный и единственный путь к смирению. Скоро благословляется и осеняется благодатью смиренная душа, которая руководствуется заповедями Божиими в своей жизни, которая повторяет непрестанно: и *Светильник ногам моим закон Твой, и свет путям моим* (Пс. 118, 105). Непременно рано или поздно в таком человеке воссияет благодать смирения.

Есть еще один способ, помогающий приобрести смирение. Это чтение творений Святых Отцов Православной Церкви, особенно же написанных ими глав о смирении. Такое чтение само по себе уже низводит в душу благодать Божию. *С преподобным преподобен будеши* (Пс. 17, 26), — говорит Священное Писание. Когда мы читаем творения Святых Отцов, мы как бы общаемся с ними, каждый раз вбирая в свои сердца частицу их святых душ. Мы как бы беседуем со святыми духоносными мужами о небесных предметах. А они взирают на нас, и молятся. «В книгах, написанных ими, излившись от избытка смиренных их сердец, живет благодать Духа Святаго», — говорит свт. Игнатий (Брянчанинов). Читая их творения, мы становимся причастниками благодати Духа, духа целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви. Этими добродетелями Святой Дух украшает каждую душу, причастную Ему, вступившую в общение с Ним.

Вот, например, что пишет о смирении преп. Амвросий Оптинский: «Всегда ты просишь, чтобы Господь даровал тебе смирение, но ведь оно даром Господом не дается. Господь готов помогать человеку в приобретении смирения, как и во всем добром, но нужно, чтобы и сам человек заботился о себе. Сказано у Святых Отцов: «Дай кровь и прими Дух». Это значит: потрудись до пролития крови и получишь духовное дарование. А ты дарований духовных ищешь и просишь, а кровь тебе проливать жаль, т. е. все хочется тебе, чтобы тебя никто не трогал и не беспокоил. Да при спокойной жизни как же можно приобрести смирение? Ведь смирение состоит в том, когда человек видит себя худшим всех, не только людей, но и бессловесных животных, и даже самых духов злобы. Когда люди тревожат тебя, ты видишь, что не терпишь сего и гневаешься на людей, то и поневоле будешь считать себя плохой. Или, например, будешь осуждать, подозревать других, опять поневоле будешь считать себя плохой. Если при этом будешь о плохоте своей и неисправности сожалеть и укорять себя в неисправности, и искренно каяться в этом пред Богом и духовным отцом, то вот ты уже и на пути смирения. Одно тут нам кажется нехорошо: что и больно, и неспокойно, и неприятно. Это правда, зато для души полезно. Да еще скажу тебе: что нам кажется полезным для души то бесполезно. Все это с тобой так и бывает, потому что ты не понимаешь духовной жизни.

Ведь и Господь путь в царствие небесное назвал узким путем, а если бы никто тебя не трогал, и ты оставалась бы в покое, как же бы ты могла познать свою худость? Как могла бы увидеть свои пороки? Никак

не могла бы счесть себя плохой. Скорее стала бы считать себя праведницей. И может быть, дошла бы до того, что и с ума бы сошла, как и было много таких примеров, даже и на наших глазах. Ты скорбишь, что, по твоему замечанию, все тебя стараются унижить. Если стараются унижить, значит хотят смирить тебя; а ты сама просишь у Бога смирения. Зачем же после этого скорбеть на людей?» Преподобный, будучи сам украшен этой прекрасной добродетелью, учит нас ей.

Воспитаем же себя для смирения, и оно в короткое время вознесет нас в небесные чертоги Божественного Жениха. Стяжем смирение, и оно научит нас поклоняться Богу духом и истиной. Поспешим углубиться в тайну смирения. Преп. Иоанн Лествичник говорит, что смирение — это таинственное учение Духа Святого, которое Он начертывает на скрижалях сердец. Напиши же на скрижали своего сердца возвышеннейшие глаголы нашего Спасителя, воплотившегося Смирения: *Возвышающий сам себя унижен будет; а унижающий себя возвысится* (Лк. 14, 11). Аминь.

Ум — это смиренномудрие

Батюшка, известно утверждение, что ум женский имеет иное устройство, нежели ум мужской. Святитель Игнатий пишет, что женщина вполне чужда разума духовного, у нее разум — слепое орудие чувств, но это ведь не значит, что женщина обречена на глупые поступки, есть же и для нее какой-то путь к стяжанию премудрости?

— *Начало премудрости — страх Господень, разум добр у всех, руководящихся им* (Пс. 110, 10) — сказано в Священном Писании. Чтобы поумнеть, есть единственный путь — исполнять евангельские заповеди, тогда Божия благодать восполнит все недостатки человека: и душевные, и духовные, и умственные. Если надо, Господь даст и мудрость, и рассуждение, и разум, когда будет на это Божия воля. И сделается тогда женщина — *блажен муж* (Пс. 1, 1). Наше дело — исполнять заповеди. Самый лучший способ стяжать разум — это жить по Евангелию, изучать святоотеческие творения. Исполнение заповедей научает человека смирению, а смирение научает всему остальному. Смиренномудрие — вот настоящий разум.

— *«Закутайся в смирение», — сказал преп. Амвросий Оптинский. Но что такое — смирение? Как к нему прийти, перед кем нужно смиряться?*

— Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что смирение есть риза Божества, это таинство, о котором говорить словами трудно. Смирение нужно пережить, это особое чувство сердца, особое состояние души. Благодать Божия учит смирению: *Научитесь от Меня, ибо я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29), — говорит Господь. Не у Ангела, не у человека, а у Самого Христа учатся смирению, Он Сам таинственно обучает человека этой величайшей премудрости, этой величайшей добродетели, свойственной подлинным христианам.

Смиренный человек не творит своей воли, всегда творит Божию волю, он любит Бога и смиряется пред Богом, перед Его Промыслом, перед Его любовью. Он

смиряться перед другими людьми, потому что это образы Божии, это самовластные существа, это личности, их сердца зажжены вокруг нас Богом, как лампы, и мы должны перед ними смириться, не угасить этого света своей гордостью и себялюбием.

Из подлинного смирения рождается настоящая любовь. Из Евангелия мы знаем, что Господь перед голгофскими страданиями умыл ноги Своим ученикам (Ин. 13, 4–15). Это был поступок смирения и в то же время поступок любви: Он любил их — Он сделал так. Настоящая духовная любовь проистекает из того, что человек смиряться перед ближним: не будет любви, если человек превозносится над кем-то, ставит себя выше других. Только снизу можно любить, когда ты видишь свои несовершенства, видишь, что ты хуже всех и ниже всех, и люди, которые вокруг тебя — это личности, это души вечные, созданные Богом.

Смирение — это тайна, которую нужно пережить. Оно испрашивается у Бога молитвой, стяжается исполнением евангельских заповедей. Как еще говорит Лествичник, — это таинственное учение Христово, которое благодать Духа Святого начертывает на скрижалях сердца. Говорить о смирении можно очень много, но нужно его действительно пережить, его нужно стяжать, тогда начинается таинство будущего века, таинство молчания. И сердце смиренного человека уже молчит пред Богом, оно считает себя недостойным просить чего-то. И Господь пребывает в таком сердце, потому что любит сердца смиренные и кроткие.

Все возможно кающемуся

Покаяние схимонаха

Сегодня, в Неделю перед Богоявлением Православная Церковь предлагает нам на духовную трапезу размышление о покаянии.

Покайтесь. Это первая заповедь, которую мы встречаем в Евангелии. Иоанн Предтеча проповедовал в пустыне и крестил людей крещением покаяния: *покайтесь, ибо приблизилось царство небесное* (Мф. 3, 2). С этим словом Спаситель начал Свою проповедь потому что не может Господь явиться душе до тех пор, пока она не принесет искреннее и чистосердечное покаяние во всех грехах своих, пока покаянием не очистится от последствий греха. Человек согрешил. Согрешив, отпал от Бога. И теперь для того, чтобы вернуться к своему Небесному Отцу, необходимо принести покаяние, и это, собственно единственный путь.

Что же такое покаяние? Очень часто мы слышим это слово — покаяние, часто произносим его в наших беседах, но мало, кто из нас понимает его настоящее значение. Происходит это потому, что мы заражены своими мнениями и больше живем не по заповедям Божиим, а по заповедям человеческим.

Большинство из нас считают себя христианами, многие считают себя благочестивыми людьми: мы никого не убили, не ограбили, а то, что мы делаем грехи, — так это же все делают. Поэтому каяться нам особо не в чем, мы не нуждаемся в покаянии, — так думает большинство из нас, и едва ли не все мы.

Происходит это от незнания Евангелия, от непонимания, в чем заключается христианство и в чем заключается покаяние. Учиться приходится большей частью на своих ошибках, а так как за ошибками следуют скорби, то скорби — наши единственные учителя. И только в скорбях приходит понимание, что в нашей жизни что-то неправильно.

Преподобный Симеон Новый Богослов сказал: «Исполнение евангельских заповедей научает нас нашей немощи». Поэтому мы только тогда сможем действительно увидеть себя грешными и понять, кто мы есть на самом деле, когда будем жить по евангельским заповедям. Если мы себя грешниками не сознаем, значит, по Евангелию мы не живем. Что же делать? Прежде всего, просить Бога о помощи, просить, чтобы Господь дал нам покаяние, научил нас покаянию. Но если мы хоть какие-то заповеди поняли и хоть что-то исполняем, то постепенно Господь откроет нам большее. Главное же не нерадеть, а стараться, как можем, исполнять заповеди и трудиться для спасения своей души.

Господь многообразно научает нас истине: через святое Свое Слово, через обстоятельства жизни, через встречу с благочестивым человеком. Пример благочестивого человека, пожалуй, самая сильная проповедь покаяния. Мы можем много говорить о Боге, читать книги, размышлять, но все это несравнимо с тем, когда мы встречаем настоящего раба Божия. Самый вид его свидетельствует о сокровенных добродетелях его души, о глубоком опыте богообщения. Встреча с ревностным человеком восставляет нас от нерадения и вызывает раскаяние и сожаление о том, что мы не

такие, порождает желание жить так, как живет он, хоть как-то подражать ему. Поэтому стоит поискать рабов Божиих, и, если Господь как великую Свою милость посылает их на нашем пути, необходимо правильно ценить общение с ними и благодарить Бога. Преподобный Пахомий Великий сказал: «Человек, одержимый грехами, не способен к духовным видениям, но если вы все-таки хотите увидеть духовное видение, я вам покажу одно из них. Нет видения более прекрасного, чем видение благочестивого, смиренного сердцем, чистого человека. Если вы увидели такого человека, вы увидели невидимого Бога в видимом человеке — высшего видения не ищите».

Отцы сказали: «Увидевший свои грехи числом большим, чем песок морской, больше того, кто увидел Ангелов». Христианство заключается не в высоких восторгах, не в каких-то состояниях и переживаниях, а в видении своих грехов, в сокрушении, плаче над ними. И только тот может быть назван христианином, кто сокрушается о своих грехах.

Отдельно взятые камешки прекрасной мозаики, не сложенные в картину, не представляют собой никакой ценности, — так и заповеди Божии имеют смысл тогда, когда исполняемые нами, приводят нас к покаянию. Мы угождаем Богу не тогда, когда исполняем заповеди потому, что Бог нам что-то воздаст за наши посты, молитвы, бдения или милостыню, а только тогда, когда, бия себя в грудь, говорим: «Боже, милостив буди мне, грешному, и помоги мне хоть что-то исполнить из того, что Ты заповедал нам в святом Своем Евангелии».

Но как же человек начинает каяться? Как же человеку открывается Господь? Вначале человек слышит Слово Божие: в беседе или в книге. С проявлением веры у него возникают вопросы. Если человек поищет на них ответы, то Господь непременно их даст через священника, книгу или верующего знакомого. Но ответы получить мало.

Любая духовная истина, понятая человеком, накладывает на него обязательства к исполнению заповедей. Если он не исполнит этих обязательств перед Богом, если он таким образом не станет делателем, то эта истина очень скоро уйдет из его ума, дьявол похитит ее, хотя человек и будет убежден, что он ученый, образованный человек, глубоко знающий христианское учение. Но это будет книжник, ничего общего с христианством не имеющий. Только тот христианин, кто живет по заповедям Христа на всяком месте и во всякое время, тот, кто руководится Евангелием во всех своих поступках, мыслях, чувствах. Чем больше человек исполняет заповеди, тем глубже они открываются ему. *Заповедь Твоя чрезвычайно широка* (Пс. 118, 96), — говорит нам Священное Писание. Чем выше будем подниматься над землей, тем дальше откроются стороны горизонта, тем более прекрасной видится земля. И путь познания заповедей бесконечен. Чем больше человек приближается к Богу, тем больше удивляется Божией красотой и премудрости, Божией любовью и заботе, которые проявляются в Божественном Промысле, бдящем над каждым из нас. Чем больше человек удивляется Божией красотой, тем больше в свете евангельских заповедей он начинает видеть свою греховность, свою удаленность от Бога, свою духовную

неустроенность, нерадение, все отвратительные страсти, которые разделяют его с Богом, не позволяют ему во всей полноте вступить в богообщение.

И тогда человек начинает сетовать, жаловаться Богу на самого себя, потому что никто не виноват в его удалении от Бога: он сам воспитал в себе страсти, сам произвольно делал грехи, сам заразил себя этой болезнью, которая называется грех. Сознав себя грешником, человек не может уже не просить Бога очистить его от всех душевных скверн, он молится Богу, и эта молитва — не ожидание духовных восторгов, явлений или видений. Он понимает, что он глубоко недостоин не только высоких состояний, но недостоин жить на земле и дышать воздухом. Как великой милости от Бога, он просит, чтобы Господь не попустил ему стать еще хуже, впасть в смертные грехи, чтобы Господь спас его душу, избавил от геенны огненной. Это уже и есть покаяние.

Человек, сознавший необходимость покаяния, непрестанно молится, храм для него становится родным домом, молитва — любимым делом, потому что молитва — это встреча с Богом, это общение с Богом. Старые знакомые, с которыми соединяли страсти, уже становятся неинтересны, а им становится неинтересно с ним. Зато Господь приводит новых людей, и вся жизнь начинает быть большим поучением, потому что по всей земле — судьбы Божии, и ничто не происходит без участия Божия.

Каждый случай имеет свой сокровенный смысл, и человек верующий начинает искать этот смысл: какая воля Божия обо мне, почему случилось то или это, за что произошло это искушение или скорбь, почему я

заболел, за какие грехи? Не для того он ищет ответы, чтобы поскорей выздороветь, а для того, чтобы не грешить дальше. И так, в видении грехов меняется сознание человека: он видит только свои немощи, ошибки, недостатки и потому считает себя хуже всех. Но на самом деле в это время действует благодать и очищает его от грехов, делает его другим, научает добродетелям, приближает к Богу, а человек этого даже не замечает. Наоборот, чем чище и лучше он становится, тем больше открывается ему картина его греховности, тем больше сетовать и плакать начинает он о своей нечистоте и гибели.

Если человек не сойдет с этого спасительного пути, не будет сходить с креста, с благодарностью будет принимать посылаемые скорби и пойдет туда, куда его ведет Господь, то в течение всей его жизни будет продолжаться процесс его спасения. И только Божий Промысл, в известное ему время, остановит его земную жизнь и эту душу, считавшую себя недостойной встречи с Богом, осудившую себя в ад, переселит в небесное царство.

Многоразличны и бесчисленны пути Божии, которыми Господь ведет людей к спасению. Не препятствует этому ни количество грехов, ни жизненные обстоятельства, потому что Бог всемогущ. Препятствует спасению единственно злое произволение человека, его нераскаянность. Сколько есть людей, столько и путей к Богу. Господь премудр и милосерд, и Его милосердие превышает Его праведность. Видим мы это на примере многих грешников, которые с Божией помощью принесли покаяние и ныне прославлены в лице святых.

Несколько лет назад в Псково-Печерском монастыре скончался схимник. Это был добродетельный и благочестивый монах, ежедневно он выстаивал длинные правила, много молился, соблюдал все монашеские правила и служил назиданием братии обители и паломникам, но постоянно его видели плачущим. Когда его просили рассказать о своей жизни, он только горько плакал, бил себя в грудь и говорил: «Поверьте, братия, я самый грешный человек на земле». И лишь немногие из братьев знали тайну его жизни.

1918 год. Небольшой рабочий поселок на Урале. Приезжает машина, из которой выходят «товарищи» в кожаных куртках с красными бантами, с маузерами и винтовками. Собрав всех жителей поселка на площади перед церковью, они объявили, что будут производить мобилизацию в отряд ЧК, и все молодые мужчины должны теперь нести воинскую повинность. Что такое ЧК, тогда уже все знали, поэтому некоторые отказались. Те, кто отказался, тут же были расстреляны за сопротивление советской власти. Ничего не оставалось делать, как выстроиться и ждать решения своей участи. Комиссары отобрали нужное число людей, посадили в машину и уехали. Среди них был семнадцатилетний юноша.

Потом их привезли в казармы и начали обучать работе чекистов: стрелять из всех видов оружия, пытаться и допрашивать. Через некоторое время новичков повезли на первое задание. Одна из деревень не могла выполнить продразверстку, и по приговору комиссара ее жители должны были быть расстреляны в назидание всем остальным. Деревня была окружена, стариков, женщин, детей поставили на площади, и

юношей заставили стрелять. Но эти чекисты, сами деревенские парни, стрелять не могли и первый залп дали поверх голов. Тогда комиссар пригрозил: «Если вы так будете стрелять, я расстреляю каждого десятого из вас», и приказал стрелять. Но юноши не могли расстреливать невинных людей и снова не послушались приказа. Тогда комиссар прошел вдоль ряда солдат и, как обещал, расстрелял каждого десятого. Солдатам была дорога жизнь, и им ничего не оставалось делать, как стрелять в людей.

Вслед за этим начались бесчисленные расстрелы, пытки. Перед массовым расстрелом солдат поили водкой, чтобы в пьяном состоянии они могли исполнять злодейские приказы начальства, но приходило отрезвление и настолько нестерпимо мучила совесть, что солдаты-чекисты не могли есть хлеб. Однажды этот юноша подошел к комиссару и спросил: «Для чего мы их убиваем? Зачем все это нужно?» Комиссар, немец по национальности, сказал: «Это контра, и я больше пожалею муху, чем этих людей». Так было закончено все политвоспитание.

Шли годы, кончилась гражданская война, в стране строился социализм, началась коллективизация, полным ходом шли пятилетки, и опять — репрессии и расстрелы. Чем больше советская власть «строила счастье» для народа, тем большее число людей из этого народа уничтожалось. Юноша, ставший уже взрослым человеком, все чаще задумывался над всем тем, что происходило вокруг. Многие из его товарищей спились, некоторые сошли с ума, одни покончили с собой, не вынеся мучений совести, а другие за свои «подвиги» стали большими начальниками. Но и они

недолго наслаждались своей властью: как правило, те, кто боролся с «врагами народа», через некоторое время сами объявлялись «врагами народа» и были расстреляны. Он понял, что рано или поздно то же произойдет и с ним.

При первой возможности он уволился из органов. Но все те люди, которых он расстрелял, преследовали его, когда он испытывал муки совести. Он потерял покой: как только он закрывал глаза, он видел лужи крови, глаза людей — тех, которых он убивал. Особенно часто он вспоминал расстрел священников. Они шли на смерть радостно, пели молитвы, утешали и укрепляли друг друга. Когда они стояли на краю могилы, в их лицах не было страха, но какое-то особое, радостное, неведомое советским палачам спокойствие. Они прощали и благословляли своих убийц. И во всем этом чувствовалось несокрушимое величие человеческого духа и непостижимая злому рассудку сила. Казалось, эти смертники видят и знают что-то такое, чего не знают эти палачи.

Но наряду с этими ужасными воспоминаниями были и другие — светлая память детства, Божий храм, куда мама водила его причащаться, пасхальная заутреня и радость, когда вся семья собиралась после нее за столом. Это все было так далеко... Его отделяла от этого река времени и... река крови.

Однажды этот человек зашел в храм, подошел к иконе Спасителя и стал просить, чтобы Господь помог ему выйти из мучительного состояния, чтобы Господь простил его бесчисленные смертные грехи, хоть убивал он не добровольно, но убивал невинных людей. Он долго-долго плакал перед иконой Спасителя. И

когда он вышел из храма, на душе у него стало легче, впервые за много лет. Он стал чаще заходить в храм, решил пойти на исповедь и рассказать священнику все, что его тяготило. Исповедь длилась несколько часов, и все это время он плакал.

Он понял, что у него одно спасение — это Спаситель, что только Господь может спасти его от всех тех кошмаров, которые преследуют его, и что все эти кошмары — это праведный суд Божий за его грехи. Этот человек ушел в монастырь, принял монашеский постриг, а потом святую схиму. И всю свою жизнь он умолял Бога о прощении, молился о всех тех, кого он вынужден был убивать. И Господь принял его покаяние — то был величайший праведник, который правду свою засвидетельствовал святой жизнью и святой кончиной.

Покаяние — смысл жизни каждого человека на земле. Есть много людей, которые считают себя православными христианами, но в воскресный день идти в храм не желают, считают это необязательным, ненужным, второстепенным. Почему же так происходит? Происходит это от незнания христианства, от поверхностного понимания Евангелия, оттого, что люди не понимают, что такое покаяние и каково его значение в жизни человека. Многие из тех, которые считали, что им сегодня некогда пойти в храм, что у них много работы, что им надо воспитывать детей и кормить семью, и они как-нибудь потом пойдут в храм, как-нибудь потом начнут каяться, многие, которые так думали, так и не дожили даже до завтрашнего дня. Поэтому не будем отлагать наше покаяние. Будем чаще вспоминать заповедь Спасителя, одну из

важнейших Его заповедей: *Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное.*

Один из святых сказал, что настолько Божия благодать может действовать в человеке, настолько он может быть причастником благодатных дарований, настолько он может совершать какое-то высокое служение (епископское, священническое), насколько он пребывает в делании покаяния. И как только покаяние прекращается, душа умирает, и духовная жизнь становится невозможной, остаются только видимые формы, остается прелесть.

Сила покаянной молитвы

***О неизвестном
диаконе-новомученике***

«**П**омилуй мя, Боже, помилуй мя». Этот покаянный вздох христианской души мы слышим во все дни Великого поста, потому что покаянием живет христианин. Покаяние — это душа и смысл святых дней Четырдесятницы. В эти дни открывается перед нами великое таинство покаяния, великая тайна обновления души и соединения ее с Богом, ибо поистине это есть тайна креста.

Покайтесь, ибо приблизилось царство Небесное (Мф. 3, 2), — это первая заповедь, которую мы встречаем в Евангелии, это дверь, через которую мы приходим ко Христу и которая открывает нам учение

воплотившегося Бога, учение о вечной жизни и, увы, о вечной смерти.

По-гречески покаяние — «*ΜΕΤΑΝΟΙΑ*». Дословно это переводится как изменение, т. е. мы с вами, христиане, должны измениться, мы должны все пересмотреть в нашей жизни, в нашей душе, в нашем сердце. Мы должны оставить ветхие, страстные понятия, убийственные для души, и принять новые, обновленные Богом, — понятия евангельские и подчинить весь свой разум, все помышления и движения сердца, всю свою жизнь понятиям Нового Завета. Тогда это действительно будет покаяние.

Святитель Игнатий Ставропольский говорит, что когда человек принимает евангельское учение и начинает жить по евангельским заповедям, то ветхий человек, живущий в нас, поднимает страшную борьбу против евангельского учения: нашим страстям не нравится Евангелие, не нравится Божие владычество, которое приходит к нам в тот момент, когда мы обращаемся к Богу. Оно не нравится и дьяволу, этому человекоубийце искони, и он начинает посредством страстей поднимать в нас эту жесточайшую борьбу. Она настолько страшна, что Святые Отцы древности охарактеризовали ее так: «пролей кровь и прими дух». Поняв значение этой борьбы, увидев коварство древнего змия, Отцы уходили в пустыню. Они удалялись от мира сего с единственной целью — принести покаяние, измениться, сделать свою душу достойной Бога, сделать ее невестой Христовой, чтобы еще здесь, живя на земле, войти в небесное царство.

Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное — возвещает нам Святое Евангелие. Святитель Игнатий

Ставропольский говорит, что само покаяние уже есть вхождение в это царство, ибо насколько мы освободимся от власти страстей, насколько примем евангельское учение, настолько мы примем в себя Бога — Святаго Духа.

Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное — вот та великая задача, которая стоит перед каждым из нас. Человек, обновленный верой в Бога, верой в Евангелие, может быть назван духовным человеком, потому что он становится причастным благодатных даров Духа Святаго, и благодать Божия не только совершенно изменяет его, но действует в таком человеке уже видимым образом. Как *от избытка сердца говорят уста* (Мф. 12, 34), так от избытка благодати изливается эта благодать на окружающих людей, порой совершенно далеких от Бога, потонувших в разврате и мраке века сего, безбожии и кощунстве.

Я хочу рассказать одну историю, которую я слышал много лет тому назад в келье одного великого старца.

В страшные для нашего Отечества годы, когда за грехи русского народа пала Российская держава, и на смену благочестивым царям пришли жестокие кроважадные правители, которые не щадили ничего святого, в одном селении Курской земли жил дьякон. Это был благочестивый, добродетельный человек. Он молился Богу, честно служил, очень любил совершать Литургию. Он приносил молитву о мире всего мира, о благостоянии святых Божиих церквей и, видя его святую жизнь, назидались окружающие люди, ибо сама жизнь такого человека назидала выше любых слов, самых умных и красивых, потому что на самом деле

назидать может только смирение, только подлинное покаяние.

Но новая власть не взлюбила его за это, а правильнее сказать, не взлюбил дьявол, и правители решили его погубить. Но у этого дьякона был один защитник — его родной брат, который работал в ЧК. Он не давал в обиду своего брата, потому что очень любил и уважал его, хотя в те годы, когда сын отрекался от отца, отец — от своих детей, это было очень трудно. Враги Церкви, враги этого благочестивого дьякона ждали удобного момента, чтобы погубить его.

Однажды его брат уехал на очередной партийный съезд. Пользуясь этим, революционеры арестовали дьякона и в срочном порядке приговорили к расстрелу. Он не стал просить о помиловании, не стал умолять о пощаде, он нисколько не поколебался. Придя в свою камеру, он стал молиться Богу, приносить покаяние за всю свою жизнь. И запел: «Покаяния отверзми двери, Жизнодавче...» И такой духовной силы было это пение, из такой глубины покаяния выходили эти звуки за решетки камеры, что все узники умолкли и слушали эту молитву, изливающуюся из кающегося сердца. Тюрьма затихла. Уголовники бросили свои карты, все встали и молились.

Но вдруг отворилась дверь камеры этого святого узника, вошел начальник тюрьмы и сказал: «Что ты делаешь? Зачем ты травишь мою душу? Немедленно замолкни или я убью тебя здесь же». Но дьякон не умолкал. Уже никто из людей не мог остановить его покаянной молитвы. И он продолжал петь, продолжал приносить покаяние уже не только за свои грехи, а за грехи всех людей. И за грехи этого несчастного

начальника тюрьмы. Тогда тюремщик бросил свой наган, зарыдал и вышел из камеры.

Наутро дьякон был расстрелян. Земля лишилась одного из достойнейших своих жителей, но небо с ликованием приняло его в лики святых мучеников, апостолов и Ангелов. Он сейчас предстательствует за нас перед Богом и молится, чтобы Господь дал покаяние русской земле и каждому из нас. Будем же помнить эту покаянную мольбу святого человека, одного из новомучеников российских и постараемся жить так и провести эти дни Поста так, чтобы они сделались для нас одним из шагов к небу. Аминь.

О духовном руководстве

***Интервью корреспонденту
«Покровского Листка» (г. Калуга)
Марине Богомоловой.***

В храме Сошествия Святого Духа работает много молодежи. И поле деятельности их во славу Божию очень обширное: клирос, книжная лавка, ремонтные работы, издательство, трапезная, в которой почти непрерывно кормят то паломников, то нуждающихся прихожан. Сразу по окончании Литургии начинается активная работа. Тому, кто впервые попадает в этот храм, может даже прийти на ум сравнение с броуновским движением. На самом деле каждый выполняет конкретную, порученную ему работу. Большинство из работающих людей не

случайно пришли именно в этот храм. Их объединяет общность духовных интересов и авторитетов. Многие знают друг друга и о. Сергия уже несколько лет. Это настоящая община. Главное, что вы почувствуете, находясь внутри нее, — любовь друг к другу и желание помочь ближнему. Свой путь ко спасению все они прокладывают, руководствуясь советами о. Сергия. Я задала несколько вопросов батюшке. Вот наша беседа.

— В чем заключается Ваша деятельность как духовника?

— Я не хотел бы себя называть ничьим духовником, поскольку это очень высокое служение и настоящих духовников очень мало. Совершенными духовниками были такие люди, как преподобный Серафим Саровский, преподобный Амвросий Оптинский, праведный Иоанн Кронштадский. Я весьма смущаюсь себя называть чьим-либо духовником. Я считаю, что единственно возможное сейчас духовное руководство, как говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), это совет единокровного брата. Так что я не более, чем единокровный брат. Как я могу руководить кого-то, когда дай мне Бог себя куда-то уруководить и куда-нибудь прийти.

Вначале, когда меня рукоположили в священный сан, я считал своим долгом никому не отказывать в беседе, в исповеди. Когда люди просились ко мне в духовные чада, я говорил, что очень молод, что есть люди постарше, более опытные. Предпочитал отправлять их в Троице-Сергиеву лавру. Но потом стал понимать, что это не совсем правильно, потому что люди туда, во-первых, не ехали, а кроме того, для

получения духовных советов это не всегда удобно, потому что далеко. Тем не менее, если ко мне они обращались с вопросами, я не отказывал в беседах, единственно, что я говорил, что духовник из меня никакой.

И сейчас, когда люди обращаются ко мне с подобного рода просьбами, я говорю: «Знаете, много я видел людей, называвшихся духовными чадами и духовными отцами, но духовных отношений между ними никаких не было. В лучшем случае эти так называемые духовные чада приходили на исповедь, что-то рассказывали очень кратко, и, получив разрешительную молитву, уходили». Я не считаю, что это духовничество. Я считаю, что это пастырские обязанности любого священника, а духовные отношения должны быть гораздо глубже. Это должен быть подвиг послушания. Но подвиг послушания людям достойным, к коим я себя не отношу. Поэтому обычно я говорю людям, чтобы они, конечно, приходили, если желают, но Бог должен благословить эти отношения. Если совершается такое таинство общения двух душ ради Христа, то получается по слову Господа: *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их* (Мф. 18, 20). Если это происходит, то слава Богу.

Я считаю, что те, кто ко мне приходит, очень часто оказываются гораздо более духовными, чем я, хотя часто и моложе меня. И поэтому я сам почитаю за счастье общаться с некоторыми людьми, которые задают мне вопросы, рассказывают о своих духовных состояниях. Желая прежде всего спасти свою душу, я ценю общение с людьми, которые мне могут что-то дать в духовном отношении. Себя отношу к духовно неимущим. Не знаю, что я могу кому-то дать.

Конечно, я — священник. По благодати священства Господь совершает через меня Таинства. Но не знаю, насколько мне удастся преподать какие-то советы. Не мне судить об их духовном достоинстве. Поэтому, хотя есть люди, которые мне доверяют, но многие испытывают недоверие и, я думаю, что вполне справедливо. Считают меня неопытным, прельщенным и заблудшим человеком. Может быть они и правы. Поэтому, круг людей, с которыми я общаюсь, достаточно небольшой.

Обычно люди приходят, задают вопросы, я преподаю им общие наставления, которые каждый священник должен и обязан преподавать: о том, что надо молиться, причащаться, ходить в храм. А более глубокие разговоры я веду далеко не с каждым, а с тем, кому открывается душа. Таких людей очень мало. И я не думаю, что их должно быть много. Да, у старцев были тысячи духовных чад. К ним приходили и приезжали люди. Но это — духоносные старцы. Они действительно могли многое дать, многое сообщить. Нужно всегда искать волю Божию — насколько есть воля Божия мне общаться с этим человеком и ему со мной. Может быть, есть воля Божия на то, чтобы человек ушел к другому священнику.

Мне более близки те, кому не безразличен монашеский путь жизни. Раньше, до принятия священного сана, я хотел быть великим проповедником, миссионером. Первый год, может быть, когда стал священником, я активно этим занимался. А теперь я понял, что не это главное. Прежде всего нужно быть монахом, а еще раньше — христианином. Все настоящие пастыри, замечательные духовники и старцы, были

прежде всего молитвенниками, себя я таковым не считаю. Как говорит Симеон Новый Богослов, только тот богослов, кто правильно молится, и кто правильно молится, тот настоящий, истинный богослов. И только тот, кто не по книгам, а опытно знает тайны Божии, может открыть их другим людям и повести за собой. Поэтому мне хотелось бы прежде всего быть молитвенником. А для этого нужно время и силы.

— *Батюшка, расскажите с чего начинается приходская жизнь?*

— Сейчас очень многие впадают в искушение “ввергнуться” в пастырскую деятельность. Начинают что-то строить, открывать. Я слышал, один хочет деревню православную строить — три с половиной миллиарда ему нужно для этого. То есть сейчас зачастую начинают строительство со стен. Я же понимаю так: храм должен быть для людей, монастырь — для насельников монастыря, а вовсе не наоборот. Сейчас почему-то восстановят стены, потом начинают лихорадочно искать, кого бы туда поселить, хватают первого попавшегося и туда тащат.

В древности такого не было. Вокруг какого-то аввы собирались люди, движимые идеей служения Богу, уходили в пустыню, рыли себе пещеры и там жили. Им не нужны были ни стены, ни золоченые купола, все было просто. Люди искали Бога. Потом возникала обитель, строился храм. Так возникли лучшие обители. О таких людях повествуют патерики и жития древних святых.

Сейчас все делается по-другому. Не с душ начинают, а со стен. Я считаю, что именно поэтому монашество переживает глубокий кризис. Стены тоже нужны,

но не слишком ли большое значение им придается? Странные вещи я слышу о монастырях. Приехала одна инокиня: монастырь закрывается, игуменью куда-то перевели, сестры расходятся, она не знает, что ей делать. А зачем было открывать? Для чего столько монастырей? Хотя, если они открыты, наверное, Божия воля на это есть.

— *Чем вы руководствуетесь, давая советы людям, которые к Вам приходят?*

— Игумен Никон (Воробьев), которого я считаю одним из величайших подвижников XX столетия, наиболее близкий нам по времени аскетический писатель, говорит, что древние духовники были духоносными старцами, поэтому они, будучи сосудами и светильниками Духа Святого, могли преподавать другим заповеди от Бога непосредственно. Так они учили своих учеников. Современные духовники далеки от этого состояния. Они в лучшем случае могут растолковать человеку святоотеческие и евангельские заповеди применительно к какому-то определенному случаю, постараться объяснить, как исполнить это по мере своих сил.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что в современной жизни ученик и духовник вместе ищут волю Божию. С большим трудом, с препятствиями, с трудностями. Они помогают друг другу. Я считаю, что в основе любого духовного руководства должно лежать Священное Писание и истолкование Священного Писания в святоотеческих творениях. Любой современный духовник должен все свое учение строить на Святых Отцах. Ничего не придумывать. Должен глубоко знать Святых Отцов, особенно близких нам по

времени, потому что древние Отцы рассматривают духовные проблемы эпохи, когда они жили, а современные или близкие нам по времени, такие, как святитель Феофан Затворник, святитель Игнатий (Брянчанинов), игумен Никон, оптинские старцы, рассматривают те вопросы, которые ближе нам.

Поэтому я чаще исхожу из того, что я мало что понимаю. Но если меня спрашивают, стараюсь найти у Святых Отцов совет, применимый к данному случаю, и предлагаю самому человеку судить о достоинстве совета по тому, насколько он применим к данной ситуации, к данному вопросу, к данному его состоянию. Если человек соглашается, принимает этот совет и совет помогает — слава Богу. Если человек не соглашается, не принимает, отвергает — это его право. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что при современных условиях любой человек имеет право не всегда следовать совету. Такова сейчас жизнь.

Если я не знаю, то говорю: «Извините, я не знаю». Я достаточно часто так говорю. Приходят, например, люди: «Батюшка, благословите на операцию». Я говорю: «Простите, я не врач. Я могу, конечно, благословить, но имейте в виду, что я не медик и не знаю, насколько нужна эта операция, нужно ли ее в этом месте делать, сейчас ли ее нужно делать. Ничего этого я не знаю. Нужно найти хорошего, опытного врача и посоветоваться». Кстати, я был свидетелем того, как к известному духовнику Троице-Сергиевой Лавры, отцу Кириллу (Павлову), обратилась женщина и изложила сложную криминальную ситуацию. Он долго слушал, а потом сказал: «Иди, найди себе хорошего

адвоката и у него спроси, как тебе поступить». А люди, которые играют в старцев, наверное, начали бы какую-нибудь отчитку, или еще что-нибудь. А это честный правильный ответ. Я таким больше доверяю.

— *Батюшка, Вы сказали, что давая советы, сверяетесь с тем, что написано в книгах. Получается, что человек может сам взять и прочитать. Насколько нужен тогда духовник?*

— Святитель Феофан Затворник в одном из своих писем пишет: «Священник правильно вам сказал, что для того, чтобы спастись, нужно руководствоваться Священным Писанием и святоотеческими творениями. Но, только книг не достаточно. Обязательно должен быть человек, который поможет правильно понять эти книги. Поэтому найдите какого-нибудь священника или еще какого-то человека, и постарайтесь вместе с ним решать ваши вопросы». И дальше он приводит совет Паисия Величковского: если нет духовника, то соберитесь двое или трое единомышленных братьев и вместе решайте, как вам поступать, друг другу открывайте помыслы. А для того, чтобы руководствоваться непосредственно Священным Писанием и Святыми Отцами, нужно уже иметь какой-то разум духовный. Это далеко не сразу дается.

Новонаначальному, только что пришедшему в церковь, обязательно необходимо пастырское руководство. Но руководство, конечно, должно быть более-менее грамотное. Святитель Игнатий в «Приношении современному монашеству», в пятом томе своих творений пишет, что, придя в монастырь, новоначальный послушник, должен прежде всего позаботиться найти

человека, который будет давать ему хоть какие-то советы. Он не пишет, что надо найти старца, чудотворца, а просто хоть какого-то человека, который был бы грамотен в святоотеческих писаниях. Если кто-то согласиться это делать — «целуй двери его кельи». Потому что это очень тяжелый труд, очень большая ответственность. И я не знаю, как можно спастись просто по книгам. Это заблуждение.

«Лествица» начинается с того, что если ты не позаботился в начале своего пути найти какого-то духовного руководителя, такого Моисея, который водил израильский народ по пустыни, то ты находишься уже в пучине погибели. И другие отцы достаточно прямо указывают нам на необходимость духовного руководства. Да, нужно поискать. Не нужно предавать себя в руки первому попавшемуся наставнику, который таковым именуется, рвется таким быть. Святые Отцы опять-таки советуют не спешить, не семь, а семьдесят раз проверить. С одной стороны — не надо искать чудотворца и прозорливца, как говорит Иоанн Лествичник, достаточно найти человека смиренного, а с другой стороны, — нужно найти человека, который не был бы в прелести и преподавал тебе советы по Богу, а не из своего падшего разума.

— *Неужели в современном мире совсем нет духовных старцев?*

— Они всегда были, есть и будут. Ими Церковь стоит. Есть-то они есть, да про нашу ли честь? Их не много. Стоит ли их искать? Да, может быть стоит. Есть воля Божия нам с ними встретиться, пообщаться, — встретимся. Все почему-то считают, что их вопрос

должен решить какой-то старец. И поэтому они, с одной стороны, не желают ничего спрашивать у своего приходского священника, оказывая тем самым неверие благодати священства. С другой стороны — вдаются в длительные, трудные поиски, куда-то ездят, тратят время, силы. Как правило, находят лжестарцев. И начинают впитывать лжедуховность. Это явление сейчас очень распространено.

В свое время у меня была встреча с одним духовным человеком, протоиереем Тихоном Пелехом. Он, как я выяснил, позднее был пострижен в монашество с именем Серафим. В то время я искал духовника. И когда я задал вопрос о духовнике, отец Тихон дал такой ответ: «Я всегда верил в благодать священства. И когда у меня были какие-то вопросы, я искал кого-нибудь священника и задавал ему эти вопросы. И по вере моей и по благодати Божией, получал ответ». Благодать священства — это великое дело.

Я бы не стал все спрашивать у всех подряд. Преподобный Антоний Великий, например, говорил, что спрашивать надо не у всех, а у того, к кому ты имеешь веру. А веру можно иметь к человеку, который не говорит красивых громких фраз, не ведет себя напоказ, а который действительно являет какие-то добродетели в своей жизни. К такому человеку сердце как-то располагается. Ответы и советы его пользуют. И конечно нужно читать книжки.

Я всем, конечно бы, желал найти духовного наставника, скорее, хорошего духовного друга, который давал бы ответы на вопросы. Это очень помогает. Очень облегчает духовный путь и очень скрашивает его. А духовный наставник — это, собственно, дар

Божий. Хороший духовный наставник — милость Божия.

Аскетические делания в наше время

*По учению
свт. Игнатия (Брянчанинова)*

Святитель Игнатий много говорит о посте и вообще об аскетическом подвиге, поскольку он — учитель монашества, духовной жизни, молитвы. А вся духовная жизнь неразрывно связана с борьбой против нашей плоти. Особенно много святитель Игнатий говорит о посте в первом томе своих «Аскетических опытов». В этом томе есть специальная статья о посте — это самое лучшее наставление в преддверии Четыредесятницы. Остановимся на некоторых ее моментах. Вот что святитель говорит о качестве пищи: качество пищи оказывает влияние на действие ума человека. А об употреблении спиртных напитков он говорит следующее: «И ныне пища продолжает действовать на душу, что особенно заметно при употреблении вина. Такое действие пищи основано на разнообразном действии ее на плоть и кровь и на том, что пары ее и газы от желудка поднимаются в мозг и имеют влияние на ум. По этой причине все охмеляющие напитки, особенно хлебные, возбуждают подвижнику, как лишаящие ум трезвости и тем — победы в мысленной брани.

Побежденный ум, особенно сладострастными помыслами, усладившись ими, лишается духовной благодати. Приобретенное многими долговременными трудами теряется в несколько часов, в несколько минут. «Монах отнюдь не должен употреблять вина», — сказал преподобный Пимен Великий. Этому правилу должен последовать всякий благочестивый христианин, желающий сохранить свое девство и целомудрие. Святые Отцы следовали этому правилу, а если и употребляли вино, то весьма редко и с чрезвычайной умеренностью».

Мясная пища Великим постом, как известно, запрещена. Об употреблении мяса вообще великий святитель говорит так: «Мясная пища крайне утучняет плоть, доставляя ей особенную дебелость и горячит кровь. Пары и газы ее очень отягощают мозг. По этой причине она вовсе не употребляется монахами. Она — принадлежность людей, живущих посреди мира, всегда занятых усиленными телесными трудами. Но и для них постоянное употребление ее вредно. Святая Церковь мудрыми учреждениями и постановлениями своими, разрешив христианам, живущим посреди мира, употребление мяса, не допустила постоянного употребления их, но разделила времена мясоядения временами воздержания от мяса — временами, в которые отрезвляется христианин от своего мясоядения. Такой плод постов может узнать на себе опытно всякий, соблюдающий их».

Как хорошо пишет святитель о времени, когда человек «истрезвляется от употребления мяса»! Также и о рыбе: «Рыбы, особенно морские, утучняют плоть, и такая пища тоже воздействует на ум».

Далее святитель Игнатий говорит о том, что и все остальные, даже разрешенные виды пищи, постом нужно употреблять умеренно.

Но надо сказать, что учение святителя Игнатия о посте не всегда подходит современному человеку по причине его физической немощи и слабости. Современники епископа Игнатия были гораздо крепче нас, поэтому игумен Никон (Воробьев), последователь и духовный ученик святителя Игнатия, в одном из своих писем замечает: «Учиться молитве и вообще христианству в настоящее время нужно по творениям епископа Игнатия (Брянчанинова), но, при этом нужно иметь ввиду, что его наставления сделались уже почти неисполнимыми для нас!»

В рассмотренной нами главе о посте есть отрывок, который я сейчас приведу, и который, на мой взгляд, уже неприменим к современному человеку. Даже монашествующие ныне вряд ли смогут поститься так, как учит святитель Игнатий: «Наилучшим постом признают Святые Отцы употребление пищи однажды в день не досыта. Такой пост не расслабляет тело продолжительным неядением и не отягощает его излишеством пищи, притом сохраняет его способным к душевспасительной деятельности. Такой пост не представляет никакой яркой особенности и потому постящийся не имеет причины к превозношению, к которому так склонен человек по поводу самой добродетели, особенно когда она резко выставляется. Кто занят телесными трудами или так слаб телом, что не может довольствоваться употреблением пищи однажды в день, тот должен вкушать дважды. Пост для человека, а не человек для поста».

Согласно святителю Игнатию, такой пост не представляет никакой яркой особенности. То есть в его время вкушать пищу однажды в день было обычным делом. Сейчас людей, которым под силу такой пост, я не знаю. Может быть, на первой неделе поста кто-то и пытается себя ограничить в еде, но вообще-то, большинство постящихся даже на Страстной седмице вкушают пищу дважды в день.

Известно изречение святого преподобного Варсонофия Великого, который говорит: если ты болен и поешь десять раз в день — не согрешишь.

Конечно, сейчас резко изменилось и качество пищи. Вероятно, ту рыбу, которую вкушали, например, насельники Соловецкого монастыря до революции, современному человеку и видеть не приходилось! Кроме того, тогда была здоровая незараженная природа. Промышленность только начинала развиваться, экологическая обстановка была совершенно другой! Сейчас — иная ситуация. Все вокруг отравлено: свинцом, углекислым газом, радиацией. Естественно, что это влияет на качество пищи. Вкушая такую пищу, мы вместе с ней принимаем и яды. А без пищи человеку жить невозможно.

Святитель Игнатий, говоря о посте, различает два вида подвигов: душевный и телесный. Телесный подвиг заключается в упражнениях, которыми человек смиряет свою плоть, свое тело. Любой христианин начинает именно с телесного подвига, потому что душевный подвиг новонаначальному не всегда понятен. Сущность последнего раскрывается со временем.

Приведу отрывок из четвертого тома творений святителя Игнатия, где объясняется известное евангельское

повествование о Марфе и Марии: «Телесный труд по старшинству занимает первое место в подвижнической жизни каждого ученика Христова. Телесным деланием, как сказал святой Исаак Сирский, предваряется делание душевное, так же как сотворением тела Адама предварено сотворение души его. Не стяжавший телесного делания не может иметь делания душевного. Второе рождается от первого, как колос от посеянного пшеничного зерна».

Далее святитель Игнатий перечисляет то, что входит в телесный подвиг: «Телесный подвиг заключается в исполнении евангельских заповедей телесно. Сюда относится: подаяние вещественной милостыни, принятие странных, участие в разнообразных нуждах и страданиях нуждающегося и страждущего человечества. Сюда относится целомудрие тела, воздержание от гнева, роскоши, увеселений и рассеянности, от насмешек и пересудов, от всех слов, которыми выражается злоба и нечистота сердца. Сюда относится пост, бдение, псалмопение, коленопреклонение, стояние на молитве в храме и в келье. Сюда относится церковное послушание и другие наружные подвиги. Вот некоторые из телесных дел, которые предстоит делать христианину».

Для того, чтобы исполнить и понести эти делания, преимущественно необходим труд тела.

А что же такое душевный подвиг? Это уже намного сложнее и глубже. Святитель Игнатий говорит: минуя телесный подвиг, человек не может приступить к подвигу душевному. Тому, кто правильно подвизается в подвиге телесном, рано или поздно Господь раскроет и душевное делание.

В предисловии к пятому тому «Приношение современному монашеству» сказано: «Человек не может быть без мыслей и чувствований. Мысли и чувствования служат признаком жизни человека. Жизнь не прекращается ни на мгновение, и ум не престаёт ни на мгновение от рождения мыслей, а сердце не престаёт ни на минуту от рождения чувствований — непрерывное занятие, естественное душе. Дать душе занятие богоугодное — есть неременная обязанность каждого, приступившего к духовной жизни. Такое занятие Святыми Отцами названо душевным деланием, умным подвигом, блюдением ума, хранением сердца, трезвением и вниманием». Душевный подвиг, как мы видим, есть то, что относится к душе, к внутренней жизни человека, его помыслам, переживаниям, уму и сердцу.

Блюдение ума и хранение сердца — это вещи, сопряженные между собой.

«Начало чувства есть помысел», — говорит святитель Игнатий. То есть прежде, чем сердце начинает что-то переживать, в ум приходит помысел. Если он принимает этот помысел, сочетается с ним, сослагается, — то сердце начинает сочувствовать помыслу и в нем появляются переживания, которые этому помыслу соответствуют.

Мы должны хранить свой ум от греховных помыслов. Но для этого мы должны уметь рассуждать, от кого этот помысел — от нас или от супостатов наших? Один из Святых Отцов так и говорит: мы должны вопрошать каждый входящий в нас помысел, задавая ему именно такой вопрос. Помыслы от врага, конечно, должны быть изгоняемы из нашего ума. Кроме помыслов от врага-дьявола, бывают помыслы от нашего

ума, от нас самих, а бывают помыслы от Бога. Вот этими помыслами — помыслами от Бога — мы и должны руководствоваться. А к тем, которые от нас самих, — тоже нужно относиться осторожно.

Для того, чтобы научиться отличать помыслы вражьи от помыслов безгрешных, научиться различать в себе действия страстей, необходимо занятие непрестанной молитвой Иисусовой. Святитель Игнатий говорит и об этом. Занятие молитвой Иисусовой в аскетической святоотеческой традиции названо умным деланием. Когда говорится об умном делании, преимущественно подразумевается молитва Иисусова. Это как огонек, зажженный в ночи. В нашем уме и в нашем сердце — тьма, тьма греховная. Если мы начинаем творить непрестанно молитву Иисусову, мы зажигаем там огонь, и в свете этого огня начинаем видеть все лишнее, все враждебное, чего раньше не было заметно во тьме. И постепенно начинаем бороться и освобождаться от тьмы.

Трезвение — делание, которое происходит от трезвения ума и хранения сердца. Человек трезвится — значит бодренно относится к тому, что появляется в его уме и в его сердце. В общем-то, блюдение ума, хранение сердца и трезвение — это одно и то же, как бы разные оттенки умного делания. Когда человек бывает опьянен алкоголем, он находится как бы не в полном разуме. Так и человек, опьяненный страстями — тоже находится не совсем в разуме. Вот для того, чтобы не подпасть под влияние страстей, чтобы не опьянеть от духа страстей, человек постоянно должен заниматься трезвением: изгонять греховные помыслы, которые в свою очередь могут вызвать греховные

чувства. А чтобы трезвение было возможно — необходима молитва Иисусова, которая защищает ум и сердце, ограждает от нашествия помыслов.

Что еще включает в себя душевный подвиг? Изучение евангельских заповедей, или что то же самое, познание воли Божией. Одно дело, когда человек только приступает к жизни духовной: он считает евангельские заповеди некими предписаниями, законами. И в этом отношении он мало отличается от ветхозаветных людей. Но, когда он постепенно начинает понимать, что такое подвиг душевный, тогда уже евангельские заповеди для него соединяются в нечто единое, и с их помощью он познает Бога и через евангельские заповеди ищет Божию волю.

Вот что говорит святитель Игнатий о евангельских заповедях: «Из того, что ум непрестанно родит мысль, а сердце — чувство, очевидно и действие, которое обязан дать иннокентий душе своей. Уму надо предоставить упражнение в богоугодных мыслях, а сердцу — в богоугодных чувствах. Иначе: надо, чтобы ум и сердце приняли и усвоили себе Евангелие». И в другом месте: «Евангелие читается жизнью», — но для того, чтобы читать Евангелие жизнью (т. е. исполнять заповеди), нужно сначала изучить евангельское учение (т. е. нравственное Предание Церкви). Наилучшие толкователи Евангелия — это Святые Отцы, т. е. духовные писатели, которые причислены к лику святых».

Дела милосердия, например, можно творить с сухим сердцем — просто по заповеди, за послушание, — и ничего при этом не переживать, но, однако, заставлять свое падшее естество служить ближним. Когда

человек последовательно себя заставляет это делать, тогда сердце начинает сочувствовать, проникаться любовью к ближнему, его начинает посещать благодать. Таким образом, телесный подвиг переходит в подвиг душевный.

Святитель Игнатий учит, что если человек ограничится только телесным подвигом — это будет как бы дерево с листьями, но лишенное плода. Если же человек проходит правильно свой телесный подвиг, он обязательно в свое время приступит к подвигу душевному. При этом подвиг телесный не должно оставлять, так как он необходим. Для того, чтобы в нас прозябли добродетели и началась духовная жизнь, необходимо грубые страсти смирить телесным подвигом, в частности, постническим. В «Слове о Марфе и Марии» святитель Игнатий цитирует святого преподобного Варсонофия Великого: «Внутренним деланием, соединенным с болезнью сердечною и с плачем сердца, производится истинное безмолвие сердца. От такого безмолвия рождается смирение, а смирение делает человека обителью Бога. Духом Святым такой человек повержен к ногам Спасителя, внимает единственно Его слову, сознает себя созданием Божиим, а не самобытным существом. Сознает себя возделываемым от Бога, а Бога — делателем. Предаёт себя всецело воле и водительству Спасителя». Очевидно, что такое состояние доставляется душе более или менее продолжительным телесным подвигом. И Мария не могла бы сидеть у ног Господа и устремлять все внимание к учению Его, если бы Марфа не приняла на себя попечение о приеме. Служение, поклонение Богу Духом и Истиной — есть та благая часть, есть то блаженное

состояние, которое, начавшись во время земной жизни, не прекращается и в будущем. А телесные подвиги прекращаются с окончанием земной жизни. Отсюда явствует, что душевный подвиг есть преимущественно подвиг смирения, подвиг возделывания таинственных внутренних добродетелей, таинственных внутренних переживаний, служение Богу в духе и истине».

Несомненно, что любой христианин сразу в какой-то мере становится причастным душевному подвигу. Ведь мы не просто механически исполняем внешние дела — посты, поклоны и так далее. Например, любому христианину знакомо такое аскетическое дело, как молитва. Она прямо относится к подвигу душевному.

В число подвигов телесных святитель Игнатий ставит и псалмопение, а святитель Феофан Затворник поясняет, что оно есть внешняя, словесная канва молитвы, но еще не есть молитва. В сущности молитва есть чувство души и сердца к Богу. Собственно душевный подвиг начинается тогда, когда человек молится уже внимательно, когда сердце сочувствует молитве. Граница, где телесный подвиг переходит в подвиг душевный, почти незаметна. Когда человек вступает в область веры, в область духовной жизни, он уже вступает в область душевного подвига. Но человек не всегда понимает его, а телесный подвиг более понятен, более прост. Поэтому большинство христиан сознательно подвизается подвигом телесным, что легко и просто: это или то не ешь, столько-то поклонов положи... А душевный подвиг — более высок и не сразу понимается.

Каков же предел духовного подвига, его вершина? Думаю, вершина — бесконечна. Вершина этого состояния души — в Боге. Это духовное совершенство,

которое тоже бесконечно, поскольку Господь бесконечен, и бесконечно приближение к Богу, освящение благодатью души человеческой.

Но вновь обратимся к четвертому тому творений святителя Игнатия: «Когда благодать Божия обильно осенит подвижника, тогда открывается в нем обильный душевный подвиг, руководствующий к христианскому совершенству. Тогда открывается душе ее греховность, доселе закрывавшаяся от нее. Тогда отъе­м­лет­ся от взоров ее завеса, пред­стает душе необъятная величественная вечность, доселе скрывавшаяся от нее. Тогда час смерти, стоявший где-то далеко-далеко, приближается и становится перед самою душою, перед ее взорами. Тогда земная жизнь, представляющая доселе бесконечной, сокращается в самый краткий размер. Протекшая жизнь — как сон протекшей ночи, остающееся поприще жизни сливается в один предсмертный час.

И тогда из глубины души возникает стенание, доселе ей незнакомое, возникает плач, которого доселе она не ощущала, возникает молитва, какой доселе она не произносила. Возникает молитва и плач в самой глубине души. Произносится умом и сердцем при молчании уст, возносится к небу, повергает молящегося к ногам Спасителя, содержит у ног Спасителя. Душа в исповедании своей греховности и бесконечного величия Божия входит в совершенство — вводится в совершенство десницей Всеблагото­го Бога, Который и создал человека, и воссозидает его».

Как видим, молитва и покаянный плач — собственно и есть настоящий душевный подвиг. Вводится в этот подвиг человек Божией благодатью, и мера

подвига дается Богом. Но произволение принадлежит человеку. Если Господь введет душу в подвиг, и в душевный, и в телесный — то в подвиге этом еще нужно пребыть, не ослабеть, не впасть в нерадение. Известны случаи, когда люди достигали святости, имели благодатные дарования, совершали исцеления и чудеса, а потом позорно падали! Потому что впадали в нерадение, в гордость, и Божия благодать отступала. Руководит человека в таком подвиге Сам Господь, и только Божия благодать научает настоящему душевному подвигу.

Святитель Игнатий в своих творениях много внимания уделяет тому, что он называет увлечениями и, в значительной степени, увлечениям усиленным телесным подвигом. Что такое увлечение? Увлечение — это тонкое действие страстей. Если человек вовремя не распознает увлечение, поддастся ему, то потом в нем начнет действовать и укрепитя страсть, порой достаточно сильная.

Увлечение есть уклонение от Божиего пути, когда человек что-то понимает неправильно и придает неправильное значение какой-то вещи. И, одно из таких увлечений — увлечение телесным подвигом. Человек считает, что получение Божией благодати напрямую зависит от его трудов: чем меньше он поспит, чем меньше поест и чем больше сделает поклонов, тем больше он получит Божией благодати. Это не так, потому что каковы бы ни были наши труды, все они только показатели нашей веры. А благодать Господь дает туне, то есть даром, за веру нашу, за наше желание быть с Богом, за смирение сердца. Глядя на такие

внутренние добродетели, Господь дает благодать. Кому в первый час, кому *в одиннадцатый час* (Мф. 20, 9) — как известно, у Бога потрудились и тот, и другой одинаково.

Есть замечательное произведение преп. Марка Подвижника «О мнящихся оправдаться делами», то есть о тех, кто думает оправдаться делами. Там звучит такая мысль, что оправдываться нам нужно не делами, а верой — надеждой на милость Божию. При этом дел оставлять тоже не надо, потому что *вера без дел мертва* (Иак. 2, 26). Но дела — это просто показатель нашей веры, и не больше.

Однако новоначальный, по словам святителя Игнатия, не может не придать какого-то значения своему подвигу, особенно телесному. А придавая ему значение, он начинает превозноситься. Вот что читаем в пятом томе — «Приношение современному монашеству»: «Для душеназидания возлюбленных братий наших не умолчим о нижеследующем. Поклоны, совершаемые для числа, не одушевленные правильным умным и сердечным деланием, более вредны, нежели полезны. Подвижник, исполнив их, начинает радоваться: “Вот, — говорит он сам себе, подобно упоминаемому в Евангелии фарисею, — и сегодня Бог сподобил положить примерно триста поклонов. Слава Богу! Легкое ли дело — в нынешние времена триста поклонов?! Кто ныне несет такое правило?..” И так далее...

Надо припомнить, что поклоны согревают кровь, а согретая кровь чрезвычайно способствует к возбуждению умственной деятельности. Пришедши в такое расположение, бедный подвижник единственно по той причине, что не имеет понятия о истинном

душевном делании, предается душевредной умственной деятельности, предается тщеславным помыслам, мечтаниям, опирающимся на его «подвиги», посредством которых он думает преуспеть.

Подвижник услаждается этими помыслами и мечтаниями и не может довольно насытиться ими, усваивает их себе и насаждает в себе гибельную страсть самомнения. Самомнение вскоре начинает проявляться в тайном осуждении ближних и в явном расположении поучать их. Очевидно, что такое расположение есть признак гордости и самообольщения. Если бы инок не счел себя выше ближнего, он никак бы не дерзнул учить его. Таков плод всякого телесного подвига, если он не одушевлен намерением покаяния и не имеет целью одно только покаяние, если подвигу самому по себе дается цена. Истинное, христианское преуспевание заключается в том, когда человек увидит себя грешнейшим из всех человеков».

Отсюда видно, что можно прельститься своим телесным деланием: человек много делает поклонов, мало спит, мало ест и начинает постепенно думать: «Вот, сколько я поклонов положил, как я сегодня мало хлеба съел! Кто в наше время два дня не ест, и спит всего четыре часа!» И это, во-первых, крайне утомляет его, а во-вторых, тут же начинает действовать гордыня, человек начинает превозноситься.

Святитель Феофан Затворник, кстати, советует: в Церкви нужно жить так, как живут другие православные люди. И крайне вредно чем-то отличаться от них. Конечно, ориентироваться нужно на благочестивых людей, а не на нерадивых.

Отец Никон (Воробьев) также говорит, что в наши дни нет Божией воли на большие телесные подвиги, потому что все мы очень горды, и как только начинаем чем-то отличаться от других людей, тут же начинаем превозноситься. Поскольку нет человека, который нас научил бы правильному душевному подвигу, правильному телесному подвигу, и мы учимся самочинно, учимся так, как представляем сами себе, то собственно говоря, наш пост, наши бдения не имеют права так и называться. Настоящий пост и бдение, настоящий телесный подвиг растворен смирением, приводит человека к смирению, приводит к видению своих грехов. А наш пост большей частью приводит нас только к гордыне, так какой же это пост?

Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что скорби есть признак Божиего избранничества. А кто, как не святые, были Божиими избранниками? Поэтому они-то и несли скорби, совершенно непостижимые для нашего ума. Но Господь помогал им и давал Свою благодать в помощь. Когда человек действительно духовно высок, то и помощь Божия, помощь Божией благодати очень большая. Очень хорошо пишет об этом святитель Игнатий (Брянчанинов) в своем произведении, опубликованном в первом томе, которое называется «Чаша Христова». Там как раз говорится о таком взаимодействии скорбей и благодатных действий в человеке. Когда человек правильно, со смирением несет скорби, принимая их как от руки Божией, тогда он и сподобляется Божией помощи. И в свое время Божия помощь становится такой, что человек может просто даже не чувствовать скорбей. Как пишет

свт. Игнатий, со стороны посмотришь — страшна, ужасна чаша Христова! А что на самом деле переживает человек, когда ее пьет — знает только этот человек и Господь, Который подает ему эту чашу для спасения. Поэтому святые терпели достаточно много.

Святые, как известно, своих грехов уже в общем-то не имели и несли на себе ответственность за грехи других людей. Они просто молились Господу за своих духовных чад, чтобы Господь вместо этих чад наказал их самих, чтобы часть ответственности за грехи этих чад переложил на них. И Господь слышал их молитвы.

Например, из жизнеописания св. Севастиана Карагандинского мне запомнилось, что он очень тяжело умирал. Я думаю, это потому, что он имел много духовных чад и, уподобившись во всем Христу, в своей плоти восполнял скорби Христовы, т. е. нес этот крест за своих духовных чад.

В Отеческих писаниях предусмотрено некое ослабление поста для людей больных. Например, в книге «Древние иноческие уставы» тем монахам, которые ослабели от поста, дается разрешение по болезни вкушать мясо. Преподобный Нил Синайский говорит об этом же, другие святые отцы тоже, и поэтому, когда больной человек вкушает в качестве лекарства сливочное масло или молочные продукты (например, если у него желудок больной), никакого греха, конечно, в этом нет. И даже неразумно и неправильно пренебрегать в болезни такой Божией помощью.

В проповедях преподобномученика Кронида я читал такой случай. Он рассказывает о том, что однажды где-то началось наводнение, и человек, забравшись на крышу, потому что все затопило, сидел и молился

Богу. Мимо плыла лодка, лодочник говорит: «Давай мы тебя выведем отсюда!» — «Мне Бог поможет!» И лодка уплыла. Плыли и другие люди, и они говорили: «Садись к нам, мы тебя выведем отсюда!» — «Нет, я буду ждать Божией помощи, езжайте с миром!» И сидит дальше, молится. Потом бревно прибило к этой крыше. Он и бревно оттолкнул и продолжает молиться, чтобы Бог его спас и избавил от этой опасности. И в результате — он утонул. После того, как утонул, предстал перед Богом и говорит: «Господи, я надеялся, что Ты меня спасешь, а Ты меня не спас! И в результате я погиб!» А Господь говорит ему: «Я три раза посылал тебе помощь, а ты все три раза отказывался от нее!» Так что Господь подает нам помощь много-различно: и лекарства, и помощь от людей, а мы по своей гордости все ждем какой-то особенной непосредственной, чудесной благодатной помощи!

Один афонский инок рассказал мне такую историю. В нашем русском Пантелеимоновом монастыре заболел один инок. И когда он заболел, естественно, он стал молиться великомученику Пантелеимону, поскольку в монастыре хранится его честная глава. Он молился, чтобы тот ему как-то помог и исцелил. Великомученик Пантелеимон явился ему в тонком видении и говорит: «Я тебя исцелю! Но сначала ты пойдешь ко врачу и сделай то, что он тебе скажет — для смирения!» Этот инок пошел к врачу, тот прописал ему лекарство, и через некоторое время инок выздоровел. Понимаете? Неполезно было ему исцеляться прямо действием благодати. Это святые Божии воспринимают благодать как нечто естественное, а мы не такие. Мы с вами — немощные люди, и явное действие благодати

нас только вводит в гордыню. Поэтому великомученик и исцелил его таким образом: конечно, действием благодати, но при этом показал, что и лекарством тоже пользоваться не возбраняется, а, наоборот, для смирения полезно. Так что пост больному можно, наверное, немного ослабить. А уж как, насколько — это должен решать в каждом конкретном случае духовник.

Святитель Игнатий (Брянчанинов), цитируя преподобного Пимена Великого, говорит, что все неумеренное — от бесов. А признак этой неумеренности — очень тонкое расстройство душевного мира, очень тонкое раздражение, потеря душевной радости. Это и говорит о том, что человек перешел какую-то грань, какую не надо было переходить.

Достаточно много было в последнее время слышно о так называемых «постных искушениях». Бытует такое мнение в среде православных: «Начался пост — сейчас начнутся искушения». Но вот учение Церкви на этот счет немного другое. Написано в стихирах Постной Триоди, на понедельник сырной седмицы: «На всякое время пост полезен есть, изволяющим и творящим и: ниже бо искушение демонское дерзает на постящегося, но и хранители жизни нашея Ангели люботруднейше с нами пребывают, постом очистившимися». То есть, когда человек постится, демоны не могут к нему приступить и принести свои искушения. А человек, который испытывает такие «постовые искушения», — просто злой и голодный. Значит, он просто недостаточно кушает и становится раздражительным. И тогда поводом для раздражения может

послужить все, что угодно: не так посмотрели на него — он уже раздражение испытывает.

На Крестопоклонной неделе Великого поста я был в Псковских Печорах. И заболел воспалением легких. Положили меня в больницу, и о. Иоанн (Крестьянкин) сказал, чтобы я в больнице кушал все — за послушание. Во-первых, легочная болезнь вообще требует молочных продуктов в качестве лекарства, а потом, поскольку я в больнице, там воля не своя, надо есть все, что будут давать. Ведь в больнице человек не по своей воле находится. Поэтому разрешается несколько пост ослабить.

Помню, когда в Оптиной пустыни приходилось исповедовать людей, бывали такие разговоры: «Батюшка, я в дороге не ел целый день, пришлось купить немного колбаски и с хлебушком съесть!» Ну, допускаешь до причастия. Ведь человек был в дороге, он не согрешил. Было бы что постное — он бы постился, а постного не было.

Получается, что люди, которые сильно постятся, не понимают, что можно жить по-другому. И, кроме того, с таким неумеренным постом обязательно связано осуждение и превозношение над другими людьми. Ничего тут не сделаешь. Поэтому такие постники должны понимать, что прежде, чем начать судить другого человека, надо научиться самим настоящему посту. Все настоящие подвиги полезны только тогда, когда в конечном итоге приносят душе смирение.

Мы знаем, что был такой исторический персонаж — Адольф Гитлер. Это страшный человек, который пролил моря крови. Он, оказывается, был вегетарианцем,

никогда не вкушал пищу животного происхождения, всегда, можно сказать, постился. А сколько людей погибло из-за этого больного человека! Лучше бы он ел мясо, может быть, был бы поспокойнее, и меньше людей погибло бы тогда... — Поэтому, может, он и рвал, и метал, что голодный был...

Небольшой умеренный пост, соединенный со смирением, не будет ни в коем случае греховным и всегда будет лучше каких-то неумеренных постов, связанных с осуждением ближних и превозношением над ними.

Святитель Игнатий пишет, что когда человек не дает душевного делания своей душе, он рано или поздно обязательно станет фарисеем. Во введении к пятому тому читаем: «Человек, любясь наружным благоговением своим, неприметно приходит от благоговения к притворству. Притворство очень нравится слепотствующему миру, привлекает к себе похвалу, уважение, доверенность человеков. Сводит инока с крестного пути, устраивает для него самое выгодное земное плотское положение. Когда притворство благодетельствует таким образом своего делателя, тогда делатель, видя, с одной стороны, свое приобретение, с другой — те оскорбления и гонения, которым подвергаются истинные подвижники благочестия, старается более и более преуспеть в притворстве и человекоугодии. Полное преуспевание в притворстве образует фарисея, держащегося за убивающую букву закона, отвергающего животворящий дух закона. Фарисей, хотя и говорит непрестанно о Боге и добродетели, но вполне чужд Бога и добродетели: он готов и способен на всякое злодеяние, на всякий низкий поступок для

удовлетворения своего самолюбия. Такой ход и плод естественны: душа не может быть без беспрестанного упражнения. Если не дать ей богоугодного упражнения, то она будет непрестанно упражняться в тех мыслях и чувствах, которые рождаются в ней самой. Иначе — она будет развивать свое падение, развивать в себе ложь и зло, которыми она заражена». Так что, великие постники и подвижники, как бы этим не кончилось и для вас!

Святитель Игнатий говорит, что неумеренный подвиг душевный и телесный более опасен, чем некое нерадение о посте. Потому что гораздо больше таких людей, которые прельстились и погибли от неумеренных подвигов, впад в гордыню самомнения, чем людей, которые как-то потихоньку постились и постепенно научались правильному посту.

Недавно я был у одного схимника в Троице-Сергиевой Лавре. И он спрашивает: «Если человек меньше постится или меньше делает добродетелей, чем надо, как этот грех называется? Лень. Нерадение. А если человек делает больше, чем надо? Это уже прелесть, гордость! А какой грех больше — гордость или лень? Конечно же, гордость».

Конечно, лентяй что угодно оправдает. Но мы обращаемся к тем людям, которые действительно хотят научиться правильному посту. Конечно, и слева, и справа есть опасности, но гораздо больше опасность справа.

А пост — необходим. Пост — это заповедь Божия. Пост — это учение Церкви. И нарушающий пост подлежит анафеме. Между прочим, согласно канонам, тот, кто не постится в Великий пост, подлежит

отлучению от Церкви. И тот, кто среду и пятницу в течение всего года не соблюдает, также подлежит отлучению от Церкви. То есть их нельзя сподоблять причастия Святых Христовых Таин. Поэтому пост — это необходимое делание любого христианина. Пост, молитва и милостыня — это основное делание православного человека. Если нет поста, значит, человек неправославный, нецерковный. Единственно, ослабление поста допустимо для людей больных, и то по благословению.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) подчеркивает, что Церковь, говоря о качестве пищи, запрещая определенные виды пищи к употреблению в пост, однако не говорит о количестве. Потому что количество зависит от человека, от его произволения, от его телесного состава, от его болезней, от его возраста, наконец. И даже от места, где он живет, от того, чем он занимается. Если человек занят физической работой, значит, ему надо вкушать пищи больше. Кстати, послушникам, которые занимаются в монастыре физической работой, свт. Игнатий советует вкушать пищу досыта — не до пресыщения, но досыта. И самый хороший пост тот, когда человек вкушает пищу, но немного остается голодным. Это самая лучшая мера поста.

В любом случае, говорит свт. Игнатий, человек должен иметь духовника и с ним определять меру своего поста: сколько раз кушать, что кушать, в каких случаях допустимо пост нарушить. Не надо допускать пост выше сил, не надо «рваться в облака», потому что это от гордости, от желания немедленно стяжать святость. Такой человек правильной духовной жизни

никогда не научится. В одном Патерике сказано: «Если ты увидишь юного (т. е. новоначального в духовной жизни), стремящегося на небо, то стащи его оттуда за ноги!» И поэтому, как мы знаем, духоносные старцы иногда заставляли послушника поститься, а иногда — есть до пресыщения, иногда благословляли вставать на бдения, а иногда — высыпаться. Для смирения.

Я, например, в юности тоже отличался неумеренной ревностью, которая только здоровье мое разрушала, но мой духовник иногда заставлял меня и поесть, и поспать больше, чем надо. И это было гораздо полезнее, чем когда я самовольно подвизался в бдении и посте.

Что касается Великого поста, то на первой и на Страстной неделе есть, конечно же, можно. Постную пищу. Тот, кто имеет здоровье, может попробовать и не есть. Хотя больше одного дня не есть я все-таки не советую, потому что нужно учесть и свое здоровье, и свои занятия связанные с работой.

Лучше всего решить свои вопросы с духовником. Есть заповедь Священного Писания: *С советом все твори*. И хотя старцев, может быть, сейчас и немного, но духовники есть. Конечно, бывает так, что нет и духовника или нет возможности к нему обратиться. Тут уж человек сам себе назначает меру, но я советую лучше немного недобрать, чем перебрать. И, как говорит святитель Игнатий, правилу постоянному нет цены, а когда человек берет правило выше своих сил, то рано или поздно оставляет всякое правило и впадает в нерадение.

Результатом неумеренного поста может быть и то, что человек вообще покинет Церковь. Я такие случаи знаю: один иеромонах питался только одним Причастием, а в результате вообще ушел из Церкви и стал атеистом. Это трагедия! Главное — поститься так, чтобы не терять сил, не терять бодрости, не терять способности к молитве. Пользуйтесь теми советами, которые вам удалось прочесть или услышать, но лучше всего — советы духовника!

“Я не таков, как прочие человеки”

*С*вятитель Игнатий пророчествовал, что в последние времена будет очень развит недуг фарисейства. Эта болезнь свойственна человеку всех времен, но в наши дни она возрастает. Каким образом человек становится фарисеем?

— Прежде всего, о самом фарисействе как явлении. Многие страницы Евангелия посвящены спору Господа нашего Иисуса Христа с фарисеями, обличению Господом этого недуга. Почему? Ведь мало кто из фарисеев услышал Господа и покаялся. Но Евангелие вечно, и его слова обращены к людям всех времен. Черты фарисейства в какой-то мере присущи каждому из нас, и мы должны увидеть их в себе. Можно сказать, что наша жизнь — это борьба между новым, духовным человеком и фарисеем — ветхим человеком. Кто победит в этой борьбе, пока еще неизвестно. К великому сожалению, есть множество

случаев, когда человек, ревностно начавший духовную жизнь и всем сердцем стремящийся к Богу, со временем впадает в нерадение, у него происходит переворот в мыслях, внутренних стремлениях, и постепенно, сам того не замечая, он становится фарисеем и лицемером. Вместо угождения Богу он начинает угождать людям, а в конечном итоге самому себе.

Главная черта фарисея — это лицемерие, которое порождают лукавство, ложь и самообман. В основе всего этого лежит недуг тщеславия. Человек становится фарисеем, когда ищет славы не от Бога, а от людей. Он перестает служить Господу и исполнять Его заповеди. Вместо того, чтобы исполнять заповеди Божии, он живет по мудрованиям человеческим и учит этому людей, его слушающих. Страшно сказать, но в итоге фарисей перестает понимать Евангелие, извращает его.

Дальнейшее развитие этого недуга ведет к тому, что, видя праведного человека, он начинает преследовать и гнать его, как поступили фарисеи, ненавидевшие Господа нашего Иисуса Христа. Целью их жизни было преследовать Господа, и они преследовали Его до тех пор, пока не убили, пригвоздив к голгофскому Кресту. Так же и современный фарисей преследует рабов Божиих именно потому, что их жизнь, их праведность и добродетели не соответствуют пониманию фарисейскому. Он хочет насадить свое, так называемое «евангелие от фарисея». Можно сказать без преувеличения, что все еретики и раскольники являются фарисеями. К великому сожалению, многие из православных также преданы этому недугу.

А пророчество свт. Игнатия таково: в последние дни засилье фарисеев настолько увеличится, что

истинные рабы Божии вынуждены будут искать отдаленный уединенный Назарет, подобный тому, в котором спрятался Господь, скрываясь от Ирода. Насколько это сбывается, смотрите сами.

— *Как этого избежать? Как вовремя заметить в себе признаки фарисейства?*

— Если основа фарисейства — тщеславие, то основа правильной духовной жизни — смирение, желание исполнения во всем воли Божией. Этого можно достичь, исполняя заповеди Божии. Поэтому прежде всего надо изучать евангельские заповеди, читать книги Святых Отцов, общаться с рабами Божиими и целью своей жизни ставить богоугождение через исполнение заповедей Божиих. Если человек идет по этому пути, очень скорбному и трудному, он достигнет этой цели. Фарисеем становится тот, кто с этого пути рано или поздно сворачивает и вместо воспитания в себе смирения и прочих добродетелей отравляет себя тщеславием, ведущим к возрастанию и закоснению пороков.

— *Может ли измениться внутренний настрой человека благодаря внешнему благочестию?*

— Внешние дела вряд ли могут исправить человека, если он внутренне не трудится над собой. У каждого человека есть совесть. Когда человек слушает свою совесть, которая есть голос Божий, то никакие философии, никакие общественные мнения, даже никакие Кораны, если человек родился магометанином, не помешают ему прийти ко Христу и спастись.

Если человек хочет жить по своей воле и не слушает голоса совести, то этот голос постепенно заглушается, греховная воля всегда находит оправдание. Человек находит удовольствие в такой жизни, но на самом деле это удовольствие для тела, а душа омрачается, и

страдания увеличиваются. Преподобный Нил Мироточивый пишет, что грех — это альфа, а уныние — это омега. И это уныние переходит в вечную муку, становится нескончаемым.

Фарисеи — это люди, поправшие свою совесть, а вместе с тем поправшие закон Божий, сочинившие свой закон. Либо человек живет в противоречии со своей совестью и постоянно ею уязвляется, не имеет душевного мира и даже не имеет понятия о душевном мире, либо он принимает на себя труды по исполнению велений совести, несет труд покаяния, делания заповедей и постепенно спасается.

— *Если человек сознает что его духовный настрой неправильный и хочет его переменить, то возможно ли для него это?*

— Пока такое желание существует, есть и надежда. Но мне кажется, что фарисейство — это такое состояние, когда человек, считая себя праведным, уже не сознает своей беды. Состояние фарисея весьма тяжелое и мрачное. Он уже находится в связи с дьяволом, а там уже совершенно другая философия. Не исключено, что есть такое состояние, из которого выйти уже нельзя. Об этом пишет прп. Иоанн Лествичник: «Как ни страшно об этом говорить, но некоторые люди покаяться уже не могут».

— *Почему в пустынях египетской, эфиопской, иорданской, где некогда православное монашество достигло наивысшего расцвета, сейчас либо нет христианства, либо распространены еретические учения?*

— Ответ на этот вопрос дан в одном из патериков. Ученик спросил старца: «Что делать нам, чтобы монастырь наш процветал?» Старец сказал: «Если вы будете исполнять предания старцев, заповеди Отцов, то

монастырь никогда не разорится, и всегда это место будет святым». Мы видим, что монастыри, основанные прпп. Пахомием Великим, Феодосием Великим и другими Отцами, сейчас разорены и там процветает злочестие — ересь монофизитства*. Значит, постепенно насельники этих обителей перестали соблюдать предания старцев, впали в нерадение, отошли от ревности первого христианства, от подлинного монашества и заболели недугом фарисейства. А когда человек становится фарисеем, то его понимание духовной жизни извращается и переворачивается. Как следствие, извращается понимание монашества, и от человека остаются одни одежды — никакой евангельской жизни, никаких добродетелей, никакого духовного совершенства там нет.

— *Некоторые православные люди считают, что не нужно знать в тонкостях учение Церкви. Нужно ходить в храм, причащаться. Такие люди читают Символ веры и не очень задумываются над его содержанием. А как на самом деле, действительно ли нужно знать догматическое учение Святой Церкви и в какой мере нужно его знать?*

— Мы имеем заповедь еще из Ветхого Завета: *Возлюби Господа Бога всем сердцем своим* (Мф. 22, 37). Но любить нечто такое абстрактное, неизвестное невозможно. Поэтому, чем больше мы знаем Бога, тем больше мы любим Бога. В Ветхом Завете Богопознание не было совершенным, а в Новом Завете Бог вочеловечился, приблизился к нам. В новозаветной Церкви богопознание, даруемое человеку, более совершенно. И вот чем больше мы знаем Бога, тем

* Монофизиты отвергают человеческое естество Иисуса Христа, считают, что оно было совершенно поглощено Божеством.

больше мы любим Бога, а чем больше мы любим Бога, тем более ревностно мы служим Ему и исполняем заповеди Божии.

Кроме того, если мы не будем знать учение Церкви, то нас могут смутить, обмануть какие-то еретики, то есть люди, которые искажают учение Церкви, проповедуют лжеучения. Поэтому, хотя знание каких-то догматических тонкостей, может быть, и не обязательно простому церковному человеку, но, во всяком случае, Символ веры надо понимать, а не просто знать его наизусть. Надо понимать, что значит каждое его слово, потому что каждое слово там выстрадано кровью исповедников, мучеников. Все положения Символа веры были открыты Духом Святым Отцам Церкви, которые собирались на Вселенские Соборы именно с целью низложить ереси, восстававшие на православную веру, на правильное учение о Боге.

Святитель Игнатий говорит, что суть любой ереси — богохульство, уничижение Бога, низведение Бога до существа твари. Так, например, одна из первых ересей — арианская ересь — считала Христа не Богочеловеком, не Сыном Божиим, единосущным Отцу, а лишь подобосущным, то есть, как бы высшим из творений, но не Богом. Любая ересь искажает в человеке правильное восприятие Бога, а значит, правильное восприятие жизни по Богу, потому что это взаимосвязано.

Насколько мы правильно веруем, настолько правильно и живем. Если мы искаженно воспринимаем Бога, то и жизнь наша искажена. Для того чтобы любить людей, для того чтобы служить Богу в Духе Святом, нужно правильно верить, потому что только правильное восприятие веры, правильное восприятие догматов научает человека правильной жизни, а

правильная жизнь приближает к Богу. Для того чтобы знать, как и куда идти, мы должны знать, какому Богу мы веруем и служим, какого Бога мы хотим видеть, к какому Богу мы желаем приблизиться чтобы соединиться с Ним. Если мы будем это знать, то мы действительно придем к Богу. Если же мы этого знать не будем, то очень легко можем уйти в сторону и совсем погибнуть.

— *Батюшка, как и пророчествовали древние Отцы, в современном мире крайне умножились соблазны. Часто называют наши времена “последними”. Может быть, вообще в XXI веке невозможно спасение?*

— Спасение возможно во все времена. Когда Бог создал мир, Он создал его так, чтобы можно было жить по Божиим заповедям в любое время, в любом месте, в любом народе, любой социальной и культурной среде. XXI век не является исключением. Другое дело, что по мере удаления от времени явления Христа в мир, умножаются соблазны. Соблазны — это то, что препятствует спасению. Изменяющиеся формы общественной, политической, социальной, культурной, экономической, жизни естественно приводят к переменам форм духовной жизни. Христос, Который *вчера и днесь Тот же и во веки*, и Его Истина неизменными пребудут в веках, но формы выражения Истины и служения ей могут меняться. Могут быть различными внешние выражения форм жизни Церкви, хотя по сути она остается неизменной.

Поэтому в истории Христианства мы видим большое разнообразие форм. Как в богослужении Церкви есть части неизменные и изменяемые, также и в жизни Церкви неизменны догматы и заповеди, от которых нельзя отступить ни на йоту. Изменяемы же

формы и способы проповеди, направления церковного искусства, строй церковной жизни. Церковь сегодня далеко ушла от времен апостольских, и она совсем не такая, как во времена мучеников. В этом нет зла. Просто земная жизнь переменчива. Православная Церковь и сегодня единая хранительница Истины. Язык же, на котором она говорит со своими чадами, а особенно с “внешними”, находящимися в поиске людьями, может и должен меняться в зависимости от внешних перемен. Так что время не препятствует нашему спасению.

Рай добродетелей

Прекрасный рай прекраснейших цветов
в сердцах Своих рабов растит Бог-Слово,
но краше всех цвет *заповеди новой* —
сладчайшая, святейшая Любовь.

Она сияет светом несказанным
в делах и облике подвижников святых,
в своих наперсниках Иисусовы черты
всем видящим являя непрестанно.

Причастными обязаны мы стать
сияния любви, хотя немного.

И вот, всем, кто печется ради Бога
о нас, спешим любовь воздать.

Все греет и питает Промысл Божий,
для злых и добрых солнце и вода,
и всеми благами ущедрены всегда,
и мы, пред Ним последние, быть может.

Не отрицайся же, моя душа,
трудиться и служить до боли острой,
хотя переломить себя непросто,
но в этом жизнь, сего не избежать.

И если мы пребудем благодарны,
и сами милость будем изливать,
благоволит Господь нам даровать
Любви Христовой лучик светозарный.

А. Волжская

Глава 3

Для христианина нет будней

«Настало время веселое поста»

Как связаны между собой подвиг покаяния и подвиг поста?

— Еще у древнего народа израильского, как видно из Ветхого Завета, постом выражалось покаяние человека. В праздники, по уставу Православной Церкви, бывает праздничная трапеза, «утешение братии», а тогда, когда человек кается, он ограничивает себя в пище для того, чтобы душа легче возносилась к Богу. Преподобный Нил Синайский говорит, что подвиг поста имеет целью не доставление себе злостраданий или утеснений, а дан нам Богом для того, чтобы душа получила свободу, получила силу над телом и могла, ничем не связываясь, непосредственно возноситься к Богу в молитвенном воззвании. Поэтому, когда человек действительно кается, он не может не поститься. Посмотрите сами: когда несчастье постигнет человека,

или находит печаль, или что-то случилось с близкими, — еда не идет на ум, человек занят другим. Когда человек думает о том, что ему предстоит вечная мука, предстоит наказание от Бога, вечная погибель, — какая тут еда? Но это касается древних Отцов...

А современные христиане, хотя и стараются не есть и не пить по несколько дней, в соответствии с уставом, но я не думаю, что в своем покаянном чувстве они сравнились со Св. Отцами. Святые Отцы считали себя недостойными есть и пить, они плакали о своих грехах, пили слезы и вкушали радость, которая является в человеке от покаянных слез. Они уже не нуждались в пище и питии в той мере, в какой нуждаемся мы.

Пост и воздержание должны быть посильными, должны соответствовать нашему уровню и устройению: для новоначальных — свой пост, для преуспевающих — свой, для совершенных — свой. Но в любом случае пост есть выражение покаяния. Пост — не голодовка, не просто ограничение в еде или во сне, и ценен не сам по себе, но настолько, насколько в результате его у человека являются покаянные чувства. Если человек на ногах не стоит после своих «подвигов», то ему не до покаяния. Такой «постник» становится злым, раздражительным.

Часто приходится слышать выражение «великопостные искушения». Мне кажется, что они случаются все же не потому, что бесы на нас взяли и дружно напали, — мы и так в их власти. Мы не те люди, на которых нападают бесы, т. е., конечно, и нас они не оставляют без своих «забот», но, как сказано в одном из древних патериков, демоны искушают таких людей,

как препп. Макарий Великий и Антоний Великий. Мы же искушаемся своими собственными страстями. Если во время поста человек ходит голодный, становится злым, раздражительным, начинает на всех кидаться — вот это и есть так называемые «великопостные искушения». Нужно поститься умеренно, и тогда состояние души будет мирное и радостное. Это приведет человека к молитвенному настрою, явится молитва, а молитва будет рождать покаяние.

— *Как же правильно понимать пост в наше время?*

— Пост — воздержание души и тела от излишнего. У каждого своя мера, которая обязательно должна соответствовать мере телесного здоровья и возраста. Результатом правильного поста бывает легкость, радость, душевный мир, молитвенный настрой. Когда же человек постится неправильно, результатом бывает раздражение, злость, а вместо смирения — возношение и гордыня. Все то, что приводит нас не к смирению, а к гордыне, Богу не нужно, и для нас больше вредно, чем полезно.

— *В период Великого поста мы часто слышим молитву преп. Ефрема Сирина. Столько пороков на свете, но почему преподобный просит у Бога именно целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви?*

— В этой молитве заключены самые насущные прошения христианской души. Пороки: уныние, любоначалие, праздность, празднословие — присущи всем, мучают каждого из нас. Святые Отцы сказали, что праздность — начало всех зол, уныние — самая убийственная страсть, а от любоначалия рождаются беды и несчастья. Празднословием же занимается человек, который не живет в Боге, потому что христианин —

молится, ему некогда говорить о вещах пустых, он беседует с Богом, он — молитвенник. Поэтому святой Ефрем просит избавить его от этих пороков.

В свою очередь, те дары о которых он просит: целомудрие, смиренномудрие, терпение и любовь, — величайшие, драгоценнейшие христианские добродетели. Христианин не может быть нецеломудренным. О смиренномудрии оптинский иеромонах Василий, убиенный на Пасху в 1993 г., в своей проповеди в день Торжества Православия сказал так: «Православие есть смирение, и Торжество Православия есть торжество смирения». Человек, понимающий глубину этих слов, будет искать смирения, как жизни. На смирении основывается и терпение. Без смирения невозможно претерпеть все беды и скорби нашей жизни. Любовь — есть венец всех добродетелей, вершина христианского совершенства.

Но заканчивается молитва св. Ефрема самым важным, прошением: «Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего». Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что легче всего спастись, если никого не осуждать, а для того, чтобы этого достичь, нужно видеть свои грехи, свои немощи и недостатки. В этой короткой молитве заключено все, что нужно христианской душе, и в дни Великого поста попросить этого у Бога — вполне естественно и понятно.

— В этой молитве мы просим Бога что-то даровать нам, от чего-то избавить. Неужели человек, стремясь к совершенству, не может сам достичь добродетелей?

— Христианство и отличается от других религий именно тем, что все, что приобретает человек на пути к Богу, он получает от Бога как Божий дар. Человек может очень долго трудиться над стяжанием добродетелей, но если Бог не даст, ничего не будет. Настоящее православное христианство — это именно торжество смирения, это торжество сознания человеком своего недостойнства, и тогда он обращается к Богу и просит восполнить свою немощь. «Божественная благодать, немощная врачующая и оскудевающая восполняющая», приходит и помогает, и все, что мы имеем в нашей жизни и в жизни духовной, мы имеем от Бога. В этом вера христианина. В этом Торжество Православия.

— *Почему предпасхальный пост называется Великим?*

— Великий пост самый продолжительный, и требуется большой постнический, молитвенный, покаянный подвиг, потому что и богослужение совсем другое, и устав поста очень строгий, и вся жизнь православного христианина во дни святой Четыредесятницы особая. Литургия совершается не каждый день, потому что Литургия — это праздник, это радость, а дни поста — это дни покаяния. Поэтому Великим постом либо вообще нет Литургии, либо совершается Литургия Преждеосвященных Даров, покаянная: она рождает совсем другие чувства, чем Литургии Василия Великого и Иоанна Златоуста. В субботу и воскресенье совершаются эти Литургии, потому что суббота и воскресенье отличаются от седмичных дней поста. Есть каноническое запрещение в субботу и воскресенье

поститься: имеется в виду строгий пост, т. е. совершенное невкушение пищи или хлеб с водой.*

Авва Дорофей говорит, что сорок дней Великого поста — это как бы десятина года, которую мы приносим Богу. Хотя в году много постных дней, — если учесть другие посты, среду и пятницу, то постных дней гораздо больше, чем скоромных, — но тем не менее авва Дорофей именно Великую Четыредесятницу назвал десятиной, потому что здесь особый труд. Покаяние — это всегда труд, но он очень радостный, потому что покаяние — это встреча с Господом. Иерусалимский устав, по которому мы сейчас живем, был написан монахами первых веков. Он излился из глубины их сердец, потому что они жили покаянием, особой покаянной радостью. Отголоски этой радости мы слышим в великопостном богослужении: в эти дни нам дана возможность прикоснуться к ней.

— *Как поститься тем, кто впервые решил соблюдать пост?*

— Существует мнение, что в первый раз человеку надо дать какие-то поблажки, ослабить пост. Я с этим не согласен. Я, например, в самый первый свой пост постился, как положено по уставу. Конечно, устав о посте, в той мере, в какой он предусматривается в Типиконе**, уже невыполним даже для схимников. Ведь Типикон писался много веков назад, когда физическое здоровье людей было гораздо крепче.

Подвижники последних времен — свт. Игнатий (Брянчанинов), отец Никон (Воробьев) не требуют

* Согласно объяснению епископа Никодима (Милоша).

** Типикон — церковный устав.

таких суровых постов. Достаточно соблюдать общепринятый ныне устав, то есть не вкушать скоромного в постные дни, не объедаться, может быть, какие-то лакомства убрать со стола. Сейчас все люди физически очень нездоровы, поскольку мы живем в такое время, когда неудачно взрываются атомные станции, природа отравлена различными ядами, естественно, что это отражается на здоровье человека. Еще святитель Игнатий писал, что древние подвижники были физически более здоровы, чем его современники. А во время свт. Игнатия Чернобыльских взрывов не было — что же говорить о нас?

Святитель Игнатий в первом томе своих творений пишет, что самый хороший, неотяготительный пост — это вкушать пищу раз в день. Для нашего времени это уже неисполнимо. Более того, следование этому совету будет вредным и неправильным. В наше время, если человек выдерживает строгий пост, это говорит не о том, что он великий подвижник, а о том, что у него просто хорошее здоровье.

В некоторые дни церковным уставом предписывается пища без постного масла. Здесь опять-таки надо соотносить следование уставу с физическим здоровьем каждого конкретного человека. Например, людей, которые страдают сердечно-сосудистыми заболеваниями, я не благословляю поститься без постного масла. Исключения составляют отдельные дни, например Великая Пятница или первый день Великого поста. Совсем ничего не есть и не пить даже в эти дни, на мой взгляд, очень неразумно.

Отец Никон (Воробьев) говорит, что для того, чтобы нести пост и другие телесные подвиги в той мере, в

какой несли его древние Отцы, или даже просто соблюдать устав о посте по Типикону, нужно иметь духовного руководителя, который все это прошел опытным путем. Где сейчас такие руководители? Один из лучших духовников России, архимандрит Троице-Сергиевой Лавры о. Кирилл (Павлов) советует вкушать пищу почаще, но в меньшем количестве, т. е. ешь столько раз в день, сколько надо, но не объедайся при этом. Он говорит, что самое вредное — это объедение. Объевшийся человек не в состоянии молиться, а смысл поста в том, чтобы можно было пребывать в молитве. Поэтому человеку, который начинает поститься, нужно прежде всего объяснить, что пост — это вовсе не голодовка. Полезно будет дать ему что-то почитать, постараться предостеречь от крайностей.

Я бы посоветовал начинающему просто не вкушать ничего скоромного, и постараться поститься без такого послабления как разрешение на рыбу. Пост можно ослабить в том случае, если человек болен. А при некоторых болезнях поститься нельзя. Так, у святителя Феофана есть письмо к одному монаху, где он убеждает его Великим постом вкушать куриный бульон, который ему прописал врач.

— *С какого возраста следует поститься ребенку?*

— Младенцу поститься не нужно, потому что он безгрешен. Пост — это все-таки покаянный труд, а ребенку во младенчестве пока еще не в чем каяться. Кроме того, его организм растет, поэтому ему нужно употребление скоромной пищи. Когда меня спрашивают, с какого возраста начинать соблюдать пост, я обычно советую приучать человека к посту лет с

шести, а может быть, даже и с пяти. Для начала надо попоститься перед Причастием, хотя бы денечек. А с семи лет я уже требую, чтобы дети постились в Великий и в другие посты, а также в среду и пятницу. Сколько я знаю детей соблюдающих посты, никто из них здоровье не потерял, никто понурый и хмурый не ходит, и мало того, дети постятся с радостью.

Конечно, не надо забывать о том, что многие ходят в школу и не всегда соблюдение поста зависит от них. Иногда родители бывают против, и тут уж ребенок не волен: послушание родителям — более важная добродетель, чем пост. Ребенку это надо объяснять.

— *Сколько раз желательно причаститься Святых Христовых Тайн в Великий пост?*

— Святитель Феофан Затворник на вопрос, как часто нужно причащаться, в своих письмах дает такой ответ: причащаться нужно один раз в Петров и Успенский пост, а в Великий и Рождественский — два раза. Чаще причащаться он не рекомендует по той причине, что теряется благоговейное отношение к этому Таинству. В некоторых письмах он пишет, что можно причащаться и чаще, чем раз или два раза в пост, но не чаще, чем раз в месяц. В крайнем случае, советует он, можно причащаться раз в две недели. Есть и другие рекомендации.

Некоторые стараются причащаться раз в неделю, но это индивидуальный вопрос, и его нужно решать со своим духовником. Я задавал этот вопрос о Кириллу (Павлову). Он сказал так: «Когда у вас есть внутренняя потребность, тогда готовьтесь и причащайтесь». Он не советовал причащаться чаще, чем

раз в две недели, сказав, что так причащаются и схимники на Афоне.

— *Обязательно ли постом собороваться?*

— Святитель Димитрий Ростовский советует любому православному христианину собороваться раз в год Великим постом. Раньше соборовали в Великий четверг — в среду вечером или ночью под Великий четверг. Но таинство Елеосвящения совершали далеко не во всех храмах. Обычай обязательно собороваться Великим постом не был так распространен, хотя в некоторых монастырях, например, в Оптиной пустыни, соборовали каждый пост. Это было связано с тем, что в обители часто приезжали страждущие люди и просили об этом. Соборование каждым постом в приходских храмах ввели уже обновленцы в 20-х годах. Большей частью, по-моему, это делалось с целью получения денег.

В свое время я спрашивал у отца Кирилла, сколько раз в год надо собороваться. Он сказал: «При одной болезни один раз в год». Я спросил, стоит ли собороваться каждый пост, как это делают в некоторых монастырях? Он ответил, что разница невелика — раз в год собороваться или несколько. Безусловного требования собороваться раз в год в канонах нет, но такая рекомендация у святителя Димитрия Ростовского есть.

— *Нужно ли собороваться, если человек здоров?*

— Нужно даже если здоров, хотя здоровых людей сейчас просто нет. Сила Таинства Елеосвящения заключается в том, что прощаются забытые, исповеданные грехи, а у любого человека они есть. А поскольку болезни являются большей частью следствием

грехов, то когда прощаются эти грехи, болезни либо излечиваются, либо не развиваются дальше. Поэтому, собороваться можно и нужно даже и тем, кто чувствует себя здоровым. В Оптиной пустыни при старцах даже младенцев соборовали.

— *Как нужно отвечать на вопрос родственников или знакомых, когда спрашивают, постишься ты или нет? Ведь сказано Отцами, что пост должен быть в тайне, и Божия благодать уходит, если говоришь о своем посте, но в тоже время и врать не хочется.*

— Благодать Божия уходит за грехи, в том числе и за вранье. Когда человек всем рассказывает и повсюду трубит о том, что он постится, то он согрешает тщеславием и, получая награду от человеков, от Бога награду, конечно же, не получает. Кстати, у женщин в Церкви есть такой обычай постом надевать черные платки. Мне кажется, это немножечко расходится со Священным Писанием, которое говорит: *когда наступает пост, лицо свое умой и главу помажь елеем, чтобы явиться постящимся перед Богом, а не перед человеками* (Мф. 6, 17–18).

Если вопрос о личном посте задают из праздного любопытства, можно как-то уклончиво ответить, но обижать спрашивающего не надо: это еще больший грех. И врать не надо, особенно если родственники интересуются вашим постом для того, чтобы знать, какую пищу вам предложить: постную или нет. В некоторых случаях может правильнее будет попытаться скрыть свой пост, и это не будет ложью. А иногда на вопрос близких людей нужно ответить прямо: «Да, я пощусь».

Некоторые думают, что если во время поста идешь в гости к нецерковным людям, то надо кушать то, что дадут. Получается так: вы приходите к вашим нецерковным знакомым, которые знают, что вы человек православный. Они предлагают вам скоромную еду, и вы начинаете уплетать курочку, а они соблазняются: верующий человек в Великий пост курочку ест. Поэтому я считаю, что нужно либо идти к таким людям, которым можно сказать, что вы поститесь, и они дадут вам постную еду, либо под каким-нибудь предлогом уклониться от посещения.

— *Можно ли в Великий пост ходить на концерты классической музыки, в театры, на художественные выставки?*

— На выставки, может быть, можно ходить, особенно на выставки икон, — они не оставляют вредных впечатлений в душе. Но идти Великим постом в театр или концертный зал я бы не советовал. Обстановка в театре, т. е. суета, многолюдство отвлекают от Бога. Это мир, и человек волей-неволей выносит из него какие-то страстные переживания, отвлекается от духовной жизни, от сосредоточенности, которую он обретает в храме. Поэтому я бы советовал по возможности воздержаться от этого развлечения.

Кстати, на Святой Руси Великим постом были запрещены зрелища, закрывались все кабаки, не разрешалась торговля мясом и спиртными напитками. Только ближе к XX веку русский народ отступил от этих благочестивых традиций и законов.

— *Стоит ли верующим родителям препятствовать в том случае, когда детей на весенних каникулах, в разгар Великого поста, собираются вести в театр?*

— Я не стал бы отвечать на этот вопрос однозначно, потому что тут нужно учитывать и желание ребенка, и обстановку в школе. Конечно, детям нужно меньше каяться, чем взрослым, но в педагогических целях я бы такое посещение не одобрил. Я думаю, что благочестивым родителям, которые воспитывают своего ребенка по правилам Православной Церкви, лучше воздержаться от посещения театров в Великий пост.

Иногда меня спрашивают, можно ли детям, учащимся в музыкальных школах, ездить на весенние гастрели. В таком случае я благословляю поездки, потому что это их послушание. А если сорвется концерт, то ничего, кроме ссоры, не выйдет.

Надо ли искать духовных переживаний

Великопостные богослужения, особенно Страстной седмицы, напоминают о событиях, связанных с крестной смертью Спасителя. Каждому, наверное, хочется прочувствовать, пережить их. В какой мере это возможно?

— В Православной аскетике, в отличие от католической, все реально. Каждая Литургия — это повторение земной жизни, крестной Жертвы и Воскресения Спасителя. Литургия — это малая Пасха, когда Христос воскресает, и мы в той или иной степени реально переживаем то, что чувствовали жены-мироносицы и апостолы тогда, когда узнали о воскресении Христовом. Литургия совершается каждый день, но

это как проекция во времени. Тайная Вечера была совершена однажды в Сионской горнице, но во время Литургии она повторяется: расступается глубина веков, и мы из разных точек времени и пространства участвуем в ней и приобщаемся ко всему тому, что тогда пережили апостолы.

Поскольку Евхаристия — это повторение земной жизни Спасителя, то мы можем присутствовать при всех тех событиях реально — не мечтательно и не символически. И так же надо воспринимать праздники в Православной Церкви. Но для того, чтобы пережить какое-то духовное состояние, не надо ничего выдумывать, достаточно просто внимательно молиться, потому что, по Святым Отцам, молитва — мать добродетелей.

Сейчас замечается такое явление: на приходах сокращают службы. Это вошло в норму, и если священник в каком-то храме начинает служить по уставу, то на него и на людей, которые любят такие службы, смотрят как на не вполне нормальных людей. Но устав-то один, и ненормально, напротив, сокращение устава. Часто священники, которые сокращают богослужение, объясняют это тем, что народ спешит и мирским людям некогда. Но это не так, потому что народ любит молиться.

Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что продолжительность молитвословия показывает любовь человека к Богу: чем человек больше любит Бога, тем чаще и дольше он молится. И поэтому повсеместное сокращение служб — это показатель духовного недуга, поразившего современных людей, называющих себя православными, считающих себя христианами.

Я не понимаю людей, которые удовлетворяются короткой службой и ищут храм, где она покороче. Бывают, конечно, разные причины: нужно нести попечение о маленьких детях или муж не пускает жену в храм. Но ведь в большинстве случаев бывает не так. А человек, который не любит молиться, вряд ли когда-нибудь что-то переживет. По особой милости Божией, конечно, и он не лишен Божия покрова — он все-таки член Церкви, пока живет по ее уставам и участвует в Таинствах, но чтобы иметь серьезную духовную жизнь и глубокие переживания, надо молиться, нести молитвенный подвиг. Внимательная молитва породит и покаяние, и чувства к Богу, откроет все многообразие и богатство духовной жизни, так что не надо применять какие-то ухищрения или особые приемы.

Есть письмо святителя Игнатия, написанное уже в Бабаевском монастыре незадолго до смерти. Он пишет о себе, что на молитве заботится только о внимании. В своих книгах он не рекомендует использовать разные молитвенные приемы, описанные в «Добротолубии», и особенно обращает внимание на то, что их не следует проходить без наставника. Если человек будет внимательно молиться, Господь даст ему все. Прежде всего даст покаянные чувства, из покаянных чувств родится чувство присутствия Божия, а потом — любовь к Богу. Об этом святитель Игнатий пишет во втором томе в «Слове о страхе Божиим и о любви Божией». Из внимательной молитвы (не от отбывания на молитве), родится все. А без внимательной молитвы человек будет очень беден, и вряд ли ему будут доступны духовные переживания.

— *Что можно посоветовать людям, которые усиленно стремятся иметь разного рода духовные переживания?*

— Я посоветую почитать творения свт. Игнатия (Брянчанинова), который пишет о том, чтобы люди никогда не стремились ни к каким духовным восторгам. Он говорит, что Божие приходит само собой тогда, когда его не ждешь: *не придет царствие Божие приметным образом* (Лк. 17, 20). *Дух дышит, где хочет и не знаешь, откуда приходит и куда идет* (Ин. 3, 8). Свт. Игнатий объясняет это так, что Святой Дух приходит, когда человек этого не ожидает.

Есть грех, называемый духовным сладострастием. Это когда человек выдумывает, ищет и даже требует от Бога духовных переживаний. Все духовные переживания, какие бы они ни были, связаны с радостью — даже плач о грехах включает в себе радость, как соты содержат в себе мед, по слову прп. Иоанна Лествичника. И человек, который, вкусив эту радость или хотя бы прочитав о ней, начинает усиленно ее искать, впадает в прелесть. Искать нужно только смирения и покаяния. Нам больше приличествует образ апостола Петра, который сказал вошедшему к нему в лодку Господу: *Господи, выйди от меня, потому что я человек грешный* (Лк. 5, 8). А также почаще можно вспоминать слова прп. Иоанна Лествичника, который говорит: «Отвергай приходящую радость рукой смирения». Но дело в том, что он говорит о подлинной духовной радости. А из современных людей мало кто переживал настоящую духовную радость.

Неофитам*, людям, недавно обратившимся к Богу — из которых в основном состоит современная Церковь, свойственно такое выдуманное христианство,

* Неофит — новообращенный в христианскую веру.

придуманные экзальтированные радости, поиски высоких состояний. Святитель Игнатий также говорит о том, что многие, начитавшись романов, когда начинают жить духовной жизнью, воспринимают и ее, как роман. Прочитав в святоотеческих книгах или в житиях святых о плаче, они начинают выжимать из себя слезы — получают не покаянные слезы, а нюни. Большей частью на исповеди я встречаюсь с нюнями — очень неприятными, некрасивыми дамскими слезами, и очень редко я видел людей действительно плачущих.

— *Но что такое покаяние, если оно тоже должно приносить радость? Как его искать?*

— Святые Отцы очень многообразно определяют покаяние. О покаянии написано огромное количество книг, и в них Отцы пишут, между прочим, и о радости. Радость непременно будет как следствие покаяния. Будет в том случае, если человек действительно достигнет покаяния, потому что покаяние, по своей сути, есть радость освобождения от греха. И в самом покаянии человек уже ощущает радость, чувствует, что грех прощается, душа очищается и освобождается от нечистоты, как человек, который долго не мылся, после мытья чувствует, что он как бы обновился. А тут — душа омывается слезами.

Но покаяние — это труд. Прп. Марк Подвижник определяет покаяние так: «Покаяние есть непрестанная молитва, борьба с помыслами и непрестанное терпение скорбей». Все эти делания включают в себя покаянный подвиг, который должен быть постоянным. Если человек сумеет понять крестное учение, говорящее о том, что из терпения скорбей рождается радость, ему открывается таинство креста. Об этом

говорят Святые Отцы. Святитель Игнатий очень много об этом пишет, и все его книги написаны кровью, потому что его жизненный путь — это непрерывные ужасающие скорби, и он хорошо знал, о чем писал.

И когда человек прикоснется к таинству креста, только тогда он действительно прикоснется к настоящей радости, потому что радость Воскресения рождается из крестной смерти. Крестная смерть Спасителя сделалась виной радости для всего мира: «се бо прииде Крестом радость всему миру». Так же и личный крест любого христианина должен стать радостью обновления, радостью Воскресения. Пока мы не освободимся от той греховной смерти, которая в нас живет и действует, пока наша падшая душа не очистится от всех мутных и темных страстей, до тех пор мы вряд ли сумеем ощутить радость встречи с Господом.

— *Вы говорите, что не надо искать духовной радости. Может быть, мы просто не можем понять, что такое настоящая духовная радость, и потому не должны искать того, что под ней подразумеваем?*

— Я больше всего хотел бы предостеречь от мечтательного христианства: мечтательной радости, покаяния, молитвы, придуманной духовной жизни. Это путь к гибели, это путь в никуда, это путь, которым пошли все еретики, начиная с католиков и протестантов и кончая современными ересями и сектами. Это не радость, это — прелесть, это — бесовское действие. Но к любому христианину, который действительно будет жить по евангельским заповедям, — а самая первая заповедь: *покайтесь, ибо приблизилось царство Божие* (Мф. 3, 2), — к христианину, который будет приносить покаяние, приблизится царствие Божие. И никак не иначе.

Пасха красная

Чем объясняется то, что Пасху называют «праздников праздник и торжество из торжеств?»

— *«Праздников праздником и торжеством из торжеств»* Пасху называют потому, что это самый главный праздник для православного человека. Жизнь человека наполнена скорбями, болезнями, несчастьями. И, в общем-то, любой нормальный человек, не только верующий, неудовлетворен земной жизнью. Кто-то пытается разрешить этот конфликт, стараясь получить побольше земных благ, и в этом видит смысл жизни — в стяжании богатства, славы, наслаждений.

Но православные люди понимают, что это тупиковый путь, осознают, что наша жизнь — в Боге. И всякий, кто открыл для себя Господа, понимает, что подлинная жизнь человека — на небесах, а здесь, на земле — подготовка к этой небесной жизни. И поэтому догмат воскресения из мертвых к вечной жизни является самым главным догматом в христианстве. В нем сосредоточены чаяния всякого человека: земная жизнь когда-нибудь кончится и наступит вечная блаженная жизнь.

Благодаря празднику Пасхи нам дано прикоснуться к этому вечному блаженству. Поэтому любой человек, проходящий в храм в эти дни, чувствует какую-то особую радость, какой-то подъем. Кто бы ни был этот человек, пусть даже неверующий, он чувствует, что этот день какой-то особенный, что в храме какая-то особенная, совершенно другая атмосфера. И это не зависит от того, когда человек придет в храм, вечером, т. е. накануне Пасхи, или в сам праздник.

Все кругом ликует, играет, и это не какое-то самоуничижение, это нечто, от нас не зависящее. При этом насколько человек знает и уважает христианскую веру, настолько он чувствует эту радость, какое-то ее прикосновение. Православный человек эту радость особенно чувствует и переживает. Поэтому мы все так ждем праздника Пасхи.

Церковная жизнь очень разнообразна: есть Великий Пост, другие праздники помимо Пасхи, — все они наполнены глубоким внутренним содержанием. Для человека постороннего, внешнего все это — просто разнообразные молитвы и песнопения. А для православного человека, который знает суть и содержание праздника, знает событие, вокруг которого возникает празднование, — это сопереживание, соприкосновение, участие в этом событии. Не спектакль и какое-то театральное созерцание, нет, здесь как бы раздвигается глубина времен, и мы становимся сопричастными Входу Господню в Иерусалим, Благовещению Пресвятой Богородицы, Воскресению Христову — Пасхе. Поэтому для нас это реальные, действительные переживания событий. Так что любые праздники для православного человека очень радостны.

— *Как правильно духовно подготовиться к празднику Святой Пасхи?*

— Во-первых, для подготовки к празднику Пасхи существует Великий пост. В «Огласительном слове» святителя Иоанна Златоуста, которое читается на пасхальной заутрене, сказано: «Постившиеся и не постившиеся, возвеселитесь днесь», — то есть ликуйте вместе те, кто готовился и кто не готовился к встрече великого праздника. Человек, не соблюдавший Великого

поста, все равно ощутит праздник Воскресения Христова, радость Пасхи. Но человек Великим постом готовившийся к Пасхе, больше сумеет пережить, больше сможет почувствовать.

А пост заключается не только в том, чтобы чего-то не есть; важнее всего этот пост для души христианина. Пост душевный не менее труден, чем пост телесный. Бывает, что пост в отношении пищи человек иногда не может соблюдать по состоянию здоровья. В этом никакого греха нет: болящему Церковь разрешает ослабить пост. А пост душевный нужно соблюдать всем. Это такой пост, когда человек удаляется от всего, что способствует греховным мыслям и переживаниям. Великим постом он постарается не пойти в гости, в театр, почаще посещать храм, быть усерднее к молитве.

Постом человек призван проводить более спокойную и сосредоточенную жизнь. Но сосредоточиться необходимо не столько на себе, сколько на молитве как на беседе с Господом. Тот, кто пост проводит достойно, к Пасхе приходит уже в определенном состоянии духа. Любая молитва, любой наш шаг (если мы это делаем ради Господа), отражается на нас, изменяет нас, помогает избавиться от греховных слабостей, порочных свойств души и тела. Происходит освящение, облагораживание, восхождение к Богу. И когда человек пройдет путь Великого поста, тогда он достойно встретит радость Пасхи, подобно тому, кто хорошо подготовился к какому-нибудь земному торжеству (умылся, оделся, позаботился о том, как принять гостей, подумал о подарках для них), и когда приходят гости, все у него нормально, все готово.

А когда человек неподготовлен, то бывает так: он с утра просыпается, вдруг звонит телефон: «Вася, мы к тебе в гости едем». Он что-то хватает лихорадочно, что-то достает из холодильника, что-то надевает, наглаживает, и все получается беспорядочно. Гости в конце концов приезжают, но праздник уже немного не тот, праздник испорчен.

На всей земле люди готовятся к земным праздникам, а тем более нужно готовиться к такому событию как Пасха. Внутренняя подготовка заключается в борьбе человека с грехами путем покаяния, осознания каких-то своих греховных качеств и, по возможности, преодоления их. Тогда действительно Пасха — это радость, это награда человеку. Как сказал преподобный Серафим Саровский, любой земной царь в награду своим подданным раздает подарки, так и Бог верующим дает особый, благодатный подарок. Вот такой благодатный подарок от Бога мы получаем в празднике Пасхи.

— *Помните ли Вы Вашу первую сознательно и церковно встреченную Пасху? Как и когда это было?*

— Да, помню очень хорошо. Я только-только начал ходить в храм, мне даже, кажется, еще не исполнилось восемнадцати. Для меня все было значимо, потому что только-только начинался мой путь к Богу, который завершился приходом в храм. Этому предшествовали долгие поиски, брожения, участие в разных неформальных движениях молодежи. Когда я пришел в Храм, я понял: это то, что я искал. Постепенно все остальное стало отходить в сторону.

В тот день я пришел в храм, но молодежь тогда в храм не пускали. Меня пытались остановить какие-то

дружинники. Там стояли бабушки, и я их попросил: «Скажите, что я ваш внук». Меня пропустили, бабушки меня провели, хотя одет я был достаточно экстравагантно. И я отстоял в храме первую свою Пасху.

Меня поразила эта пасхальная служба сама по себе, эта необыкновенная радость. Когда начали читать Евангелие на нескольких языках, я был потрясен и поражен, а когда читали «Огласительное слово» Иоанна Златоуста, я не знал: на небе я или на земле. Такая была радость. Великий пост я соблюдал, но не знал, что на Пасху можно причащаться. Потом пошел домой, разговелся после Великого поста... Настолько все было радостно, что это одно из самых замечательных переживаний того времени.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что эта первая Пасха очень много мне дала в смысле богопознания. Я понял тогда: вот в этой радости нет никакого обмана, все это правда — именно так, как должно быть. Поэтому я очень благодарен Богу за то, что Он дал мне все это пережить.

— *Люди на Пасху приходят в храм, в том числе люди нецерковные и даже неверующие. Как таким людям популярно объяснить смысл праздника Пасхи?*

— Бывает, что люди приходят посмотреть просто на какое-то торжество. И этого не надо отвергать, потому что многие пришли в храм случайно, а вышли оттуда верующими. Господь любит каждого человека открывается каждому человеку очень индивидуально. Есть, наверное, такие люди, которые Бога не ищут, но, как показывает опыт, в том числе мой собственный священнический опыт, большинство людей ищут Бога, так как не могут удовлетвориться безбожной

жизнью. Что бы человек не имел, без Бога все равно нет полноты жизни. Самая счастливая семья, самая интересная работа, самое большое богатство, — все это без Бога не даст подлинного содержания жизни.

В храм приходят люди очень разные. Раньше как думали: в церковь ходят одни старушки. А в журналах велели вымарывать лица молодых людей, чтобы было впечатление, что в храмах одни пожилые люди. Но сейчас видно, что там далеко не одни старушки. В церкви много молодежи, творческая интеллигенция — самые здоровые силы общества.

Если люди сами ничего не спрашивают, я стараюсь к ним не подходить, не трогать их, поскольку Пасха говорит сама за себя: песнопения, великолепие храма, обстановка в храме, торжественные лица. Я стараюсь таких людей ни о чем не спрашивать и ничего им не говорить, чтобы не обидеть человека, который чего-то не знает.

Если же человек спрашивает, что такое Пасха, то тогда с ним нужно непременно поговорить. И тут важно даже не то, что скажешь, а то, как скажешь. Сейчас, слава Богу, на телевизионных каналах и в средствах массовой информации часто подробно рассказывают о церковных праздниках где все объясняют. Поэтому если сейчас задают вопросы, то в большинстве случаев эти вопросы о чем-то индивидуальном.

Главное, чтобы человек что-то пережил, что-то почувствовал. Одна женщина мне рассказывала, как она приехала в какой-то монастырь, чтобы научиться писать иконы. Тогда она была не особенно верующей. И вот поговорила часа полтора-два с одним монахом. Ни о чем особенном они не говорили, но потом она

сказала: «Я поняла только одно — я хочу жить так, как живет этот человек». Этот пожилой инок смог открыть ей то, как человек живет верой. Так и Пасха говорит сама за себя.

— *Отец Сергей, что бы Вы могли пожелать нашим читателям, как церковным, так и нецерковным — в дни Святой Пасхи?*

— Я хочу пожелать пасхальной радости и сохранения этой радости. Храните ее! Так, чтобы не просто прикоснуться к ней, а потом уйти, забыть и растерять ее. Ведь она может очень быстро потеряться, а может быть сохранена и может преобразить нас. Каждого человека может преобразить пасхальная радость. Но достигается эта радость благодатной жизнью по совести, доброй жизнью. И хранится эта радость тоже доброй жизнью, жизнью евангельской. «Не делай другому того, чего не хотел бы себе», — так можно сформулировать одну из самых главных христианских заповедей, и если человек во всем, всегда и везде этим руководствуется, то он всегда живет этой пасхальной радостью.

— *Как достойно провести Светлую седмицу?*

— Страстная седмица — время особого труда. Духовного труда, труда над собой. Время сораспятия нашему Господу, который идет на Голгофу распинаться за наши грехи. Светлая седмица — время Воскресения Господа. Здесь мы ликуем с учениками Христовыми о Его Пресветлом Воскресении, благодарим Бога за свершившееся величайшее таинство. Поэтому Светлая седмица — время радости, время благодарения. Конечно, прежде всего самое приличное место для христианина на Светлой седмице — это храм.

Пасхальное богослужение совершенно особое. Оно имеет на душу не просто какое-то эстетическое воздействие. Оно оказывает духовное воздействие, дает особую пасхальную духовную радость. Любой православный человек, кто бы он ни был, всегда испытывает на Пасху радость. И всю Светлую седмицу эта радость продолжается, потому что самое главное содержание в жизни христианина — это Господь, а самое главное событие на Светлой седмице — это Воскресение Христово. Поэтому христианин радуется и ликует. И, конечно, наиболее приличное место для выражения этой радости — это храм Божий.

В остальное время принято поздравлять друг друга с Пасхой, проводить время дома за чтением духовных книг. Молитвенное правило сокращается, т. е. оно не сокращается, а заменяется. Вместо утренних и вечерних молитв читаются пасхальные часы, они коротенькие, небольшие, но есть такие ревнители — по несколько раз их прочитывают. И пасхальный канон можно читать или петь в домашних условиях.

Светлая седмица — это время отдыха. Время отдыха от трудов телесных прежде всего, и даже от трудов духовных. То есть в это время можно пойти в гости к нашим православным знакомым, не для злословия и празднословия, а чтобы поздравить друг друга с праздником. Посидеть за праздничным столом, поговорить о каких-то духовных вещах. Вообще в это время можно всячески отдохнуть.

— *А какие виды отдыха допустимы для православного человека?*

— Нужно избегать крайностей как в Страстную седмицу так и в Светлую. Если в Страстную седмицу

некоторые люди накладывают на себя излишний пост, труды, непосильные для их здоровья, на которые у них нет физических сил, то в Светлую седмицу пускаются в иную крайность — начинают излишне отдыхать. Начинают заниматься чревоугодием, даже пьянством. Святитель Феофан Затворник говорил, что нужно опасаться весны вообще и в частности Светлой седмицы. Надо быть осторожными. Так некоторые люди впадают в крайности, и доходят даже до падения. То есть человек начинает давать себе льготы, как говорит свт. Феофан, переходит какие-то рамки, и радость о Господе переводит в непомерную телесную радость. За таким «отдыхом» действительно может следовать падение.

— *Можно ли на Светлой седмице читать поминальные молитвы и Псалтирь по усопшей?*

— Келейно, домашней молитвой, помянуть усопших можно, но Псалтирь вообще не читают на Светлой седмице. Достаточно почитать ваш помянник с именами близких вам усопших людей. Можно спеть краткое заупокойное молитвословие «Со святыми упокой». В храме панихида не служится. Если, скажем, кто-то умирает на Пасху, на Светлой седмице, естественно, его хоронят и совершают чин отпевания. Но чин отпевания — пасхальный, радостный, благодарственный, хотя в него включены некоторые заупокойные молитвословия. Поэтому некоторые отдельные молитвословия можно петь, а полную панихиду ни дома, ни в храме служить не стоит. Также не следует по усопшему читать Псалтирь.

Как достойно встретить Господа?

Батюшка, некоторые люди смущаются тем, что не испытывали радости после причастия Святых Христовых Тайн. Что можно им посоветовать?

— Святитель Феофан Затворник пишет о таких случаях, когда человек не испытывает радости после причастия. Так, например, умирающая монахиня, не ощутив такой радости, решила, что она причастилась в суд и осуждение. Святитель Феофан отвечает ей, что поскольку она причащалась на смертном одре, то тело было уже омертвевшее, бесчувственное. Поэтому она и не испытала радости. Причастие было не в суд и не во осуждение, и это доказывается прежде всего именно тем, что здоровье ее после Причастия поправилось, она ожила. Может быть, если причастилась бы в другой раз, почувствовала бы радость.

Человек состоит из души и тела, и в этой пасхальной радости причастия участвует не только его душа, но и тело, и в частности, нервы. Если человек страшно болен, пребывает в бесчувствии, в утомлении болезнью, он действительно может ничего не ощутить. И вообще, по свидетельству Святых Отцов, Божия благодать по большей части действует невидимым образом. Она спасает нас, меняет нас, но нам не полезно видеть эти перемены, потому что мы тут же начинаем превозноситься, что-то приписывать себе, мнить о себе нечто. Мы не можем увидеть в себе Божию благодать по нашему недостоинству, хотя благодать эта действует объективно.

Благодать Божия поселяется в душе человека, начиная с момента его крещения. И дальнейшая жизнь христианина есть раскрытие этой благодати путем исполнения воли Божией и заповедей Евангелия. А раскрывается она в разных людях по-разному: в одном — в первый час, в другом — в одиннадцатый. (Так и таланты: этому Бог дал одни, другому — другие, это решает Господь.)

Поэтому идти причащаться нужно не в ожидании каких-то переживаний, а с чувством своего глубокого недостойнства, как больной приступает к врачу для исцеления — для прощения грехов. Ведь ощутить благодатную радость может человек, исцеленный от греха, способный к такому ощущению.

Святитель Игнатий (Брянчанинов), говорит, что человек, часто согрешающий, не ощущает благодатной радости, потому что ему непривычна такая радость, он не в состоянии ее воспринять, оценить, прочувствовать. Например, есть и такие земные вещи, которые грубый человек не понимает. Скажем, классическая музыка и поэзия. Есть люди, тонко чувствующие поэзию, а есть такие, которые не понимают ее и никакой красоты и радости от поэзии и от классической музыки не чувствуют. А то, что касается вещей духовных, то тут нужно еще более тонкое устройство человека. Поэтому иногда Господь дает ощутить радость, а иногда — нет. Это зависит от Промысла Божия.

Я как священник служу несколько раз в неделю и причащаюсь несколько раз в неделю. Если каждый раз я буду ощущать такую пасхальную радость, то по своей немощи обязательно начну превозноситься. Поэтому мне это бесполезно. Служение Божественной

Литургии уже доставляет мне большую молитвенную радость. А радость причастия чувствуешь не всегда, тем более, что в течение дня обычно бываешь занят различными делами. В начале дня послужишь и причастишься, потом идешь в мир, работаешь с людьми, занимаешься решением каких-то хозяйственных вопросов, едешь куда-то по делам храма. Я должен исполнять свое послушание, ибо послушание превыше всего.

Не надо гоняться за радостью. Если человек гонится за радостью, значит, у него неправильное устроение, можно сказать, что он проявляет своего рода духовное сладострастие.

Недавно вышла замечательная книга, которую издал Сретенский монастырь: «Франциск Ассизский и католическая святость»*. Эту небольшую брошюрку я советую прочитать всем православным. В ней наглядно показано отличие православной духовности от духовности католической, которая является своего рода прелестью. И в Православии много людей, которые стремятся к тем переживаниям, к тем восторгам, к которым стремился Франциск Ассизский. Святитель Игнатий назвал его «западным сумасшедшим».

Основной мотив этой книги, написанной диаконом Алексием Бекорюковым, тот, что если мы с католиками даже когда-то договоримся (что маловероятно, но все-таки если это предположить) о единстве догматов, о главе Церкви, о каких-то обрядовых разногласиях, то все равно мы не сможем с ними соединиться по причине различия в понимании духовной жизни. Православное понимание духовной жизни, духовности в

* Франциск Ассизский и католическая святость. М, 2001.

целом, понимание молитвы и вообще опыт богообщения очень сильно отличается от католического. Автор книги это доказывает на примере Франциска Ассизского, и, в частности, сравнивает: в чем заключается понятие святости у православных и в чем она находит выражение у католиков. Приводится богатый материал, различные жизнеописания Франциска Ассизского, слова святителя Игнатия (Брянчанинова). И сравниваются два вида духовной радости — православной и католической, которая на самом деле является прелестью.

Почитайте и сделайте вывод: как нужно молиться, чему нужно радоваться и к чему нужно стремиться православному человеку. По слову св. Иоанна Лествичника, мы должны «отвергать приходящие радости рукою смирения, чтобы не принять вместо пастыря — волка». Католики никогда так не делают, они стремятся к восторгам, радостям, и для них в этом — смысл духовности. А для православного смысл духовности — богоугождение. Радость или крест, по большей части крест, следование крестным путем — вот в чем православная духовность.

— *Вероятно, перед причастием не нужно искать в себе какие-то радости и ощущения, переживать о том, есть они или нет. Нужно, наверное, просто молиться, и все?*

— Да, мы должны придти в храм и молиться Богу. Прежде всего, просить у Господа прощения наших грехов и благодарить Его за то, что Он воскрес Сам и совоскресил нас Собою. Вот что должно быть содержанием нашей молитвы. В этом должен пребывать наш ум. Если мы правильно живем, правильно настроены,

то обязательно этой нашей молитве будет сопутствовать и радость. И покаянная радость будет во время Великого Поста, и радость о Воскресшем Господе будет в Светлое Христово Воскресение.

— *Батюшка, перед причастием положено несколько дней поститься. А если хочешь причаститься на Светлой седмице, нужно поститься перед причастием или нет?*

— Этот вопрос задают очень многие. Прежде всего, давайте ответим на вопрос, можно ли и нужно ли причащаться на Светлой седмице. Насчет можно ли — никаких канонических запретов на это нет: Литургии служатся, и священник по-прежнему каждый день призывает верных «Со страхом Божиим и верою приступите!»

Есть особые обстоятельства. Например, человек уезжает в какую-то далекую страну, где нет православного храма, или ложится в больницу на операцию. Может быть, Великим постом он не мог по каким-то причинам причаститься. Тогда он причащается на Светлой седмице. Это ответ на вопрос: «можно ли?»

Теперь — что касается «нужно ли?» Святитель Феофан Затворник пишет, что древние христиане причащались действительно на каждой Литургии: и Великим Постом причащались на каждой Литургии, и в Светлое Христово Воскресение причащались на каждой Литургии. Но, как пишет Святитель Феофан, «для того, чтобы так причащаться, нужно соответствующим образом и жить». Сейчас очень многое изменилось. Мы уже совсем другие люди. Когда человек постится сурово, соблюдает Великий пост так, как положено по Типикону (раз в день вкушает пищу, постится

без елея, как это делали в древности все христиане), то, конечно, на Пасху он заработал эту пасхальную радость — возможность причащаться каждый день Светлой седмицы.

Конечно же, наш Великий пост уступает этому идеалу и по количеству, и по качеству подвига. Многие хотели бы следовать Церковному уставу, но не умеют правильно это делать, а у многих просто не хватает здоровья. И поэтому мне кажется, правильнее несколько раз причастившись Великим Постом, а может быть, лучше в день Святой Пасхи, счесть себя недостойным и не причащаться на Светлой седмице. Это мое личное мнение, но есть храмы, прихожане которых причащаются каждый день Светлой седмицы. Вообще, канонически никакого препятствия к этому нет. Например, в нашем храме причащают на Светлой седмице всех желающих. Я считаю, что этот вопрос лучше решать со своим духовником. И если он решается положительно, я думаю, причаститься можно.

Как готовиться к причастию на Светлой седмице? У Святых Отцов я ответа на этот вопрос не нашел. Нашел я его в одной из современных брошюрок. Поскольку на Пасху поститься нельзя, то вечером, перед причащением, лучше обеспечить себе рыбный стол. Такое мнение не имеет основания у Святых Отцов, однако по опыту знаю, что многие пастыри так благословляют.

— *Батюшка, как пасхальная радость может совмещаться с покаянной Иисусовой молитвой?*

— Дело в том, что люди, занимающиеся непрерывной молитвой Иисусовой, не должны оставлять этого делания даже на Пасхальной седмице. В свое

время мой духовник говорил, что предпочтительнее в это время петь про себя пасхальные песнопения. А человек, привыкший творить молитву Иисусову, уже настолько преуспеваает в ней, что она не противоречит пасхальной радости.

Ведь пасхальная радость рождается из покаянной молитвы. Правильное покаяние рождает в душе, по слову преп. Иоанна Лествичника, «радостнотворный плач». И человек, знакомый с радостью покаяния, с легкостью покаяния, понимает и радость Святой Пасхи. Он радуется весенней природе, храму Божию, видит эту радость на лицах людей, проходящих в храм, но себя он считает грешником, недостойным этой радости. С одной стороны, благодарит Господа за радость Пасхи, а с другой — исповедует свои согрешения: «Настала Пасха, но я, грешный, менее грешным все же не стал. Все мои грехи со мной, я и на саму Пасху нагрешил, и сегодня, к великому сожалению, уже нагрешил, поэтому я вижу, что пасхальной радости я не достоин. Моя душа нуждается в покаянной Иисусовой молитве. Может быть бесстрастный человек, который совсем не имеет грехов, не нуждается уже в Иисусовой молитве. Но мне эти состояния неизвестны».

— *А может ли быть духовная радость без покаяния? Ведь обычно такая радость и вытекает как раз из покаяния?*

— В общем-то да. Пасхальная радость, например, рождается из Великого Поста, из покаянной радости.

— *Разве может быть горячей монотонная молитва?*

— Я упомянул уже про книжечку о Франциске Ассизском. Католики, например, молятся очень горячей молитвой, но внешней. Это экзальтированная, чувственная молитва, которая уводит человека от собственно настоящей молитвы. Человек начинает созерцать себя, переживать какие-то свои состояния...

В православной молитве самое главное — хранить внимание. Внимание и покаянный настрой. Причем этот настрой не нужно как-то «выжимать» из себя, он приходит сам собой, когда человек внимательно творит молитву Иисусову. Поэтому святитель Игнатий (Брянчанинов) запрещает молиться «с выражением». Поскольку мы являемся людьми падшими, то ничего не можем выразить в молитве, кроме нашего падения и кроме действия страстей.

«Предоставь действовать на сердце словам молитв, написанным святыми людьми», — говорит святитель. Они выразили в словах молитвы святые мысли и святые всчувства, поскольку сами были святы. А поскольку все молитвы в нашем молитвослове написаны людьми святыми — утренние, вечерние, молитвы ко святому причащению, — то те чувства и переживания, которые там изложены, обязательно передаются и нам.

Когда же мы внимательно, — погрузив свой ум в смысл читаемых нами слов — читаем молитву Иисусову, пусть даже как-то монотонно, но поскольку по сути своей она покаянная, то сердце рано или поздно начнет сочувствовать этим словам и само начнет рождать из себя очень тонкое покаяние. И пусть по виду это будет внешне монотонно, но сердце будет действительно оживать.

Слова, по святителю Феофану, — это только канва молитвы, а собственно молитвой Святые Отцы называют возношение ума и сердца к Богу, молитвенные чувства души. А они каждый раз очень разнообразны. Например, вы разговариваете каждый раз с одним и тем же знакомым человеком, с вашим хорошим другом. Каждый раз встречаясь с ним, может быть вы говорите об одном и том же, обсуждаете одни и те же новости (по крайней мере, подробно излагаете события). Но каждый раз вы воспринимаете этого человека по-разному. Если бы каждый раз при встрече с этим человеком вы переживали одно и то же, вам просто стало бы скучно и неинтересно. Если так бывает в общении между людьми, то тем более — в общении души с Богом.

Поэтому св. Иоанн Кронштадтский сказал, что человек, молящийся внимательно, каждый раз находит в молитве что-то новое для себя: и новые мысли, и новые чувства. И человек, который действительно молится, знает такие переживания.

— *Батюшка, я прочитала брошюрку «Как правильно подготовиться к Причащению». В ней есть такая цитата из Симеона Нового Богослова: «Если по Божественному Слову, вкушающие Плоть Господа и пьющие Кровь Его имеют жизнь вечную, — а мы, когда причащаемся, не чувствуем, чтобы при этом было в нас что-либо сверх того, что бывает от обыкновенной пищи и не сознаем, что получаем иную жизнь, то очевидно, что мы причащаемся только хлеба, а не Бога». Не могли бы вы это прокомментировать?*

— Понимаете, то, что здесь написано, относится к людям высоко духовным. Поскольку каждый из нас,

наверное, далеко не всегда чувствует радость переживания причастия, то для нас эти слова должны послужить укорением, должны подвигнуть нас к покаянию. Если бы мы жили достойно, как нужно жить, то Христос всегда был бы с нами, и сердце наше всегда ощущало радость, а тем более — когда мы соединились бы с Господом причастием Святых Тайн.

Но бывает, что мы не чувствуем этой радости соединения с Богом — за наши грехи. И в этом надо каяться. Если человек не чувствует на своей совести отягощающих ее смертных грехов, если он поговел, приготовился, исповедался и причастился — Таинство совершается. Оно объективно совершается: Господь входит в наши сердца и наши души. Другое дело, что не всегда Он дает нам это пережить. По нашему бесчувствию мы не всегда это ощущаем. Но душа соприкасается со святыней и преображается.

Когда человек причащается в суд и осуждение — душа это чувствует. При этом у человека бывает сильная тоска. Поэтому либо человек причащается достойно, либо — в суд и осуждение. Третьего тут не дано. Другое дело, что наша душа иногда или совсем ничего не чувствует, или чувствует совсем немножко. Причину этого я вижу, например, в своих грехах.

— Как влияет Причащение на душу человека в том случае, когда человек как бы ничего не ощущает? Посещает ли его благодать?

— Святитель Феофан Затворник объясняет, что далеко не всегда человек должен что-то переживать, причащаясь. Это бывает порой очень бесполезно. Он говорит, что Господь дает радость людям достойным, но порой люди начинают через это превозноситься.

Объективно благодать все равно действует на человека, даже если он этого сразу и не ощущает.

Одно дело — причаститься и получить при этом благодать, другое дело — причаститься в суд и осуждение. Конечно, нужно очень сильно прогневать Господа, чтобы причаститься в суд и осуждение. Господь крайне милосерд. Я знаю случаи, когда неверующие люди причащались и чувствовали такое, что становились верующими и обращались к Богу.

А благодать мы можем не ощущать. Святые Отцы говорили, что благодать большей частью действует невидимо. Поэтому люди, которые говорят, что они чувствуют радость после причащения, далеко не всегда чувствуют благодатную радость. Это может быть неким самовнушением, или даже действием прелести.

Нужно идти к причастию для того, чтобы Господь простил нам, грешным, многочисленные грехи, ни для чего другого. Нужно идти к причастию так, как больные подходят к врачу, — для исцеления души и тела. Чтобы через Причастие Господь дал нам благодать, которая исцелит нас от страстей, а не для того, чтобы пережить моменты восторга или экстаза. Это похоже на западное, католическое восприятие духовной жизни.

— *Святые Отцы пишут, что человек иногда после причастия ощущает некоторое уныние в силу некоего искушения. А чем оно отличается от того уныния, когда причастие принимается в суд и осуждение?*

— Господь очень милостив. Чтобы человек причастился в суд и осуждение, нужно все-таки довольно много нагрешить! А когда есть просто некое искушение

после Причастия, человек чувствует, что это нечто чуждое, нечто наносное, и начинает бороться с этим как с искушением.

Святитель Феофан Затворник, например, пишет, что человек не всегда чувствует радость Причастия, и что для человека грешного, падшего это нормально. А для человека преуспевшего это состояние действительно является ненормальным, поскольку, как говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), «понимание и исполнение Евангельских заповедей до того, как ум соединится с сердцем в самодвижной молитве Иисусовой (сердечной молитве), — чувства разные». Кому много дано, с того много и спросится. С новоначального — спрос один, а с преуспевшего — спрос другой. Поэтому, когда мы читаем творения Святых Отцов, нужно как-то различать, что относится к преуспевшим, а что относится к нам, новоначальным.

Святитель Игнатий указывает: «То, что в древних писаниях и у древних отцов относится к новоначальным, в настоящее время уже относится к преуспевшим, и не только к мирянам-христианам, а к преуспевшим инокам. Поэтому нужно читать Святых Отцов с большим рассуждением.

— *Батюшка, святитель Григорий Синаит пишет: «Труд телесный и душевный, не сопровождающийся болезненностью, не требующей труда, не приносит плода». «Многоболезненный имеет чистоту, а которые отверглись лютой болезни, были чужды причастия Духа Святаго», — говорит Феофан Затворник. Скажите, является ли болезнь для человека аскетическим подвигом или постом? Является*

ли болезнь, как пишет св. Игнатий (Брянчанинов), готовым спасением?

— Нельзя ни в чем полагать надежду на спасение, как только в Боге. Мы спасаемся не столько нашими трудами и подвигами, сколько милостью Божией. Мы спасены туне, даром, за нашу веру. А вера наша проявляется в делах, в исполнении Евангельских заповедей, в терпении скорбей.

Господь не сказал нам только трудиться или только терпеть скорби, Он дал много заповедей. Среди них есть заповедь о кресте: *Кто не несет креста своего и не идет за Мною, не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 27). Вот такое распятие нашей греховной плоти и нашей страстной души — это неременное условие правильной духовной жизни. Мы грешники, и за наши грехи мы должны пострадать.

Но не только в страдании заключается духовная жизнь. Сейчас, например, Пасха, и трудов поменьше, и службы совсем другие, и человеку свойственно сейчас испытывать радость и благодарить Господа. Получается, что Господь не принимает нас, не слышит нас? Это не так. *Время разбрасывать камни, и время собирать камни* (Ек. 3, 5). Время — нести крест, и время благодарить Бога за Его благодеяния и милость. Есть заповедь о несении креста, а есть заповедь и о благодарении Господа за Его благодеяния.

Да, аскеза включает в себе элемент страдания, терпения. Но нельзя говорить, что только в этом и заключается весь подвиг христианской аскезы и веры.

Например, молитва. Это труд, и большой труд. Всегда молитва связана с какими-то трудностями и скорбями. Однако молитва содержит в себе радость.

Святые Отцы говорят, что исполнение евангельских заповедей вначале, когда человек еще не привык, по его духовной природе бывает ему в тягость, а потом — уже легче. Но, тем не менее, исполнение евангельских заповедей ощущается как труд. А когда человек вырос духовно и не может жить иначе, чем как по Евангелию, тогда для него исполнение евангельских заповедей и все делание, связанное с ними, даже терпение скорбей, доставляет неизъяснимую радость. Это уже свойство благодати, свойство человека, обновленного благодатью Духа Святого.

И молитвенный труд, и поклоны, и пост, и служение ближним, и просто терпение бытовых неудобств, если мы терпим с благодарением, — все является исполнением заповеди о кресте, все помогает стяжанию добродетели терпения.

— *Нет ли каких-либо церковных рекомендаций по поводу вкушения пищи после причастия Пасхальной ночью? Ведь многие приготовили, наверное, много вкусных вещей и хотят как следует разговесться после пятидесятидневного поста?*

— На Пасху положено разговляться. Мало того, есть такое положение Святой Церкви: «Кто постится на Пасху, анафема да будет!», — потому что получается, что такой человек не верит в то, что Христос воскрес.

Вполне естественно, что после пятидесятидневного поста человеку, который усердно постился, хочется и яичко покушать, и пасху, и куличик. Но я не думаю, что всю пасхальную службу человек только об этом и думает. Если и мелькнут такие мысли, они вполне естественны для нашего естества.

В одном из патериков есть такой рассказ. Монах пришел в монастырь и вдруг увидел, что старцы как-то очень жадно едят пищу. И он осудил их за это. А игумен был прозорлив, он подозвал его и спросил: «Ты когда в последний раз пищу вкушал?» — «Вчера». — «А братия неделю ничего не вкушала и не пила даже воды. Поэтому вполне естественно, что они сейчас так вкушают пищу!» Этот брат устыдился и прославил Бога за то, что есть еще такие подвижники. Смотрите, даже в древние времена очень немногие могли не вкушать пищу целую неделю!

Конечно, если человек постился Великим постом, то он вкушает пищу на пасхальной трапезе и при этом благодарит Бога. Но объедаться никогда не надо, особенно если человек причастился Святых Христовых Тайн. В день причастия вообще нельзя объедаться — можно вкушать пищу, но не до пресыщения.

— *Батюшка, как вообще лучше провести день после причастия?*

— Когда люди, причастившись, идут куда-то в гости, это можно понять. Но, мне кажется, если есть возможность уединиться, лучше этой возможностью воспользоваться. Например, монахи, причастившись на Пасху, разговляются под чтения Житий святых, а потом идут в свои келии и там пребывают в пасхальной радости, чтобы не потерять общения с Господом.

Мы с вами не так часто причащаемся, поэтому если посетила нас радость Пасхи, радость общения с Господом, а — причастие тоже есть пасхальная радость, — то лучше эту радость не потерять, лучше продлить это пребывание с Господом. Господь говорит: *Нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете* (Мф. 26, 11). Поэтому любой такой момент

посещения Господом нужно ценить и стараться его продлить, попытавшись сохранить эту радость.

Если мы получили такую радость от молитвы или от причастия — у беса зависть и желание нас скорее ее лишить. Когда мы одни, ему не так легко это сделать. Когда же мы бываем с людьми, у беса всегда больше возможность нас искушать. Общение с людьми — всегда таит в себе разные неожиданности.

Поэтому, причастившись, всегда лучше, если не весь день, то хоть какое-то время побыть в одиночестве.

У человека семейного, это не всегда получается. Но если семья христианская, то, думаю, люди всегда поймут там друг друга и помогут друг другу пребывать в духовной радости в день причастия. Главное — постараться в этот день не празднословить, а пребывать в молитве. И если мы пребудем с Господом, то Господь пребудет с нами.

Троицу Единосущную песнословим

День Святой Троицы, праздник Святой Пятидесятницы является днем рождения Новозаветной христианской Церкви. После сошествия на апостолов Духа Святаго они, просвещенные благодатью, разошлись на проповедь Евангелия во все концы мира: благовествовали о Спасителе в разных землях, устраивали Церковь, рукополагали епископов и священников. С тех пор живет Святая Православная Церковь. Она одна хранит в себе сокровища апостольских преда-

ний, благодать Духа Святого, которою совершаются Таинства. Враг рода человеческого, движимый ненавистью к Святой Христовой Церкви, воздвигал гонения на нее через гордых и прельщенных людей на протяжении всей истории христианства, но Господь всемогущей силой Своей хранил ее. Отпали от Православной Церкви уклонившиеся в ереси, лжеучения, а Церковь живет и будет прибежищем жаждущих спасения до скончания века.

Каждый из нас получил в день крещения благодать Духа Святого, которая сошла в наши сердца. Но чтобы раскрылись в нас те духовные дарования, которые мы получили в святых Таинствах, мы должны жить по Евангелию, приумножать в себе благодатный дар, подобно рабу благому и мудрому, который умножил полученный от господина своего талант и принес ему десять талантов (Мф. 25, 14–30).

Некогда преп. Серафим Саровский в беседе со своим учеником Николаем Мотовиловым говорил, что цель жизни христианина есть стяжание благодати Духа Святого. Это наставление преподобного, отражающее православное учение, содержится в святоотеческих писаниях древних Отцов и всегда являлось основой жизни Православной Церкви оно прозвучало для людей XX века как некое откровение, — настолько далеко они отошли от истины.

По слову преподобного, чтобы стяжать благодать Духа Святого, надо исполнять евангельские заповеди и подвизаться в тех делах, которые наиболее близки душе: кому ближе пост — следует подвизаться в посте, кто любит молиться — должен молиться, кто более расположен к делам милосердия — пусть творит милостыню. Но это не значит, что человек должен

только молиться или только поститься — нужно исполнять все евангельские заповеди, но при этом обращать особое внимание на какое-то делание или несколько деланий, которые близки душе, и в этом особо подвизаться.

Святитель Игнатий Ставропольский говорит, что современное христианство очень далеко отстоит от христианства апостольских времен. Апостол Павел, обращаясь к своей пастве, писал: «Когда вы соберетесь в церковное собрание, и, если один из вас пророчествует, второй да молчит, если один говорит языками, другой да толкует эти языки» (1 Кор. 14, 27–29). Теперь мы можем только удивляться тому, каковы были первые христиане: это была святая Церковь, ее члены обиловали благодатными духовными дарованиями и поэтому с радостью шли на страдания ради Христа, и прославляли Бога за ниспосланные им мученические венцы.

Говоря о современном христианстве, свт. Игнатий приводит следующую притчу. Один царь устроил пир и пригласил много гостей. Пир был великолепен: гости веселились, столы были полны различных яств, хор пел прекрасно, звучала дивная музыка. Когда гости расходились, царь щедро одарил их, и они, поблагодарив царя, ушли. Когда слуги стали убирать после трапезы столы, царь увидел у двери своих чертогов толпу голодных нищих и пригласил их к столу. Одетые в рубища люди вошли и каждый поел остатки пищи, которые смог взять со стола, не разобрав как следует ее вкуса. Никто из них, конечно, не мог и представить себе великолепия прошедшего пира. После этого царь сказал им: «Простите меня, друзья

мои. Когда я устраивал пир, я не имел в виду вас, и поэтому у меня не осталось больше подарков». Но нищие ответили ему: «О, господин, до подарков ли нам, благодарим тебя за то, что ты не дал нам умереть с голоду».

Этот Царь — наш Господь, пир, устроенный им, — это христианская Церковь, приглашенные гости — христиане первых веков, которые приняли мученические венцы, которые подвизались в пустынях в молитве и постничестве, которые имели духовные дарования — подарки царя. Они могли наслаждаться духовной трапезой во всем разнообразии, сполна вкушая и познавая бесценные яства. Многоголосный, стройный хор — это духоносные наставники, которые назидали первых христиан.

В голодных и холодных, одетых в рубища нищих без труда можно узнать нас с вами, современных христиан. Рубища — это носимые нами духовные одежды: не добродетелей, а грехов. Это дебелисть и грязь, которая покрывает наши души. Но Владыка не возгнушался нами и пригласил и нас в Свой великий чертог, в Святую Церковь: мы находимся в этом храме, вкушаем Святых Таинств, слышим Слово Божие и наслаждаемся богослужением Церкви.

Но мало кто из нас имеет полное представление о христианстве: школа духовного делания утрачена, наставников нет. Одно делание оставлено нам в изобилии — это терпение скорбей, и оно полностью восполняет наше неумение молиться, правильно поститься, совершать бдение и заниматься богомыслием. Этого делания — терпения скорбей вполне достаточно, чтобы спастись. Царь из притчи не наделил нищих

подарками: среди нас нет людей, которые бы имели какие-либо духовные дарования, — мало того, мы и не видели таких подвижников. Поблагодарим Бога за то, что Он наставил нас на путь ко спасению, привел в Церковь, не дал нам умереть духовной смертью.

Таково современное христианство, и ни на что другое уже просто не приходится рассчитывать.

Но не нужно смущаться и отчаиваться. Когда у великого святителя Церкви первых веков Нифонта Цареградского ученики спросили: «Отче, что будет в последние времена, будут ли святые в Церкви?», — он ответил, что святые будут всегда. До скончания века будут люди, имеющие духовные дарования, но в последние дни из-за умножившихся соблазнов они покроют себя смирением и не сотворят великих чудес и знамений. Они скроют себя от мира. И среди нас есть рабы Божии, которые втайне, со смирением угождают Богу. Они не совершают чудес и знамений, но по своему смирению и благодати ничем ни уступают Отцам первых веков. Если будет нам полезно, если будет воля Божия на это, мы обязательно на нашем жизненном пути встретим таких людей.

Из ответа свт. Нифонта явствует еще одно: в наши дни нет Божией воли на громкие дела и великие дела-ния, превышающие наши силы. В молитве нам нужно испрашивать не прозорливости, не чудотворений, не умения отчитывать бесноватых, не способности исцелений, а единственное дарование — покаяние. И единственную добродетель всем нам нужно стяжать — все-святое смирение. Этой добродетели вполне достаточно для того, чтобы возвести нас на небо.

Святитель Игнатий говорит также, что ныне Господь дает духовные дарования под самый конец жизни. И не какие-либо великие дарования, а те, которые необходимы для спасения души, например, дар покаянных слез или дар слова, чтобы можно было назидать окружающих нас людей. Человек же, стремящийся к стяжанию прозорливости или чудотворений, стремится к прелести.

Святитель Феофан Затворник говорит, что жить в Церкви нужно так, чтобы ничем не отличаться от других христиан, потому что иначе будет рождаться гордость. «Если даже у тебя появились в храме покаянные слезы, надо их подавить в себе, чтобы не превозноситься и не тщеславиться, а поплакать перед Богом», — советует он.

Один из современных подвижников, игумен Никон (Воробьев, †1963 г.) также замечает, что сейчас Бог не благословляет на великие подвиги, такие, как отшельничество, особенное постничество, поскольку люди будут превозноситься и осуждать других христиан, которые просто ходят в храм, и как могут, исполняют заповеди Божии. Через такое осуждение человек может превозвестись и погибнуть.

Поэтому нужно подвизаться умеренным подвигом: соблюдать посты, ходить в храм по воскресеньям и праздникам, а кто захочет — почаще, совершать молитвенное правило. Но не надо брать на себя что-то выше сил. Если кто-то хочет совершить какой-либо особенный подвиг, например, пост по понедельникам или невкушение мяса, или какие-то другие благочестивые подвиги, это нужно делать с благословения духовного отца — тогда прелесть не последует.

Ныне мы видим, что появилось много лжеучителей, лжестарцев. Откуда это явление? Деятельность таких пастырей имеет успех оттого, что их пасомые не ищут истинного христианства, а подменяют его своим пониманием духовной жизни. Если человек не живет по евангельским заповедям, но мнит о себе, что он уже свят, что он особенный, благодатный человек, то он ищет себе таких учителей, которые будут потакать его страстям, убеждать в подлинности его благодатных видений, поощрять ложную духовную жизнь.

Настоящий христианин, цель жизни которого заключается в изучении святых заповедей Христа, станет искать учителя не чудотворца, не прозорливого, но смиренного, — такого, который преподает учение благодатное, подлинно православное, основанное на творениях Святых Отцов. Он не удовлетворится никаким другим учением, чем бы оно себя ни прикрывало. Как говорит апостол Иоанн Богослов, те, кто от Бога, послушают нас, а те, кто не от Бога, не послушают нас (Ин. 8, 47). Настоящий христианин будет слушать только евангельское, Христово учение. Никогда не прельстят его антихристианские учения, потому что он чувствует, что там нет смирения, нет любви и милосердия, там нет православия, — и он отвернет свой слух от таких учителей.

Шесть веков назад преп. Андрей Рублев написал замечательную икону Святой Троицы. Написал он ее для того, чтобы «воззрением на нее препобеждалась ненавистная рознь века сего». Глядя теперь на эту икону, мы можем только скорбеть о том, что мир разрознен, что мы немирны друг с другом и с Богом

через наши грехи и страсти. Три Ангела соединились в Божественной любви, и мы также должны стремиться к этому идеалу божественной, духоносной любви. Только жизнь по Евангелию, жизнь по всем заповедям Божиим объединяет людей — никакого другого единства нет и не может быть. Только тогда, когда человек стремится стяжать благодать Духа Святого, он пребывает в единстве с Богом и ближними. Аминь.

Царю Небесный

Пятидесятница. Празднуется Духа Святого пришествие. Почти две тысячи лет назад в Сионской горнице благодать Святого Духа в виде огненных языков сошла на святых апостолов и в их лице — на весь род человеческий. С тех пор цель жизни любого христианина на земле — стяжание благодати Святого Духа.

Как же приобретается благодать? Приобретается верою в Господа нашего Иисуса Христа и жизнью, которая соответствует вере. Вся наша жизнь должна быть исповеданием веры, исполнением заповедей Божиих, служением Богу. Исповедание веры и служение Богу — это и есть исполнение заповедей Божиих, и прежде всего служение ближнему в духе Евангелия, в духе христианской любви.

Исполняя заповеди Божии, человек очищает свое сердце от страстей, приобретает добродетели. Добродетели — это благодатные качества нового человека, они не свойственны ветхому человеку, их не может быть у язычников. Конечно, и у язычников могут быть

добрые качества, но это добродетели душевные, не благодатные. А добродетели должны быть духовные, то есть они должны быть освящены благодатью Духа Святого.

Труд христианина — это труд делания заповедей, труд борьбы с грехом, со страстями. Видя этот труд, благодать Божия приходит и освящает человека, делает его человеком новым, христианином по образу и подобию совершенного Человека — Христа.

Есть такая добродетель, которой совсем не может быть у язычников и она им даже совершенно непонятна. Эта добродетель называется смирением. Преподобный Исаак Сирий пишет: «Только тогда можно сказать, что человек имеет смирение, когда он имеет все добродетели в совершенстве, в совокупности». То есть только тогда можно говорить о том, что в человеке есть смирение, когда он имеет все добродетели, и не просто добродетели, но именно в совершенном виде. Когда смирение приходит в человека, оно привлекает в его душу Божию благодать, и Божия благодать, прейдя в сердце смиренного человека, как горлица, которая положит птенцы своя, приносит в сердце такого человека благодатные дарования — дары благодати Духа Святого.

Один из первых, нужнейших даров для человека, для спасения души, для правильной христианской жизни есть дар рассуждения. Преподобный Иоанн Лествичник определяет его как способность знать волю Божию на всякое время, во всяком месте, при всяком деле. За то, что человек хочет жить по воле Божией, Господь открывает ему Свою волю, потому что *всякий ищущий находит* (Мф. 7, 8). Видя такое

произволение в человеке, Господь помогает ему, вразумляет, наставляет. И человек, имеющий рассуждение, знает как ему нужно жить и как ему нужно поступать, чтобы угодить Богу, чтобы исполнить волю Божию.

Все благодатные дары сопряжены между собой. Дар рассуждения сопряжен с таким даром, как видение судеб Божиих. О нем упоминает святитель Игнатий (Брянчанинов) во втором томе своих творений. Поскольку человек живет среди других людей, то исполнение воли Божией всегда связано с другими людьми, потому что воля Божия распространяется не только на одного человека, но и на все творение, в том числе на всех людей. И человеку, для правильного исполнения воли Божией, начинают открываться судьбы Божии. Человек начинает видеть судьбы Божии не только относительно себя самого, но и относительно окружающих его ближних. Такой человек не только сам исполняет волю Божию, но помогает ее исполнять и своим ближним, открывая им волю Божию.

И порой такой человек ставится на свечник служения ближнему, чаще всего он принимает священный сан по воле и благодати Божией. Дар священства — это тоже дар благодати Духа Святого. Человек принимает благодать пастырства, а первое дело пастыря — указывать ближнему, указывать своей пастве, своим духовным чадам волю Божию, учить и помогать ее исполнять. Такой человек получает от Бога и другие дарования, если он подвижник, если он раб Христов, если он проводит аскетическую жизнь, строго живет по евангельским заповедям.

Далеко не каждый пастырь, конечно, имеет дар пророчливости. Это редкий дар. Он был распространен

в древней Церкви, но сейчас этот дар оскудевает, так как оскудевает наша вера, наша духовная жизнь. Очень мало в ком он встречается, но все-таки встречается. Если мы прочитаем Священное Писание, особенно книгу Премудрости Соломоновой и книгу Премудрости Иисуса, сына Сихарова, мы можем узнать, о чем думают премудрые люди. Они имели дар премудрости и писали в книгах, в Священном Писании, о чем они думали и что им открывалось.

Но одно дело — знать, ведать Божию тайну, а другое дело — уметь излагать эти Божественные тайны для окружающих, для ближних. Есть такой высочайший дар, который называется даром богословия, он помогает человеку изложить Божественные тайны устно и письменно для окружающих. Преподобный Григорий Синаит говорит, что дар богословия — как один из величайших даров, так и один из самых полезных даров, поскольку он помогает с помощью слова возродить к вечной жизни душу человека. И поэтому чаще всего этот дар бывает у проповедников. Этот дар имели апостолы, многие святители и, конечно же, все духовные писатели. Вообще, по словам Феофана Затворника, когда человек интересно говорит о Боге, это признак благодати.

Богослов — это человек, в котором есть благодать Духа Святого и через которого эта благодать разъясняет Божественные тайны, открывает их окружающим людям. Собственно богословами в традиции Церкви названы Иоанн Богослов, Григорий Богослов, Симеон Новый Богослов. Но этот дар имели и другие святые. Думаю, он сохранится до второго пришествия, поскольку всегда есть воля Божия на то, чтобы Слово Божие проповедовалось, и всегда в Церкви

были проповедники от Бога, и всегда они будут. А пока они будут, будет и этот дар.

Существует много других даров, которые преподавал Господь. Некоторые дары уже утрачены, Господь не дает их нам. Например, мы читаем в Священном Писании, что языки умолкнут и пророчества прекратятся. Человек, имеющий дар языков по благодати, изъясняет другие языки. Когда благодать сошла на апостолов, они заговорили на незнакомых языках. В это время в Иерусалиме были другие народы, и апостолы на их языках говорили им о Боге, проповедовали Евангелие.

Дар пророчества, я думаю, еще не отнят, потому что были пророки ветхозаветные, и есть пророки новозаветные. Этот дар имели христианские святые и, наверное, еще будут иметь. Этот дар необходим для того, чтобы знать волю Божию и указывать ее целым народам. Одно дело указывать какому-то человеку волю Божию, другое дело указывать волю Божию целому народу. Если народ хочет исполнять волю Божию, думаю, что Господь воздвигнет пророков, которые через пророчества будут открывать судьбы Божии целому народу и многим людям.

Но есть дары, которые уже отняты. Некоторые — по нашему недостойнству, а некоторые — по Промыслу Божию, потому что пришло другое время. Например, святитель Иоанн Златоуст говорит, что когда апостолы проповедовали Евангелие, их проповедь сопровождалась обильными чудотворениями. А сейчас, то есть во время Иоанна Златоуста (это был третий, четвертый век, от Рождества Христова), поскольку

христианство проповедано во многих землях, дар чудотворения не так необходим как раньше. Больше назидает не чудо, а благочестивая жизнь человека. Поэтому исполнение евангельских заповедей является подвигом, и на самом деле, подвижническая, святая жизнь человека — это самая громкая проповедь. Назидает прежде всего святая жизнь. А если человек живущий свято еще и скажет приличное слово назидания — это самая сильная проповедь, самый сильный пример. Но дар чудотворения встречается и сейчас у некоторых святых людей, особенно в святых обителях Афона. Но это очень редкий дар в наше время. Останется он или Господь совсем благоволит отнять его от лица земли — это судьбы Божии, этого мы не знаем.

Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что есть такие дары, о которых знает только тот человек, который их имеет. Я полагаю, что Божиих даров, дарованных благодати Духа Святого — великое множество, гораздо больше, чем звезд на небе. Не будем пренебрегать словом Божиим, будем изучать евангельские заповеди, читая Священное Писание и произведения Святых Отцов Православной Церкви, которые изъяснили все Священное Писание в своих творениях: в проповедях, в богословских сочинениях, а главное — в своих аскетических сочинениях, где они изложили то, как нужно правильно понимать и исполнять евангельские заповеди и применять их в жизни. Будем стараться читать такие книги и, конечно, будем не только читать, но и исполнять прочитанное, то есть исполнять заповеди Божии. И тогда непременно благодать Святого Духа прейдет в наши сердца, и в наших сердцах обретется святая Пятидесятница. Аминь.

Иже во всем мире мученик Твоих

Церковь празднует память всех святых, которые своей жизнью принесли плоды святости. Будучи руководимы благодатью Духа Святого, они достигли духовного совершенства и наставили других людей на путь к Богу. Святых превеликое множество. «Многое ваши имена и большие дарования», — говорит церковное песнопение. Если мы раскроем святцы и начнем их считать, то собьемся со счета. Мало того, о многих святых мы ничего не знаем, утрачены воспоминания о их жизни, остались только их имена, которые есть в святцах. Некоторые подвизались в неизвестности и всячески скрывали себя от мира. О них до нас тоже ничего не дошло. Есть даже святые, чьи имена не дошли до нас, поэтому мы видим что в святцах написано так: мученик такой-то и иже с ним; воин-мученик такой-то, епископ такой-то и с ним две тысячи мучеников. Вот эти две тысячи мучеников — это тоже святые, но мы даже не знаем их имен. Но тем не менее перед Богом они святые и Господь их всех знает. Если мы будем смотреть святцы далее, то увидим, что в первые века христианства святых было больше, чем в последние времена. Почему же так? Ведь количество людей увеличивается, растет и количество христиан. Благовествуется Евангелие, православная Церковь уже существует во всем мире и во всех странах света. Но тем не менее факт остается фактом: в первые века святых было больше и дарования они имели большие, чем святые последних времен. Когда читаем

жизнеописания святых первых веков, мы видим, что они были чудотворцы, великие прозорливцы, пророки, почти все они имели дар исцеления. Среди них были великие святители, великие проповедники Слова Божия. Множество разнообразных даров имели святые первых времен, они были Ангелы земные и небесные человеки.

Святые же последних времен — обыкновенные люди. Если мы посмотрим сколько святых канонизировано в XIX веке, то увидим, что их можно перечесть по пальцам. И такие святые как Филарет Московский, Иннокентий Московский, Герман Аляскинский, и другие угодники Божии не совершали чудес (по крайней мере, об этом не сказано в их житиях), но они святые. Святые по своим делам, святые по той духовности, которую они несли другим людям. Пожалуй, только святой праведный Иоанн Кронштадтский открыто совершал чудеса. Но святой праведный Иоанн — это особое явление, это Богом данное чудо для русского народа. Русский народ в его времена уже стал отвращаться, отпадать от Бога, а через его благовествование, через его чудеса многие люди вернулись к покаянию. Тех же, кто не вернулся, св. Иоанн Кронштадтский открыто обличал. Господь показал, что жива в Церкви благодать Духа Святого, *Иисус Христос вчера и сегодня, и во веки Тот же* (Евр. 13, 8).

Многие святые еще не канонизированы. Но Святой благоверный князь Дмитрий Донской, преподобный Андрей Рублев, иконописец, были канонизированы спустя шестьсот лет после их праведной кончины. Несомненно то, что в XIX и XX веках было много праведников, и они еще ждут своего прославления.

Тем не менее Господь сказал: «Когда Я приду, найду ли веру на земле» (Лк. 18, 8). И мы видим, что святость оскудевает как оскудевает в народе благочестие. Как я уже говорил, святитель Нифонт, Патриарх Цареградский, живший в VI веке, так пророчествовал о последних временах: до самого скончания века сего не оскудеют пророки у Господа Бога, впрочем, в последние времена те, которые поистине будут работать Богу, благополучно скроют себя от людей, но пойдут путем делания, растворенного смирением. В царствии небесном они окажутся большими Отцов, прославившихся знаменами, потому что тогда никто не будет совершать перед глазами человеческими чудес, которые бы воспаляли людей и пробуждали их с усердием стремиться на подвиги. И другие Отцы первых веков также пророчествовали о том, что святые будут всегда, но в последние времена они не сотворят чудес. Преподобный Варсонофий Оптинский говорил, что пока живы святые, стоит и мир; а как только прекратится молитва святых за весь мир, наступит и конец мира. Поэтому в Церкви святость была всегда, есть она и сейчас.

Но святость всегда была незаметна. Когда христиане были настолько благочестивы, что понимали святость, — например, христиане первых веков, апостольского века, — то они все были святыми. Поэтому мы читаем в Посланиях апостола Павла: «Святым, которые в Риме, и тем, которые от Кесарева дома» (Рим. 1, 7); то есть все члены первой апостольской Церкви были святы. Потом благочестие и святость стали оскудевать.

Святые первых веков были более заметны, их понимали, их принимали. В последние века то, что называется благочестием по большей части лицемерие, а не настоящее благочестие, и святых не принимают, их гонят и преследуют. Вообще гонения и скорби — это удел всех святых всех времен, но особенно святых последних веков. И сейчас есть среди нас святые, но они не являют себя миру. Они в тишине своих келий молятся Богу, проповедуют Слово Божие, но мало кто догадывается о той святости, которую они в себе носят.

Помните, как проходил в 1998 г. Архиерейский Собор? Все мы так ждали прославления, канонизации Царской семьи. Так и не дождались. Государь Император Николай Александрович, его Царственная супруга Александра Феодоровна и Царские дети были прославлены лишь спустя два года, на Соборе 2000 г. Тогда, в 1998 г., некоторые возроптали: «Как же так, почему архиереи не приняли этого решения?» А дело не в архиереях, это такой Промысл Божий, без Промысла Божия никто не может быть причислен к лику святых. Да, несомненно, Государь свят и по своей праведной жизни, и тем более по своей мученической кончине. Но любой святой — это дар Божий народу, а дары даются только по одной причине — за покаяние.

И, тогда видимо, мы были недостойны этого дара. Не принесла еще Россия покаяние в грехе цареубийства и в тех грехах, которые привели к цареубийству, то есть в отступлении от Бога. И, действительно, о каком покаянии может идти речь, когда люди, называющие себя православными, ходят с красными знаменами, с портретами Ленина и Сталина. Господь говорит

в Евангелии: *«Горе вам, что строите гробницы пророкам, которых избili отцы ваши»* (Лк. 11, 47); называя отцами тех, которые избili пророков, вы сами свидетельствуете, что вы дети избивших пророки, значит, вы соблаговолите делам их. Поэтому, если мы называем отцами и дедами тех, кто разрушал храмы, тех, кто расстреливал священнослужителей и монахов, кто уничтожал русское крестьянство, то мы попадаем под Божие проклятие.

Можно подумать, что история России — это непрестанные бунты, революции, страшные войны, непрестанные скорби. В целом это именно так. Господь говорит: *Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю* (Ап. 3, 19). Но история России — это, прежде всего, история ее святости. И эта история не окончена. Недавно были найдены несколько писем святителя Игнатия (Брянчанинова) к Николаю Николаевичу Муравьеву, правителю Кавказского края. Это был очень благочестивый человек, большой друг святителя Игнатия, много поспособствовавший тому, чтобы он принял епископский сан. В одном из этих писем, которые были опубликованы в нашем издательстве, есть замечательные пророчества о России.

«Ныне или после, но России необходимо сосчитаться с Европою. Человеческие усилия не могут уничтожить и изменить судеб Божиих. России предназначено огромное значение. Она будет преобладать над вселенной. Она достигнет этого, когда народонаселение ее будет соответствовать пространству. Это народонаселение ежегодно приращается больше, нежели на миллион; Россия должна вступить в грядущее столетие при народонаселении в сто миллионов.

Нападение завистливых врагов заставит ее развить силы и понять свое положение, которое уже будет постоянно возбуждать зависть и козни. Это потребует огромного труда, подвига, самоотвержения, но что делать, когда приводит к ним рука непостижимой Судьбы! Единственное средство к исправлению упавших сил, нравственной и духовной, — положение, требующее труда, приводящее к самоотвержению.

В 38-ой и 39-ой главах книги пророка Иезекииля описаны могущество, многочисленность северного народа, названного Россом; этот народ должен достичь очень высокого уровня материального развития перед концом мира и заключить своим концом историю странствования на земле человеческого рода. На упомянутые главы Иезекииля делается ссылка в 20-ой главе Апокалипсиса: многочисленное войско, которое будет в этом государстве, подобно песку морскому. Святой Андрей Критский, церковный писатель VII века, объясняя 20-ю главу Апокалипсиса и находя пророчество ее тождественным с пророчеством Иезекииля, говорит: “Есть на севере народ, скрываемый от прочих народов рукою Божией, народ, самый многочисленный и воинственный. Перед концом мира он внезапно откроется и преодолет все народы”.

Точно! Европа узнала Россию после Америки, почти только со времен Петра I-го. Петр I-й пожаловал в Париж гостем в 1714 году, а в 1814 пожаловала туда русская армия. Какая быстрота событий! Нынче, на встречу грозящим нам врагам, можно сказать словами 2-го псалма: *Вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным*. Враги разбудят, потрясут Россию, произведут в ней невольное развитие силы, но не

унизят России: они возвысят ее, таково ее предопределение».*

Таково пророчество святителя Игнатия. И как звучны ему пророчества многих угодников Божиих! Например, святой равноапостольный Николай Японский, наш соотечественник, в 1911 году писал, что Россия — это великий народ, который находится еще в самом начале своей истории, что этому народу еще предстоит прожить, может быть, даже тысячу лет, и что у России все еще впереди. Так же говорили и многие другие угодники Божии. Их гораздо больше, чем тех, которые говорят, что уже конец всему, что уже ничего не надо делать. Такого мнения придерживаются, в основном, члены Русской зарубежной церкви, например, Серафим Роуз. Святые подвижники и старцы говорили по-другому.

Всем, наверное, известно имя знаменитого русского химика Дмитрия Менделеева. Это был не только великий ученый, создатель таблицы химических элементов, которую он, кстати, увидел во сне после усердной молитвы, но и великий русский человек, русский религиозный философ. Он был церковным старостой и активным членом «Союза русского народа», то есть настоящим патриотом. Менделеев провел научные изыскания и подсчитал, что к 1960-м годам, если бы Россия развивалась так, как она развивалась в начале XX века, она стала бы самым могущественным, самым великим, самым богатым государством, и ее народонаселение должно было бы составить 500 миллионов человек. Он не учел, конечно, ни эту страшную революцию, ни первую и вторую мировые войны, но этого нельзя было предвидеть.

* «Будущее России в руках Божественного Промысла», М., 1998.

И святитель Игнатий говорит, как было отмечено выше, что Россия тогда станет могучей, когда ее народонаселение будет соответствовать пространству, то есть русские заселят Сибирь, заселят ее так, как заселили и возделали европейскую часть России. Когда это будет? Нам предстоит великая история! И прежде всего, это история русской святости. На нашей земле явится еще много святых. Вспомним пророческие слова митрополита Иоанна Санкт-Петербургского, нашего современника, который говорил, что у России не только великое прошлое, но и великое будущее. Аминь.

Наши Небесные сродники

Всяческой красотой украсил Господь Русскую землю: насадил леса, разлил озера и реки, дал благо-растворение воздухам, населил леса зверями и птицами. Но не было в земле Русской благочестия: поклонялся народ Русский идолам. И положил Господь в сердце славнодержавному равноапостольному князю Владимиру крестить Русь. И была крещена Русь святителем Михаилом, митрополитом Киевским. Отвергли русские люди идолов и пошли вслед за Господом Иисусом Христом.

Вставали на Руси белокаменные храмы, устраивались обители, колокольный благовест полился по русской земле. Все русский человек теперь делал с Богом: пахал ли он или сеял, шел ли на охоту, строил ли дом — прежде всего просил Божия благословения.

Строил русский народ школы, где учил детей своих грамоте по Псалтири и часослову, — насаждал учение Христово. Стала Русская земля христианской, святой землей. И благословил Господь русскую землю: возросло в ней благочестие. И дало благочестие, прекрасные плоды святости. И стала русская земля — как невеста Христу Богу.

Русские святые прославляли Господа в своих молитвах и подвигами благочестия укрепляли народ в православной вере. Явились преподобные отцы, которые своей жизнью свидетельствовали о том, что есть Христос и каково царство небесное. Указывали людям путь к Богу, потому что уже здесь, на земле, эти люди жили по законам царства Божия.

И по сей день наши святые предки мощами своими почивают в святых обителях русских и молятся у престола Божия за нашу землю. Эти святые пребывают с нами здесь не только духом, но и телом, участвуя в наших молитвах. Они охраняют наши храмы и помогают всем нам, хотя мы, может быть, этого не знаем и не замечаем. Каждый христианин проходит свою жизнь под покровом заботы святых, как под звездным небом.

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное (Мф. 5, 3–10). Это Евангелие читается в память святых, потому что святые исполнили все эти заповеди. Они были *нищие духом*, т. е. при богатстве добродетелей не приписывали себе это богатство. Они понимали, что человеку принадлежат только немощи и недостатки, а духовное богатство есть

дар Божий, и в любую минуту по своему нерадению можно его потерять, даже через неосторожное слово, неправильную мысль. Они были *алчущие*, но алкали они не земной пищи, так как довольствовались очень малым, порой оставаясь без пищи многие дни, — через святые молитвы их питала Божия благодать, и пили они покаянные слезы. Алкали святые угодники Божии небесной пищи, о которой Господь сказал: хлеб Мой *есть творить волю Пославшего Меня* (Ин. 4, 34). Святые питали свою душу правдой Божией, исполнением воли Божией — и этим только она могла насытиться. Святые были *плачущие*, но плач их был не о земных притязаниях — плакали они о лишении небесных благ, о гибели своей души, о грехах, об ошибках, которые неизбежно делают все люди на пути нашей земной жизни. И, конечно же, святых гнали и преследовали, как гнали и преследовали Господа, и Он обещал всем последователям Своим: Как *Меня гнали*, так *будут гнать и вас* (Ин. 15, 20), но *держайте, ибо Я победил мир* (Ин. 16, 33). По слову преп. Макария Великого, где благодать Духа Святого, там непременно, как тень за солнцем, последуют гонения и скорби. И все без исключения святые претерпевали множество скорбей от человеков и от демонов, болезни, клеветы и прочие напасти. Но Господь, за их верность заповедям Божиим, даровал им небесное царство.

Но кто же такие святые и что такое вообще святость? Святые, если кратко сказать, — это Божии друзья. Своей жизнью, исполнением заповедей Господних они стяжали благодать Духа Святого, во всей полноте

достигли духовного совершенства. За это они прославлены на небесах и получили от Бога благодать помогать нам, земным жителям, которые еще находятся на пути к небу, для которых стяжание благодати Духа Святаго — пока только цель земной жизни. Может быть, есть среди нас люди, уже стяжавшие благодать, но вряд ли есть стяжавшие благодать в совершенной мере, как это было у святых.

Прославленные Богом и получившие благодать о нас заботиться, они участвуют в нашей жизни. Жизнеописания святых, дошедшие до наших дней, а также их творения и поучения, столь необходимые во времена духовного оскудения назидают нас, воодушевляют и помогают духовно возрастать. Господь Своей благодатью подвигнул святых передать нам свой духовный опыт, чтобы мы, не видя живых святых, назидались, по крайней мере, жизнеописаниями и творениями святых, уже ушедших с земли. Чтобы вместе с этими святыми мы могли восклицать: «Не думайте, что невозможно стяжать Божественный Дух, не думайте, что без благодати Духа Святаго возможно спастись, не думайте, что кто-то может быть причастен благодати, сам того не ведая, не говорите, что люди не могут увидеть Бога, не говорите, что Божественный Свет невидим людям или что это невозможно в наше время. Это никогда не бывает невозможным, друзья, но очень даже возможно желающим». Такой завет, оставленный нам в своих гимнах одним из величайших Божиих угодников, преп. Симеоном Новым Богословом, служит нам величайшим ободрением и утешением.

После многих святых по разным причинам не осталось ни жизнеописаний, ни творений или поучений. Многие по своему смирению жили прикровенно и нам неизвестны их подвиги, но тем не менее их имена имеются в святцах, они прославлены Богом, им составлены службы, и самое главное — они возносят к Богу свои святые молитвы за нас. Когда в храме идет служба какому-то неизвестному нам святому, наше сердце вторит словам молитвы, взывая: «Преподобне отче...» или: «Святой мучениче, моли Бога о нас».

Мы ничего не знаем об этом святом, но зато он знает нас, и наша просьба к нему о молитвенной помощи никогда не останется тщетной. Мы уходим из храма, а этот святой будет о нас заботиться. Мы можем этого не знать и не замечать, но, по слову Св. Писания, если мы небываем неверными Богу, Бог всегда верен. Поэтому святые, которые имели божественную любовь, всегда пребывают верными заповедям Божиим и никогда не оставят нас без своей помощи.

Особенно так бывает, когда мы посещаем какие-то святые места, прославленные подвигами угодников Божиих. Уезжая оттуда, мы вдруг замечаем, что увезли с собой дружбу святых Божиих людей, что в нашей жизни начинает являться помощь угодников, которые подвизались в этих святых местах. Сначала еле заметно, а потом все более существенно и ясно проявляется в нашей жизни присутствие этих Божиих угодников.

Один иеромонах, подвизавшийся на Афонской Горе, рассказывал мне о том, как заметил в своей жизни присутствие свт. Иннокентия, архиепископа Иркутского. Сначала он увидел, что события его жизни

бывают связаны со свт. Иннокентием. Когда бывали какие-то радости, это было как-то связано со свт. Иннокентием, когда случались скорби, то они тоже приходились либо на день памяти свт. Иннокентия, либо это событие как-то было связано с этим святым. Однажды был такой случай: он шел по Сибирской тайге и вдруг рядом с собой услышал рычание. Он понял, что это рычание дикого зверя, и страшно испугался. Потом услышал вокруг себя хруст ветвей: это зверь ходил вокруг него. Он уже приготовился к смерти и начал молиться, прося Бога принять его душу. Но хруст затих и зверь стал удаляться. Не веря себе, он пошел вперед и обнаружил на снегу следы рыси. В этот день была память свт. Иннокентия Иркутского. После этого мой собеседник-иеромонах уже не сомневался в особом попечении о себе этого Божиего угодника, стал особо почитать его, всегда обращался к нему, просил молитвенной помощи и защиты.

Так святые угодники пребывают в нашей жизни: не мы ищем их дружбы, а скорее, они находят нас. Мы недостойны их дружбы, но Господь по Своему милосердию располагает к нам сердца Божиих угодников, чтобы они заботились о нас, помогали нам, вели нас по пути этой земной жизни. Бывает так: чем больше живет человек на земле, тем больше у него появляется друзей. Но человек к старости может остаться совсем одиноким, потому что земные содружества непрочны, легко распадаются и разрушаются. Но не так бывает с Божиими угодниками: если человек правильно живет духовной жизнью, у него все больше и больше появляется духовных друзей, т. е. святых людей. И эта дружба не разрушается: она переходит в вечность.

Все мы немощны и беспрестанно прогневаем Господа нашими грехами. Постараемся жить так, чтобы у нас было много небесных друзей и чтобы они, стоя у Престола Божия, молитвенно поддерживали нас и образом своей неземной чистоты вдохновляли нас на спасительную, богоугодную жизнь, на исполнение Божих заповедей. Тогда не будет в нашей жизни ничего невозможного, потому что Божия любовь, «немощных врачующая и оскудевающих восполняющая», даст нам силы. Все святые земли русской, молитесь Милостивого Бога, да прегрешений оставление подаст душам нашим. Аминь

Скажи мне, Господи, путь, которым пойду

«**А**постолов первопрестольницы и вселенная учителя», — так прославляет Церковь святых первоверховных апостолов Петра и Павла, великий подвиг их благовестия. Многие скорби и труды претерпели эти святые люди, чтобы проповедовать Евангелие всей твари. «Весь мир ученьями своими просветивши и вся концы ко Христу приведши». После их проповеди мир стал христианским. Они посеяли благодатное семя слова Божия в сердцах язычников, которое возросло превеликими плодами святости Вселенской Православной Христовой Церкви.

Можно спросить: «А что было бы, если бы Петр и Павел испугались скорбей, бедствий и гонений и

отказались, когда Господь призывал их на проповедь Евангелия?» Неужели христианства не было бы во вселенной? Нет! Воля Божия не может не совершиться: нашлись бы другие люди, но христианство было бы проповедано непременно. Мы прославляем Петра и Павла, потому что они не отказались — пошли и приняли на себя этот великий подвиг, понесли скорби, болезни и труды.

Воля Божия, Промысл Божий простираются на все творение Божие. Промысл Божий существует над всякой тварью, созданной Богом и над каждым из нас. Воля Божия — это то, что Господь хочет. Но кроме Божией воли, есть Божие попущение — то, что Господь не хочет, но попускает. Все творения Божии либо совершают Божию волю, либо то, что бывает попущено Богом: не без воли Божией происходит все то, что происходит в этом мире.

Возникает вопрос: «В мире происходит много зла, существует много страданий, неужели и на это есть воля Божия?» Святитель Иоанн, митрополит Тобольский, отвечает, что Господь никогда не попускает такого зла, которое не имело бы добрых последствий, то есть только такое зло существует в мире, которое имеет добрые последствия. Если мы этого не видим, не замечаем и не принимаем, то только потому, что смотрим на мир своими глазами. Для падшего человека центр мира — его «я», и злом является то, что плохо для него; а что для него хорошо — то добро. Но мир существует вокруг Бога. Бог — центр Вселенной, и Господь лучше нас знает, что добро и что зло.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что даже дьявол — раб Божий, потому что он, хотя и не

добровольно, работает Богу. Он считает, что делает зло и тем вредит Богу и Его рабам, но он может сделать только то, на что есть воля Божия или попущение. Дьявол, таким образом, не самобытное существо. Он думал, что станет Богом и будет делать то, что хочет. Нет, это не так. Став дьяволом, он все равно остался Божиим рабом и работает Богу, исполняя только то, что Господь разрешает ему. Это видно из примера праведного Иова. Дьявол не сразу, следуя своей зависти, стал совершать козни против праведного Иова. Он пришел к Богу и стал жаловаться на Иова, говоря: «Ты не попускаешь твоим рабам зла, и они благоденствуют, потому что Ты им все даешь». И только тогда, когда Господь предал Иова в его руки, дьявол стал вымещать на нем всю свою злобу: лишил имущества, отнял родных, близких, детей, здоровье. Но праведный Иов продолжал исповедовать свою веру в Бога и верность Ему. История праведного Иова — это история посрамления дьявола и прославления Бога, история торжества веры. Дьявол хотел посрамить Божиего угодника, а посрамился сам. Примером праведного Иова вот уже несколько тысяч лет назидается человечество. Миллионы людей, читая эту историю, укрепляются в вере.

Среди людей есть Божии рабы — это те, кто добровольно совершают волю Божию, ищут ее во всех своих делах, исполняют заповеди Божии и получают за это награду. А есть также Божии творения, которые противятся Богу. К ним относятся слова Священного Писания: Не будите яко конь и меск, имже несть разума: броздами и уздою челюсти их востягнеши, не приближающихся к тебе (Пс. 31, 9). — Не будьте, как

конь, как лошак несмысленный, челюсти которых нужно обуздывать уздою и удилами, чтобы они покорялись тебе. Эти люди полагают, что они делают то, что хотят, но и они становятся участниками Божественного Промысла, совершая только то, что бывает попущено Богом. Такова премудрость Божия.

Мы с вами хотим исполнять волю Божию. Что для этого нужно? Прежде всего нужно узнать, в чем она заключается. Воля Божия открыта в Священном Писании, которое иначе называется Божественным Откровением. Воля Божия сокрыта в Божиих заповедях — если мы станем исполнять их, значит, мы будем исполнять волю Божию.

Сначала надо изучить Божии заповеди, а потом их необходимо исполнять. Исполнение заповедей научит нас добродетелям. Одна из самых высоких, прекрасных добродетелей называется смирением. Человек, имеющий эту добродетель, полностью покорен воле Божией и Его Промыслу, смысл своей жизни он видит в том, чтобы искать, изучать и исполнять волю Божию. Такой человек действительно смиренный раб Божий, и, куда ведет своего раба десница Господня, туда он и идет. Когда человек имеет совершенное смирение, он покорен Богу. Если Божественный Промысел поведет его на страдания и даже на смерть ради Христа, он идет, подражая Подвигоположнику Господу нашему, Который был *послушен даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. 2, 8).

Когда люди достигают такой высоты смирения, они становятся вместилищем благодати Божией, органами Духа Святаго — такими были святые апостолы Петр и Павел. Чем более совершенен человек в добродетели,

особенно же в смирении, тем более великие дела может совершить через него Господь, и тогда этот человек, как орудие Промысла Божия, посылается Богом на спасение других людей.

Великие подвиги он совершает с помощью Божией благодати, что мы видим и в житиях апостолов Петра и Павла. Когда апостол Петр проповедовал в Риме, он узнал, что язычники замышляют его убить. Убоявшись он решил на время выйти из Рима. На окраине города ему повстречался Спаситель, Который шел в Рим. Апостол спросил: «Господи, куда Ты идешь?» Господь отвечал: «Я иду второй раз распинаться». Тогда Петр устыдился, пал на колени, прося прощения. Он понял, что поступает неправильно, нарушает волю Божию и тут же вернулся в Рим, где вскоре был распят на кресте. Апостол Петр счел недостойным быть распятым так, как был распят Спаситель, и попросил распять его вниз головой, чтоб не тщеславиться тем, что он умирает так, как Господь. Такова была праведная кончина святого апостола Петра. Святой апостол Павел за проповедь Евангелия был усечен мечом. Не только своим словом, но и смертью эти святые люди прославили Господа.

Христиане, будем же подражать святым апостолам Петру и Павлу, будем подражать другим угодникам Божиим, будем жить так, чтобы целью и смыслом нашей жизни было исполнение единой на потребу воли Божией. Возблагодарим и прославим Господа за то, что Он даровал нам таких великих угодников — святых апостолов Петра и Павла. Возблагодарим и их самих, потому что ими христианство проповедано в мире. Благодаря им мы с вами родились в

христианской стране, приняли Крещение в православном храме, приходим сюда для молитвы и принятия Святых Христовых Тайн Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа, которые готовят для нас преемники святых апостолов Петра и Павла — иереи Божии. Аминь.

Для христианина смерти нет

Чудными песнопениями, равных которым не сыщешь ни в одном из произведений земных витий прославляет святая Церковь «В молитвах не усыпающую Богородицу и в предстательствах непреложное упование». Человеку трудно пребыть в верности Богу. Пречистая Дева Своим усердным служением обличает нашу леность и нерадение. Божественная любовь, милостиво покрывающая людские грехи, обличает грубость и жестокость наших сердец. Но нечистота наших мыслей, неправота деяний нисколько не умаляют заботы Той, Которая явилась чуждой всякой скверны. Оттого так любим русской душой праздник Успения: «много бо может моление Матернее, Владыку умилоствляющее».

— Батюшка, почему праздник Успения празднуется восемь дней?

— Любой большой, двенадесятый праздник в Православной Церкви празднуется несколько дней. Праздник Успения празднуется восемь дней, потому что число восемь обозначает собой полноту времен, жизнь будущего века. Число семь в православной мистике

означает земную жизнь, земные дела и, значит, еще неполно, несовершенно. Восьмой день — это уже первый день будущего века.

— *Посмотрим на икону настоящего праздника: на одре лежит Богородица, Ее окружают апостолы, в руках Спасителя — душа Его Пречистой Матери. Божия Мать умерла телом, но душа Ее у Бога. История праздника Успения не отражена в Евангелии, но тем не менее в памяти Церкви она сохраняется. Каково происхождение праздника?*

— История Церкви основывается не только на Священном Писании, но и на Святом Предании, причем Предание первично, потому что Христос Евангелие Сам не писал — писали Его ученики. В первые годы своего существования Церковь передавала свои учения устно, т. е. Господь учил Своих учеников, апостолы проповедовали Евангелие народам земли: так возникла Церковь. Только потом жизнь и учение Спасителя были изложены в Евангелиях.

Церковь имеет свою историю. Первые страницы этой истории описаны в книге Деяний Апостолов. Но Церковь — это живой организм, это реальная жизнь, поэтому ее история продолжается, Святое Предание дополняется, пишутся новые страницы. История праздника Успения отражена в писаниях Святых Отцов Церкви.

В православной литературе есть область, которая называется «святоотеческие писания», — это творения христианских писателей, причисленных Церковью к лику святых. Святые Отцы — это угодники Божии, прожившие святую жизнь и являющиеся

неложными свидетелями истины. Многие из первых Отцов были непосредственными учениками святых апостолов.

Ссылаясь на древних учителей Церкви, святой Дмитрий Ростовский, излагает историю праздника Успения Богородицы так.

После вознесения Иисуса Христа, Пресвятая Богородица жила на земле довольно продолжительное время: по свидетельству одних историков десять лет, других — двадцать два года. Апостол Иоанн заботился о Ней как сын. Живя в Иерусалиме, Матерь Божия любила посещать те места, где бывал Спаситель, и молиться там, страдая, что находится в разлуке со Своим возлюбленным Сыном. Она уединялась в Гефсимании и молилась, чтобы Господь взял Ее к Себе. Но Она была еще нужна здесь, на земле, потому что в Ее лице ученики находили любящую Мать — прибежище и утешение. Поэтому Господь медлил исполнить Ее прошение.

Но однажды во время молитвы Пресвятой Богородице явился Архангел Гавриил и принес Ей ветвь из райского сада, сказав, что скоро будет Ее успение. Эта весть не опечалила, а обрадовала Ее. Она рассказала об этом явлении нареченному сыну Своему Иоанну и стала готовиться к кончине. Прочих апостолов в то время не было в Иерусалиме: они разошлись по разным странам, чтобы проповедовать о Спасителе. Богоматерь желала проститься с ними, и Господь чудесным образом собрал всех апостолов к Ней, перенеся их Своею всемогущею силою. Не было среди них только апостола Фомы.

Опечалились они, когда узнали, для чего Господь собрал их: горестно им было лишаться Госпожи и общей Матери своей. Но Божия Матерь утешала их, обещая не оставлять их и всех христиан после Своей смерти, всегда молиться о них. Преподав апостолам, собравшимся к Ее смертному одру, множество поучений, Матерь Божия легла и заснула вечным сном. Ученики погребли пречистое тело Божией Матери в Гефсимании.

При погребении совершались чудеса и исцеления, множество народа следовало за пречистым телом. Как ни старались враги христианства, иудейские священники и начальники, разогнать святое шествие, Господь невидимо охранял его. Один иудейский священник, некто Афоний, устремился к одру, чтобы опрокинуть его, но как только руки коснулись гроба, невидимый Ангел отсек их. Афоний, пораженный таким чудом, тут же раскаялся, и был исцелен апостолом Петром.

Через три дня после погребения прибыл в Иерусалим и отсутствовавший по Божию Смотрению Фома. Он был очень опечален тем, что не попрощался с Божией Матерью, и всею душой желал поклониться Ее пречистому телу. Апостолы, жалея его, отвалили камень от могильной пещеры, но не нашли пресвятого тела — Господь взял его на небо. Пресвятая Богородица воскресла не только душой, но и телом, предва-рив всеобщее воскресение мертвых.

— Слово «успление» — это синоним слова «смерть», но носит оно какой-то особый оттенок. Умер горячо любимый апостолами и всеми христианами человек, но вместо скорби — радость и праздник. Как это совмещается?

— В слове «успение» выражается вера Церкви в то, что человек не умирает, а только засыпает в надежде пробуждения в вечную жизнь, в надежде воскресения. Поэтому для христианина смерти нет, — смерть это только переход в другую жизнь, жизнь будущего века. Поэтому Церковь празднует дни преставления святых как торжества. Наша земная жизнь когда-то кончится, она несовершенна и временна. Земная жизнь это только преддверие вечной, настоящей жизни, можно сказать что это школа жизни. Мы, христиане, живем на земле, надеждой воскресения, верой в то, что рано или поздно мы вступим в эту вечную полноту жизни. Тогда уже действительно можно будет радоваться и веселиться, а сейчас смерть святых людей, Успение Пресвятой Богородицы для нас еще одно свидетельство воскресения, еще один лучик из рая на нашу грешную землю.

— *Человеческому разуму, утратившему простоту мировосприятия, очень сложно постигнуть тайну воскресения, ведь никто оттуда не приходил, никто не принес живого свидетельства о воскресении.*

— Почему Вы так думаете? Я как священник могу засвидетельствовать много случаев явлений душ из загробного мира. Это не бред и галлюцинации, это действительные факты, и целые книги посвящены описаниям подобных событий. Как пример, могу привести рассказ семидесятидвухлетнего диакона о. Николая из Никополя, простого и смиренного служителя престола Божия. Он подвергся нападению бандитов и был ими фактически убит, но через шесть часов воскрес. Этот рассказ, передаваемый мной дословно, он поведал братии Оптиной пустыни в 1991 г. Это одно из свидетельств воскресения мертвых.

«В этот момент пролетела мысль: *Не умру, но жив буду и поведу дела Господня* (Пс. 117, 17). И если бы не было помощи Божией, то как бы я это все помнил!

Для моей смерти было бы достаточно и первых ударов ножом, но когда они закончили с ножом и я лежал, они еще ударили меня чем-то тяжелым. При этом ударе моя голова как бы угрузла в пол, и в этот момент из меня вышел дух. Душа моя сразу пошла во тьму. И такая эта тьма непроницаемая, что такой на земле нет. И мне казалось, что я лечу не часы и не дни, а годы — такой трепет души, — и не знаю, где остановлюсь.

Вдруг я пролетаю эту тьму, открылся свет. Но свет такой, что с нашим светом не сравнить ни в какое время дня. Свет как бы... мрачный. Можно различить какие-то предметы, но точно увидеть — нет, через этот мрак нельзя. Пока моя душа летела по тьме, то визг создавался неземной — с такой быстротой она летела. А когда уже пролетела эту тьму, то уже не с такой быстротой, а как бы какой-то невидимой силой поддерживалась, плавала, как орел, — вот мы видим, орел плавает и машет крыльями, летает, — и меня какая-то сила держала, так что я облетал эту бездну. И бездна — такая страшная, душа трепещет так, что объяснить невозможно! Как бы ожидается конец, а конца все нет. И мне, на мой грешный ум, показалось, что туда может поместиться вся вселенная и не наполнит бездну. Это — страшно... Как назвать это? Страшная такая бездна для грешников... И вот уже шли, как мне казалось, годы, и возврата оттуда, я думал, нет. Никаких мыслей не было, одно только — где остановится моя душа?

Вдруг показалась такая искорка, как от огня, маленькая-маленькая, и летит как бы навстречу моей душе, или духу, или как сказать... И как только эта искорка коснулась моей души — мигом у меня появилась молитовка: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного”. Три раза я проговорил полностью, а остальное время, сколько мне там пришлось быть, я только одно кричал: “Сыне Божий, помилуй мя, грешного!” И так кричал! Как ребенок взывает к родителям о помощи, так я взывал: “Сыне Божий, помилуй мя!” И при этих словах я стал как бы подниматься вверх. Для меня не было там известно, где верх, где низ, где широта, где высота, — но почувствовал духом, что я начал подниматься вверх. И когда я с этой молитвой достиг обратно своего тела, то со словами: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий” — как будто капельки вливались в мое тело. Но тело было, как льдина, настоящая льдина, никаких движений не было. Но понемножечку стал оживать, почувствовал, что дух уже внутри моего тела, хоть и было оно такое холодное, что ничем я не мог двинуть. Это оттого, что оно в течение шести часов уже заглодело, — такой мороз был, двери открыты, а я на пороге лежал».

— *Страх объемяет грешную душу, когда в суету жизни вторгается воспоминание о смерти. Вечная жизнь рано или поздно начнется для каждого из живущих сегодня на земле. Христианин, стяжавший память смертную, непрестанно пребывает в покаянии и вопиет к Богу о помиловании, искренне считая себя достойным вечного наказания. Но человек, лукавствующий перед Богом и ищущий оправданий*

своему злу, недоумевает: неужели Господь так жестоко серд, что позволил устройство ада?

— Смерть и ад не были созданы для людей. Ад был создан для диавола и последовавших ему бесов. Я думаю, что любой из нас, увидев преступника, который делает несправедливость, творит насилие над кем-то, будет внутренне негодовать и желать, чтобы этот преступник был наказан. Когда земное правосудие наказывает преступника, никто не считает, что это жестоко и немилосердно, так как оно ограждает от этого опасного человека других людей, которым он приносит страдание. Так же и ад был создан для диавола.

Преподобный Серафим Саровский говорит, что Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Все, связанное с Богом, наполнено радостью, но некоторые люди, отпав от Бога, лишились этой радости и совершенно извратили свою богосозданную природу. Старец Силуан говорит, что и во аде любовь Божия объемлет всех, но, будучи радостью и жизнью для любящих Бога, она мучительна для ненавидящих его. А прп. Исаак Сирин приводит такое сравнение: когда солнце светит, то людей здоровых оно радует и веселит, а людям с больными глазами оно приносит мучение и страдание. Так же Божия благодать: людей духовно здоровых, праведных, она будет радовать, а людей, духовно опустившихся, потерявших образ Божий в земной жизни, она будет мучить. Так что не Бог виноват, а люди виноваты в том, что любовь и радость, для которых был создан человек, мир, как Божий подарок человеку, они растеряли и погубили сами своими грехами.

— *Современный человек, не ведающий спасительной надежды на Бога, не привыкший к терпению скорбей, в трудных жизненных ситуациях почитает за лучшее избавление от них через самоубийство. Но есть ли какой-то рецепт, способ, как избежать этого адского, близкого к смерти, мучения на земле?*

— Господь оставил лекарство для больных душ — для душ, которые впали в болезнь греха. Лекарство это называется покаянием. Грехи, которые человек совершает один за одним, или тайные греховные мысли, которым человек предается, развивают в нем определенные черты характера, которые уже называются страстями. Человек, зараженный страстями, — это больной человек, так как страсти мучают его, и он уже здесь, на земле, находится в преддверии ада.

«Через страсти душа связана с демонами», — говорит свт. Игнатий Ставропольский. И мы должны здесь, на земле, разорвать эту мучительную страшную связь. Разрывается она покаянием, посредством Божией благодати тогда, когда человек обращается к Богу за помощью. Но, обратившись к Богу за помощью, человек сам должен усиленно исполнять евангельские заповеди и тогда придет Божия благодать и исцелит нас, и еще здесь, на земле, сделает нас жителями неба.

— *Батюшка, какой смертью хотели бы Вы сами умереть, при каких обстоятельствах?*

— Я, помню, читал в какой-то светской истории, как казнили какого-то заговорщика в древней Франции. Ему предложили выбрать вид смерти, и он выбрал следующий: он попросил чтобы его утопили в бочке с вином. Он там собирался напиться пьным и утонуть. Понимаете, кто какой жизнью жил, тот

такую смерть себе и выбирает. Я, как христианин, выбрал бы тот вид смерти, какой Господь мне Сам изволит послать, поскольку смысл моей жизни я вижу в том, чтобы покориться Богу, покориться во всех путях промыслу Божию, чтобы надо мной совершались судьбы Божии и Божия воля. Это для меня величайшее благо, величайшая радость. И смерть бы я предпочел принять такую, какую пошлет Господь, насколько бы она ни была тяжелой и мучительной. Если она будет таковой, значит, я заслужил ее по моим грехам, а если Господь благоволит как-то облегчить ее, подав терпение, подав Свою благодать, то буду благодарить Бога и благословлять Его. Самый лучший вид смерти — тот, который пошлет Господь.

Великая Суббота

И вот она пришла: Великая неделя;
трепещешь вновь, душа, ты совести суда —
мы измениться вновь нисколько не успели,
Господь же вместо нас, безгрешный, пострадал...

Нам Крест Его Честный — немое обличеное,
но нет в тебе, душа, очистительной слезы.
Сознав нечувствие, сознав ожесточенье,
послушаем Христов к раскаянью призыв.

Вот отстрадал Господь, почил, как лев, во гробе;
пред Плащаницей мир склонился в тишине.
Страдалец Всесвятый! Пока мой час не пробил,
любовью уязви навеки сердце мне.

Превысшая ума, Великая Суббота!
Благоухаешь ты, и ладан горьковат...
Из Гроба твоего Владычному исходу,
как я дерзну предстать, безмерно виноват?

А. Волжская

Духовная жизнь на приходе

Что объединяет приход?

*С*егодня наша беседа посвящена приходской жизни. Интересно было бы поговорить на эту тему с таким пастырем, который, будучи сам монашествующим, тем не менее хорошо знает приходскую жизнь. Мы обратились с вопросами к иером. Сергию, поскольку он является настоятелем большого московского храма.

— Батюшка, в Вашем храме совершаются службы по монастырскому уставу. С другой стороны, у Вас уже достаточно сложившийся, большой приход, сложившаяся приходская жизнь со своими традициями. Поэтому обращаемся к Вам с просьбой разъяснить ряд вопросов. Каков, с Вашей точки зрения, должен быть приход и какова его жизнь?

— Приход что-то должно объединять. Это должна быть общность людей, представляющая собой живой организм. Сейчас жизнь Церкви значительно изменилась именно в этом отношении.

Советская власть, зная силу общины, делала все, чтобы препятствовать созданию настоящих, подлинных общин. И если вокруг пастырей собирались духовные чада, то этих священников, как правило, высылали так далеко, что до них было трудно добраться. Правда, были некоторые исключения.

Например, в 70-е годы существовала община о. Димитрия Дудко. Я там бывал, и, кстати, отец Димитрий повлиял на мое мировоззрение, ведь я пришел туда в самом начале своего духовного пути, будучи еще семнадцатилетним юношей. То, что я там увидел, конечно, удивительно. Прежде всего, это была именно общность людей, они собрались вокруг своего пастыря, ими движет какая-то единая идея. Людям вообще свойственно жить в единстве, а то, что человек один, одинок — это следствие падения. Ведь в царствии небесном все будут вместе. И духовный человек, то есть желающий жить настоящей, подлинно духовной жизнью, как правило, ищет себе соратников, т. е. таких людей, вместе с которыми можно совершать спасение — вместе это гораздо легче и проще, — которые помогали бы ему спастись и с чем-то обращались бы к нему.

Церковь — это община, а не просто отдельные люди. Это люди, собранные вокруг пастыря, которые идут к единой цели — небесному царствию.

— *Отец Сергей, охарактеризуйте, пожалуйста, какова должна быть паства и каковы должны быть пастыри?*

— Паства прежде всего должна хотеть спастись. С другой стороны, паства должна быть в состоянии принять учение пастыря.

Ведь каждый должен понять, что спасение заключается в изменении самого себя. То есть исходить нужно из того, что мы люди грешные и должны себя переменить, насадить в себе добродетели, воспитать добрые качества. Для этого сначала нужно увидеть в себе греховные качества и победить их и исправить. И для этого человек приходит в Церковь, ищет себе духовного отца, общается с другими православными людьми.

Если же человек ставит перед собой другую цель, если считает, что он нечто имеет, что он духовно богатый, а не духовно нищий, если он ищет общение для того, чтобы раскрыть свои мнимые богатства, то это прелесть. Кстати, таких людей довольно много. Особенно это относится к интеллигенции, которая приходит в Церковь. Такие люди считают себя образованными, знающими, многое понявшими и пережившими. И вот они приходят делиться своим духовным опытом, но на самом деле это опыт не духовный, а в лучшем случае душевный. Такому человеку очень сложно спастись: сколько пройдет времени пока он поймет, что настрой его на самом деле неправилен, что в Церковь приходят не поучать, а, наоборот, получать. Пришедший в Церковь ищет духовного хлеба и алчет пития слова Божия. Когда же человек приходит поучать, то что хорошего может получиться?

Если говорить о пастыре, то опять-таки и он должен исходить из чувства своей греховности. Он хотя и учит — ибо это его обязанность, — но при этом тоже остается человеком, со своими немощами, недостатками, заблуждениями. Когда пастырь об этом помнит, то его учение будет растворено смирением, а это и

есть самое главное. Ведь он и свою паству будет учить смирению. Не так важны какие-то богословские тонкости и богатство знаний, а важен облик самого пастыря, его добродетели и, прежде всего, конечно, смирение и любовь к ближним.

— *Одной из главных сторон нашей духовной жизни является богослужение. Как Вы считаете, каково должно быть богослужение на приходе, какую роль оно играет и каков должен быть его порядок? Как Вы относитесь к практике сокращения богослужения? Многие православные миряне, тяготеющие к серьезной духовной жизни, считают, что богослужение должно быть полноценным, что оно имеет особое значение для мирян, которые остальную часть дня проводят в суете.*

— Богослужение должно объединять людей. При этом в храм люди приходят прежде всего молиться. Уже во вторую очередь они приходят к пастырю и в третью очередь — общаться между собой. Пусть не всегда это бывает так, многое, конечно, зависит от личности. Но, наверное, все со мной согласятся в том, что храм — это дом молитвы, и туда идут ради богослужения, ради того, чтобы обратиться к Богу с какими-то своими прошениями, нуждами, чтобы принести покаяние, принять Святые Тайны Христовы. Ибо храм — это еще и место совершения Святых Таинств, и в первую очередь главного Таинства христианства — Таинства Евхаристии. Но, опять-таки, Таинства неотделимы от молитвы, от богослужения.

Истинный христианин любит молиться, стремится к молитве. Еще преподобный Иоанн Лествичник сказал, что любовь человека к Богу познается из того,

что человек любит молиться, любит именно длительные молитвы. Когда человек тяготится молитвами, это, скорее всего, признак его пребывания в духовном младенчестве, в новоначалии, признак того, что он еще не открыл для себя богатства богообщения, не открыл радости обращения к Богу и не понял еще, что молитва — это всегда диалог, а не монолог человека. Диалог потому, что Господь отвечает. Когда человек это поймет, то всей душой, всем сердцем устремится в храм.

Многие люди отягощены обязанностями в миру, прежде всего семейными заботами, особенно когда в семье много детей. Это, конечно, достаточно значимо и важно. Но человек все-таки живет общением с Богом, живет молитвой, богослужением. Я монах, поэтому сразу скажу, что, конечно, не совсем понимаю семейную жизнь, она мне больше известна по исповеди людей. На исповедь, как вы понимаете, люди приходят рассказывать свои горести, свои беды, обиды, и поэтому я, может быть, воспринимаю семейную жизнь немного с другой стороны.

Есть, конечно, в семейной жизни и свои радости. Очень приятно и радостно видеть православную семью: супруг, супруга, детишки. Они все приходят на исповедь, причащаются, и *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их* (Мф. 18, 20). То есть, если семья христианская, венчанная, если люди действительно имеют единую задачу — спасти свою душу, идти к Богу, то, конечно, там присутствует Христос, и такая семья заключает в себе свою радость и свою ценность. Но все-таки богослужение тоже должно занимать свое место в жизни человека. Семья и

забота о ней не должны подменять службу Божию. Я думаю, что настоящий, подлинный христианин это понимает.

А относительно того, насколько богослужение должно быть полноценным, думаю, что если оно сокращено, в этом есть некоторая вина пастыря. Считается, что людям тяжело, некогда. Но насколько я могу судить по своему общению с людьми, то, во-первых, они стремятся ходить в храмы, где богослужение совершается неспешно и благоговейно. А что касается продолжительности богослужения, то мне кажется, люди, которые куда-то спешат, на работу или домой, могут просто уйти. Например, есть такая практика — уходить после полиелея и помазания. Я вполне могу это понять, потому что людей ждут дети, ждут дела. Но ведь не всех. У некоторых, наоборот, есть потребность помолиться, излить свою душу Богу.

Порой может возникнуть такое чувство — чувство неудовлетворенности богослужением, особенно когда служба коротенькая. Мне это знакомо. Приходишь на службу, только-только душа разогрелась в молитве к Богу — и служба кончается. Как бы подразумевается, что человек, начав молиться в храме, потом сможет продолжить свою молитву самостоятельно. Но это не совсем так: человек выходит из храма, погружается в суету большого города, едет на транспорте, и, конечно, молитва прекращается.

— *Отец Сергей, многим мирянам нравится читать труды святителя Игнатия (Брянчанинова) и других Святых Отцов. Но это книги прежде всего аскетические. Как их применить мирянину?*

— Надо заметить, что святитель Игнатий (Брянчанинов) в предисловии к первому тому своих «Аскетических опытов» — а на мой взгляд, это предисловие ко всем его творениям — пишет, что эту книгу он адресует отнюдь не монашествующим, он адресует ее мирянам, людям, которые, живя в миру, хотят проводить глубокую, серьезную духовную жизнь. А кроме того, тем, которые хотели бы поступить в монастырь, и, может быть, даже поступили, но еще не дали монашеских обетов и пребывают еще послушниками. Ведь послушник — это, собственно говоря, еще мирянин, он может и выйти из монастыря.

В «Аскетических опытах», и в первом, и во втором томе, святитель Игнатий излагает такие духовные закономерности, которые в общем-то одинаково важны и для монашествующих, и для мирян. Законы духовной жизни одни и те же. «Лествица», написанная прп. Иоанном Лествичником, одна — и для мирянина, и для монаха. Конечно, монах, может быть, взойдет по этой лестнице немножечко повыше.

Прежде чем взойти на последующую ступеньку, нужно встать на предыдущую. Эта лествица духовной жизни подобна пирамиде. Человек поднимается выше и выше, но он не просто прошел одну ступеньку и идет дальше: по мере его восхождения, основание пирамиды расширяется, человек умножает предшествовавшие добродетели. Другими словами, он все равно продолжает трудиться и в этой добродетели. Если в человеке есть добродетель, она не может стоять на месте. По этому принципу построена вся духовная литература, такова вся духовная жизнь.

Я считаю, что с творениями святителя Игнатия можно и нужно ознакомиться вообще всем православным христианам. Мирянам я бы советовал прежде всего читать первый и четвертый — аскетические проповеди, которые он произносил, будучи на епископской кафедре, а также и третий том. Все, что там написано, — не какие-то отвлеченные знания, но то, что знать необходимо. Второй том посвящен в основном молитве. Если человек действительно серьезно хочет научиться молитве, и в миру, и в монастыре, то он должен, как говорил игумен Никон (Воробьев), изучать делание молитвы, да и вообще современное христианство, по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова).

И даже пятый том, хотя он и называется «Приношение современному монашеству», я тоже очень бы рекомендовал прочитать любому православному мирянину. Ведь то, что там написано о духовной жизни, о молитве, о послушании, о поиске воли Божией, — очень актуально для любого православного человека.

Хочу заметить: того, что пишет епископ Игнатий, в общем-то не пишет никто. Причина — в том, что вопросы, которые он поднимает, раньше просто не возникали. В мире не было таких проблем. Каждое время порождает свои духовные проблемы. Но эти проблемы умножаются, и времена последующие как бы впитывают в себя проблемы времен предыдущих и еще порождают свои. Поэтому я неоднократно повторяю слова преподобного Варсонофия Оптинского: «Кто в наши дни не читает епископа Игнатия, тот не может понять современное монашество, его дух и направление».

Настоятельство и духовничество

Очень важную часть приходской жизни составляет общение с пастырем. Но на небольших приходах часто бывает так, что пастырь один, он же настоятель. Всегда ли настоятель может быть одновременно духовником?

— Я думаю, что это не обязательно. Настоятель — прежде всего священник, а первая обязанность священника — это совершение богослужения, совершение Таинств, Евхаристии прежде всего. Наверное, следующая обязанность пастыря — это проповедь слова Божия, и, в первую очередь, с амвона. Современная жизнь дает пастырю достаточно много возможностей проповедовать: и на радио, и на телевидении, и в газетах, проводить какие-то беседы в школах, в клубах, выступать перед народом, только лениться не надо. Если пастырь деятельный, он найдет способ обратиться к пастве, — и не только к тем людям, которые посещают его храм, но и к тем, которые только потенциально являются его паствой, которые интересуются христианством, учением Церкви, но еще не переступили порог храма. Это тоже очень важная задача пастыря.

Затем, конечно, если священник — настоятель, то он администратор, и у него всегда много хозяйственных, финансовых проблем. Как настоятелю, мне они хорошо знакомы. Кстати, когда я еще служил в храме Живоначальной Троицы в Останкино и встал вопрос

о моем переходе настоятелем на тот приход, где я служу сейчас, то отец Феофилакт, настоятель Останкинского храма, сказал мне: «Отец Сергей, ты не знаешь, чего ты хочешь, не знаешь, насколько тяжело быть настоятелем. Вот попомнишь мое слово». Я понимал, что будет тяжело, но когда стал настоятелем, увидел, что даже не представлял, насколько будет тяжело: столько проблем — финансовых, материальных...

Когда я вышел из троллейбуса, и первый раз посмотрел на тот храм, который мне предстоит восстанавливать — и у меня буквально подкосились ноги. Думаю: «Господи, где же я возьму средства, где же возьму людей, которые мне помогут!» Огромный храм! Первые пять дней я просто не спал. Я волновался, расстраивался, думал: «Как же все это будет», как мог молился. Но потом, постепенно увидел помощь Божию и уже стал как-то больше полагаться на Бога, и с Божией помощью как-то все устроилось, наш храм сейчас потихонечку возрождается из руин.

Но в целом у настоятеля очень много забот! Просто нет свободного времени. Очень хорошо, конечно, когда есть люди, на которых можно положиться: и староста, и просто деятельные прихожане. Помогут найти средства, просто что-то сделать, найти рабочих.

Рабочие, кстати, тоже очень большая проблема и забота настоятеля. Например, в наш храм мы берем только верующих рабочих. Может быть, они не очень церковные, но всетаки уважительно относятся к вере. И надо сказать, отдавая должное нашим рабочим, они работают не только из-за денег, а именно из уважения к храму, к Церкви. У нас никогда ничего не пропадает.

Конечно, духовничество — это особое послушание, особая забота. И особая благодать должна быть. Я

— Иногда бывает, что, прихожанин имеет некоторые запросы, не совсем разумные. Начитается человек книжек о святых старцах, и ему хочется в своем приходском священнике видеть старца. А это неправильно. Да, есть действительно святые люди. У них своя задача, вполне определенная. А есть просто священники — честные приходские пастыри, которые выполняют свой долг, бескорыстно, именно ради Христа трудятся. Может быть, он и не святой, и не прозорливый, но, однако, это порядочный, настоящий пастырь.

Думаю, что надо постараться войти в общение: начать что-то спрашивать, беседовать, задавать вопросы, исполнять советы пастыря. Ведь как появляется вера к пастырю? Человек спрашивает, пастырь дает советы. Человек начинает эти советы исполнять, видит, что бывает какой-то плод от этого совета, — значит, совет был дан правильный. И когда этих плодов уже много, то, естественно, к пастырю возникает вера, особенно когда в пастыре есть добродетели и можно видеть его поступки. Если пастырь не очень достойный, на приходе — где все обо всех знают, — это очень быстро узнается. Если же пастырь достойный, то его поступки тоже становятся всем известными, потому что *не может укрыться город, стоящий наверху горы* (Мф. 5, 14).

Но очень часто, я думаю, в том, что человек не имеет достаточной веры к пастырю, — вина его самого. Ну, хорошо, может быть, действительно не все пастыри достойны. Но ситуация такова, что пока пастырь канонически не запрещен, все Таинства, которые он совершает, канонически верны, в этот храм

можно ходить. Может быть, этот пастырь — хороший администратор. Возможно, действительно, ему не хватает опыта как духовнику. Особенно сейчас, когда рукополагают молодых священников, совсем еще юношей, только что кончивших семинарию. Конечно, пятидесятилетним, шестидесятилетним, убеленным седидами старушкам трудно идти к священнику, которому двадцать пять лет, — я вполне могу эти трудности понять. Тогда можно поискать кого-то другого, съездить в другой приход. Все-таки сейчас храмы как-то встают из руин. Кроме того, очень многие имеют духовников в монастырях. Сейчас в России есть, наверное, уже пятьсот монастырей. При желании можно поехать в разные места, можно с духовником переписываться.

В общем, *всякий ищущий находит* (Мф. 7, 8). Я думаю, найти настоящего, подлинного духовника настолько ценно, что для этого нужно понести какие-то труды: куда-то поехать, куда-то пойти. Не обязательно ограничиваться жизнью только одного прихода. *Всякий ищущий находит*. Конечно, нужно молиться о том, чтобы Господь послал духовника. Как браки на небесах заключаются, так и духовные союзы, заключаются на небесах. Может быть, не сразу Господь пошлет пастыря, но каждый человек, который действительно ищет пастыря и действительно будет его слушаться, обязательно его найдет.

— *Отец Сергей, все мы знаем, что в современном мире духовность в целом умалается, а немощь — телесная, духовная и душевная — возрастает. Какова роль духовника в современной духовной жизни? Какова должна быть мера послушания чада своему духовнику?*

— Роль духовника всегда была в том, чтобы воспитывать свою паству. Ведь одно дело, когда священник говорит проповедь с амвона, знакомит с учением Церкви своих прихожан, а другое дело — духовник, который больше личной беседой влияет, молитвами, может быть. О молитвенном делании духовника, о том насколько оно трудно и насколько действенно, — наверное, никто не знает, кроме самого духовника. Вот такое общение с духовником, конечно, очень помогает духовному росту.

И прежде всего, конечно, духовник должен показывать пример пастве, то есть должен сам воспитать в себе добродетели. И он должен правильно понимать учение о духовной жизни — для того, чтобы действительно его объяснить.

Нашему времени многое не дано: не даны великие подвиги, не даны духоносные старцы. Святые всегда были, есть и будут, но, как говорит один из Отцов древности, в последние дни святые скроют себя от мира. То есть в наше время почти невозможно увидеть святых людей. Иногда мы можем о них слышать. Видеть их — это, конечно, великая милость Божия. Но вот подвиг послушания в Церкви остается, потому что на нем строится вся духовная жизнь.

И если человек действительно хочет жить подлинной духовной жизнью, то рано или поздно он начинает понимать, что ему нужен духовный наставник, духовник, пастырь. И он начинает искать этого пастыря. Такое понимание обычно приходит, когда человек читает духовные книги, особенно книги о послушании, написанные Святыми Отцами, книги о Святых Отцах, патерики. Постепенно человек начинает понимать,

что он духовно немощен, что его знания скудны, недостаточны, поэтому нужно найти кого-то, кому этот подвиг более знаком, кто больше знает, более опытен, кто может от чего-то предостеречь. И начинает искать себе духовника и с Божией помощью находит.

Но я не думаю, что человек сразу найдет себе духовника. Поиск духовного отца — это серьезный труд, и на этот благословенный труд есть Божия воля. Мы знаем, что наш отец по плоти должен быть нами уважаем, любим и чтим, согласно заповеди Божией: *чти отца своего и мать свою* (Мк. 7, 10), — но у этой заповеди есть и переносное значение: чти Матерь Церковь и чти отца своего духовного. Я думаю, что его нужно почитать еще больше, чем отца по плоти, поскольку тот родил нас в эту временную жизнь, а духовный отец рождает словом, молитвой и святым примером в жизнь вечную.

И поэтому, конечно, подвиг послушания останется всегда, до самых последних времен. И как бы ни оскудевала духовная жизнь, однако будут достойные пастыри — Господь всегда сохранит их.

— Батюшка, а если человек еще не понимает сути послушания? Если он только задумывается о поисках для себя духовного руководителя, но пока еще — по некоторому своему невежеству — видит в отношениях между духовником и чадом только систему неких запретов и разрешений? Для него это представляется очень сложной и скучной системой, и из-за этого он даже не решается встать на путь послушания. В чем заблуждение такого человека и что ему можно посоветовать?

— Это, конечно, взгляд неопита, человека, который не знает ни духовной литературы, ни духовной жизни, а главное — он просто не видел примеров действительно подлинной духовности. Это неправильное представление. Духовничество состоит не только из каких-то запретов или разрешений. Нет, здесь все значительно глубже. Духовный отец — это не просто человек, который что-то запрещает, а что-то разрешает. Духовник — это действительно пастырь, это друг, и прежде всего — духовный друг. Как Господь сказал: *у вас один Отец и один Учитель, а все вы братья* (Мф. 23, 8–9).

Духовника любят, почитают, уважают, заботятся о нем, стараются оградить от каких-то неприятностей. С духовником человека связывают неформальные отношения. Ибо это такой человек, который явно «духовнее» нас, явно превосходит нас по своим добродетелям, по своим духовным знаниям. И, конечно, к нему возникает такое отношение, которое можно назвать отношением «по образу и подобию». Другими словами, наши отношения с духовником имеют образ и подобие отношения нашего к Господу Иисусу Христу. Преподобный Иоанн Лествичник пишет, что так и должно быть, что подлинный подвиг послушания — это когда человек живет Богом и своим наставником. Для нашего времени, конечно, нужно добавить, что человек еще должен читать книги Святых Отцов Православной Церкви, творения отеческие о духовной, аскетической жизни, о послушании, о молитвенном делании.

Собственно, духовник сейчас — это, наверное, духовный друг, старший друг, старший брат. Общение с

духовным отцом, очень обогащает человека, потому что через поведение духовника, через общение с ним открываются такие вещи, которых человек просто никогда не прочитает. Ведь книги — это книги.

Как мне в свое время сказал один священник, мой хороший друг, книги — это слово неживое, мертвое, а вот слово пастыря, да еще подкрепленное примером, — это слово живое, слово как бы воплотившееся уже. Оно производит совсем другое действие. Поэтому-то так долго помнятся беседы с достойными пастырями. Книги мы прочитали — и забыли. Какие-то отдельные мысли запали, мы их помним, причем лишь в течение какого времени. А вот беседы с пастырями помнятся десятки лет. Так и должно быть.

— Святитель Игнатий (Брянчанинов) еще в XIX веке писал о том, что в его время, следовательно, тем более и в наше время, невозможно полное, безусловное подчинение своему духовному наставнику. По его словам, этому подвигу мы можем только подражать, только стараться жить в духе послушания древних Отцов, но ни в коем случае мы не можем полностью воспроизвести те формы послушания, какие были в древние времена. Но в то же время сам святитель Игнатий очень много пишет о необходимости, о важности святого подвига послушания.

А в последнее время вышел ряд книг, в частности, книга писем замечательного духовного писателя, практически нашего современника, игумена Никона (Воробьева) «Нам оставлено покаяние...» Кроме того, современный читатель недавно узнал также и о таком подвижнике, исповеднике Православия, как архимандрит Игнатий (Лебедев). Оба этих

подвижника очень большое внимание уделяли книгам святителя Игнатия (Брянчанинова), вообще книгам Святых Отцов и, в частности, подвигу послушания. Они воспитывали своих духовных чад именно на этих принципах.

Мы видим, что подвиг послушания необходим, но в то же время безусловное послушание невозможно. В связи с этим возникает такой вопрос: как же все-таки христианин может определить эту грань, эту меру? Как не впасть в преслушание?

— Прежде всего, конечно, настоящий подвиг послушания должен быть изучен теоретически по книгам Святых Отцов: как Святые Отцы древности понимали послушание? Как понимали послушание вообще Святые Отцы, святитель Игнатий в частности? Очень много помогает в этом V том его творений, который обращен к монашествующим, но, как я уже сказал, очень полезен и любому мирянину.

Чтобы правильнее проходить путь послушания, нужно это знать. Затем, конечно, послушание познается из дел, как Евангелие читается жизнью, Святые Отцы читаются жизнью. Учение Церкви, учение о духовной жизни читается жизнью. То есть мало просто читать и беседовать — нужно исполнять заповеди.

Я думаю, что начинать нужно, с послушания безусловного. Конечно, наши пастыри — это не святые пастыри древности. Но для того, чтобы не слушаться, нужно иметь основания. Нужно быть точно убежденным в том, что нужно делать не совсем так, как говорит нам пастырь. Если мы будем поступать так, как нам внушают наши мысли, это будет своеволие, самочиние. И в этом случае мы никогда не узнаем, что такое послушание.

Если же мы будем слушаться нашего пастыря во всем, то со временем сможем увидеть, где слушаться его было бы не совсем правильно. Но главное — учение пастыря нужно поверять отеческими писаниями, как говорит святитель Игнатий (Брянчанинов). И там, где пастырь учит согласно Святым Отцам, там нужно слушаться. А в ином случае нужно разобраться: он ли так учит или мы просто чего-то недопонимаем? Потому что есть буква и есть дух. Настоящие пастыри живут по духу и учат по духу. Следовать букве не всегда уместно, а дух, — именно он и приводит в конечном итоге к Святому Духу, к исполнению учения Святых Отцов по духу.

А что касается грани, о которой Вы говорили, то здесь, я думаю, дело в вере: насколько мы доверяем нашему пастырю. Конечно, все должно быть естественно. Невозможно верить насильно, невозможно любить насильно, невозможно себя принудить слушаться насильно. Есть какая-то грань. Если пастырь имеет добродетели, если пастырь имеет духовный опыт, если слово его растворено солью мудрости, если мы видим плоды его пастырской деятельности, то вера наша к нему возрастает.

Но лучше всего дерево познается, конечно, по плодам, то есть если пастырь действительно духовен, то духовны и его чада. Может быть, не все, но, по крайней мере, какое-то ближайшее окружение. Если в нем есть люди, которые имеют добродетели, то, конечно, можно по этим духовным чадам судить и о самом пастыре. И если мы попали в такой приход, в такую общину, где действительно духовный пастырь и чада его духовные, отношения между ними духовные, если

люди действительно знают, о чем говорят, если их поступки — это очень красивые поступки добродетели, то, конечно, это вызывает доверие к пастырю. Слово его воспринимается уже совсем по-другому.

А теперь по поводу того, что слушаться нужно не во всем. Святитель Игнатий говорит, что нужно иметь рассуждение: нашему времени не дано непосредственное, беспрекословное послушание духоносному старцу, поскольку нет духоносных старцев. С другой стороны, как замечает святитель, в древности одинакового удивления были достойны как старцы, так и послушники: не только старцы были святые, но и послушники были святые. А мы не святые, мы грешные. И пастыри наши тоже не всегда на такой высоте добродетели стоят, как хотелось бы нам. Мы живем в такие времена, в таких условиях. Слава Богу, что нам хоть что-то дано, что мы не отринуты.

Святитель Игнатий говорит, что нашему времени дано жителство при руководстве отеческими писаниями, при совете единокровного брата. То есть современный пастырь — это единокровный брат. Это некий духовный друг. И, по словам отца Никона (Воробьева), главная задача современного духовника — помочь своему духовному чаду найти волю Божию в каждом конкретном случае, представить ему отрывки из Священного Писания и отеческих творений, подобрать место, соответствующее данному конкретному случаю. Если это достигается, если точно бывает найден такой совет Святых Отцов, то этого вполне достаточно для современного пастыря. Поэтому, конечно, ему необходимо знание Святых Отцов.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) также обращает внимание и на следующее: современное духовное руководство отличается от руководства древних тем, что в древности старцы прямо возвещали Божию волю, ибо носили Бога в себе. А современный духовник ищет волю Божию вместе со своим духовным чадом, ищет кропотливо, с трудностями, возможно, с какими-то ошибками. *А всякий ищущий находит* (Мф. 7, 8).

Поэтому в наши дни вступающий на путь послушания должен понимать, что безоблачным этот путь не будет, что вообще путь духовной жизни узок и тернист, а путь послушания еще более узок, еще более тернист. Но это самый короткий путь ко спасению. Ведь если даже пастырь сделает какие-то ошибки, он нас от чего-то и предостережет и сумеет нам сообщить правильные сведения. Тем не менее, повторю, нужно понимать, что современная жизнь такова, что без ошибок невозможно. И не только без наших ошибок, но и без ошибок наших пастырей.

А за ошибками, конечно, последуют скорби. И на это нужно мужественно решиться. И за это решение, за эту веру Господь очень многое нам даст. Главное — не осуждать, не отталкивать наших пастырей, сразу не судить, не рядить, не возмущаться: «вот он такой-сякой, я к нему со всей душой, а он...» Все мы ошибаемся. *Кто без греха, первый брось в нее камень* (Ин. 8, 7), — сказал Господь. Поэтому пастыря надо чтить и уважать. Как говорит святитель Игнатий, целуй двери кельи того, кто согласился быть твоим наставником по Богу. Это очень тяжелый труд, это очень тяжелый крест, поверьте мне, пожалуйста. Ведь

каждое духовное чадо — это крест для пастыря, и ничто другое.

— *Отец Сергей, а зависит ли от нашего произволения степень доверия к пастырю? Вы сказали, что нельзя любить насильно и доверять насильно, но в то же время такая вера — это добродетель.*

— Думаю, что, зависит, и в достаточно большой степени. Пастыря можно просто слушать, беседовать с ним, вместе пить чай, ходить в гости. А можно действительно его слушаться, то есть его советы воспринимать как заповеди, стараться их исполнить. Если что-то непонятно, следует уточнить, спросить. Если в чем-то не имеем доверия, — сказать: «Батюшка, простите, но мне кажется, что в данном случае этот совет не совсем подходит». Это нормально. И никакой пастырь на это не обидится. Потому что нужно приходиться к единому знаменателю.

Нужно иметь веру, чтобы что-то делать. А чтобы иметь веру, нужно иметь знание и понимание, нужно выяснять, почему пастырь дал то или иное благословение, а не просто слепо слушаться.

Настоящее послушание не является самоцелью. От послушания рождается рассуждение, как говорит преподобный Иоанн Лествичник. Рассуждение же он понимает как знание Божией воли. Так из послушания пастырю рождается знание Божией воли, рождается духовный опыт.

И поэтому дело ученика, дело послушника, дело духовного чада — слушаться. Не просто мимо ушей пропускать советы или в чем-то слушаться, а в чем-то нет, но стараться слушаться во всем. Чтобы не слушаться, нужно иметь достаточно веские основания.

Если будем слушаться, тогда будет и доверие к пастырю, потому что увидим плоды послушания.

— *Получается, что доверие является плодом некоего делания. В то же время для делания нужно какое-то начальное доверие?*

— Это начальное доверие, наверное, бывает от Бога. Сначала у человека созревает желание иметь духовника. При этом Богом вкладывается и понимание того, насколько это нужно и для чего это нужно. Потом человек, естественно, начинает искать: в один храм пойдет на исповедь, затем, где-то услышав или прочитав про какого-то батюшку, съездит, поисповедается, побеседует. Потом Господь как-то расположит его сердце к какому-то духовнику. Одна женщина рассказывала, как она поехала вместе со своей подругой к одному известному духовнику. Ехали они, ехали, и вдруг по дороге эта женщина остановилась и говорит: «Знаешь, я очень не хочу туда ехать. Я слышала еще про одного батюшку и как бы обещала побывать у него, и у меня возникло желание — взять и поехать к нему». И она вышла из троллейбуса и поехала в храм, где служил батюшка, о котором она много слышала. И с тех пор уже несколько лет является его духовным чадом. Вот такие случаи бывают.

Господь приводит, Господь открывает. Господь как бы дает некую предваряющую, изначальную благодать, но потом человек должен ее отработать: должен и вопросы задавать, и ответы слушать, и заповеди исполнять. Тогда действительно начнется духовный рост — чудо послушания, чудо смирения. Потому что, конечно, самое главное, чему должен научить пастырь свое чадо — это наука смирения, самая необходимая наука для спасения.

— Но если возникает просто чувство доверия, то, наверное, действительно пастыря нужно как-то испытать или, по крайней мере, познакомиться с ним поближе?

— Преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Не семь, а семьдесят раз испытай пастыря, чтобы тебе не попасть вместо врача к больному, вместо кормчего — к простому гребцу. Необходимо спросить пастыря, что он думает о каком-либо предмете, испытать, насколько его учение соответствует отеческим писаниям, насколько его взгляды созвучны, близки вам по духу, насколько он поймет вас, ваши стремления. Здесь недостаточно, наверное, ограничиться, одной беседой, а может быть, нужно несколько бесед.

Причем я не стал бы сразу проситься в духовные чада, даже если бы все меня устроило. Я бы походил к нему в течение какого-то времени, нескольких недель, а может быть, даже нескольких месяцев. И уже тогда, когда начали бы складываться добрые отеческие отношения, когда я увидел бы конкретный плод, то есть когда со мной начали бы происходить изменения в лучшую сторону, тогда бы, наверное, я попросил взять меня в духовные чада и помолиться обо мне, не забывая меня.

Господь дает такую благодать — приводит человека к духовнику, а дальше следует уже труд самого человека. И труд пастыря прежде всего, и, конечно, труд послушника. Этот взаимный труд, с помощью Божией благодати способствует росту и пастыря, как руководителя, и духовного чада, как послушника. И они вместе идут к Богу.

— *А что делать, если человек в целом доверяет своему духовнику, но периодически получает какие-то благословения, которые ему кажутся данными не по Богу. Насколько серьезными должны быть ошибки пастыря, чтобы от него отойти? И что делать в случае получения благословений, которые, может быть, расходятся со св. Отцами?*

— Понимаете, святые все находятся на небесах. Здесь, на земле, — грешные люди, одни более грешные, другие менее грешные. Главное, чтобы была Божия воля на это общение. Божия воля священнику заниматься именно пастырством, духовничеством. Если такое Божие благословение есть, то хотя священник и допускает какие-то небольшие ошибки, но в целом все равно будет польза для спасения души.

Ну, а вообще, как говорит прп. Иоанн Лествичник, если ты видишь в своем пастыре какие-то немощи, постарайся об этом забыть, постарайся вспомнить его добрые стороны. И прогневаться может пастырь, и какую-то ошибку допустить, что-то не так сказать.

Все мы согрешаем, все мы человеки. И согрешают пастыри, и каются пастыри, и прощения просят у своих духовных чад. Все мы братья. И пастырь имеет право на ошибку.

Мы должны предоставить нашему пастырю право на ошибку. Иначе мы будем такими духовными чадами, которые требуют от своего пастыря, чтобы он был святым, именно таким, каким они себе его представляют. Но мне кажется, это неправильно. Если мы согрешаем, ошибаемся, то и пастырь наш может ошибиться. Главное ведь, как говорит прп. Иоанн Лествичник, помнить: мы не будем осуждены за то, что грешили, мы будем осуждены за то, что не каялись.

Если пастырь стремится к Богу, если главное для него — это спасение души, духовная жизнь, духовная жизнь его духовных чад, то думаю, что это общение всегда будет по Богу и принесет пользу.

— *Святитель Феофан Затворник пишет: признаком духовного человека является то, что он интересно говорит о Боге. Кроме того, духовные писатели указывают такой признак хорошего духовного руководителя, даже старца: нестандартность его ответов, т. е. когда духовник мыслит не штампами, которые он вычитал в книгах, а к каждой ситуации, с которой к нему приходят люди, подходит индивидуально, поскольку жизнь, конечно же, не вписывается ни в какие рамки. Могут ли такие нестандартные ответы быть также признаком воли Божией на то, чтобы общаться с каким-то духовником, не обязательно старцем?*

— Ответу от противного. Если мы ходим к пастырю и не получаем того, что жаждет наша душа, не слышим мудрого слова, а советы его какие-то чересчур штампованные, — мы это слышали и читали много раз, — слишком общие, абстрактные, лишены индивидуального подхода и не производят своего действия, реально не меняют нашу жизнь к лучшему, то, наверное, не стоит к нему ходить. Я ходил бы в такой храм на исповедь, а для духовного руководства искал бы человека, который все-таки больше меня понял бы, который больше вник бы в мои обстоятельства, в какие-то мои греховные немощи и недуги.

Думаю, что некоторая нестандартность, неожиданность ответов, действительно свидетельствует о том, что пастырь от Бога. Бывает, правда, стремление к

некой оригинальности. У политиков есть такое понятие как «популизм». Например, существует даже такая профессия — имиджмейкер. Имиджмейкер должен специально научить какого-то политика иметь свой имидж, привлекательность среди народных масс. Некоторые пастыри, увлекающиеся «популизмом», пытаются как-то оригинальничать, начинают употреблять какой-нибудь жаргон, показывать знания в каких-либо областях науки, техники и искусства, — это все-таки немножечко другое. Конечно, пастырь должен быть эрудированным человеком, но прежде всего он должен оставаться пастырем, священником, христианином. И в тот момент, когда человек приходит к нему с вопросами, пастырь должен жить жизнью этого человека, поставить себя на его место, должен отвечать за каждое свое слово, понимая, что если ты дашь совет, то этот совет должен быть таким, чтобы человек хотя бы не пострадал. Принцип «не навреди», который есть в медицине, еще более важен в жизни пастыря.

Отличия прихода и монастыря

Наверное, самое лучшее свое выражение подвиг послушания получает или, по крайней мере, должен получать в монашестве. Батюшка, не могли бы Вы охарактеризовать, что есть духовная жизнь в миру и в монашестве? Каковы особенности каждого из этих путей ко спасению и их общие стороны?

— Это очень серьезный вопрос, поскольку монашество — это совершенная духовная жизнь, по крайней мере, стремление к духовному совершенству. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что есть путь спасения и путь духовного совершенства. И тот, кто хочет достигнуть духовного совершенства, избирает путь жизни монашеский. Надо сказать, что он не сам, не самопроизвольно избирает его — мало ли кто из нас чего хочет. На это еще должна быть и Божия воля, Божие благословение.

Многие, может быть, хотели бы стать монашествующими. Я как священник, сталкиваюсь с такими случаями. Вот, например, молодые люди, супруги начинают ходить в храм. Через несколько месяцев они вдруг подходят и говорят: «Батюшка, благословите, мы будем жить как брат с сестрой, и вообще мы в монастырь хотим поступить». Таких случаев очень много. Я начинаю их удерживать: «Подождите немножко, несколько лет хоть в храм походите, а там уже вам Господь покажет». Проходит время и, как правило, они начинают понимать, что все эти их «благие» побуждения — это была ревность не по разуму. Дал Господь крест супружеской жизни — вот его и нужно нести, рождать и воспитывать детей, трудиться на благо ближних. И, действительно, такова Божия воля.

Очень немногим есть Божия воля вступать на путь жизни монашеский. На этом пути очень много трудностей. Причем, таких трудностей, которых мир и не понимает. И человек, избирающий путь жизни в монашестве, еще будучи мирянином, даже будучи послушником, не понимает этих трудностей и скорбей.

Ведь не будет монах рассказывать всем подряд о своих скорбях. Даже Святые Отцы, как можно заметить, читая их творения, обходят этот вопрос. Они предупреждают о том, что человека на этом пути ждут очень большие скорби. У прп. Иоанна Лествичника написано: если бы люди знали, какие скорби ждут монахов, никто бы не стал монахом. Но он же говорит, что если бы люди знали, какие радости потом ждут монахов в царствии небесном, то все бы стали монахами. То есть, сейчас, здесь, в земной жизни мы испытываем скорби, а до радости еще надо дожить. Еще нужно пройти этот путь достойно, не сломаться, не упасть.

Как монах и в прошлом насельник монастыря, я видел людей, которые вступили в монастырь, даже приняли постриг, а потом не понесли монашеских обетов. Это трагедия, личная трагедия человека, когда его благие пожелания рушатся, особенно когда он уже дал Богу монашеские обеты, а потом не выдержал. Это очень тяжело. Ведь ему уже нельзя свернуть на другой путь, а можно только принести покаяние и опять вернуться на прежний путь. Прежде чем давать обеты надо было хорошо подумать. Никакой процедуры или обряда «размонашования», снятия монашества Православная Церковь не предусматривает. Однажды раз обещавшийся Богу, давший обет, должен его соблюдать, что бы с ним ни случилось, как тяжело бы ему ни было.

О том, что такое духовная жизнь в монашестве, пусть скажут Святые Отцы, которые были подлинными монахами. Что такое жизнь в миру? Это та же духовная жизнь, но требования здесь немножечко

поменьше. Не то, чтобы в миру было легче спастись, но требования здесь немножечко другие — помягче.

— *Отец Сергей, наверное, есть достаточно много людей, которые по тем или иным причинам не решаются встать на путь жизни монашеский, да и нет воли Божией на это, но стремятся к самому монашеству как к подвигу духовной жизни. Это такие «монахолобивые» миряне, которые хотели бы взять от монашества все лучшее, что можно использовать, живя в миру. Что бы Вы им посоветовали?*

— Прежде всего думаю, что это очень хороший и правильный настрой, когда человек уважает монашество и понимает, что подлинная духовность — в монастыре, в монашестве. И святые, в большинстве своем, все были монахами. Хорошо, когда человек свои духовные ориентиры имеет в святоотеческих писаниях, в житиях святых. Может быть, он и понимает, что никогда не достигнет этих высот, однако все-таки руководствуется теми наставлениями, которые написаны для монахов.

Ведь, как я уже говорил, духовные закономерности одинаковы. Заповеди евангельские одинаковы для всех. Просто в монастыре и в миру — как бы разная глубина, разная высота, разные степени усилий, которые должен приложить человек.

Конечно, нужно учитывать, что в миру есть свои сложности, свои особенности. И поэтому духовные писатели неоднократно говорят, что если кто-то захочет в миру проводить полностью монашескую жизнь, — это неправильно, это ошибка. Мирянин есть мирянин. Есть вещи, на которые ему даже не следует

покушаться, ибо это будет гордость, например, на полноценный монашеский пост, или на подвиг бдения, на полноценный молитвенный подвиг, какой можно проводить только в монастыре.

Конечно, другое дело, когда человек ушел в монастырь, дал обеты. Назвался груздем — полезай в кузов. Есть, правда, случаи, когда человек готовит себя к монастырю, имеет благословение на монашество, но, может быть, еще не выбрал себе монастырь или его задерживают какие-то обстоятельства в миру: старенькие, больные родители, маленькие дети, которых нужно вырастить. Тогда он по мере сил старается в своей жизни руководствоваться теми монашескими правилами, которые можно исполнить.

Например, есть люди, которые в миру живут и не вкушают мясо или соблюдают пост в понедельник. Думаю, что ничего страшного и непосильного в этом нет. Если благословили, то можно соблюдать. Только самочинно не надо этого делать, благословение надо взять. Подвиг послушания допустимо и возможно проводить в миру. Молиться молитвой Иисусовой тоже возможно в миру. Возможно и в храм ходить почаще.

Но, конечно, не надо забывать при этом, что мы живем с другими людьми, что мы живем под одной крышей с нашими родственниками, и мы должны себя кормить. Нехорошо будет, если мы будем пребывать в храме с утра до вечера, а родители наши будут на нас работать. Будучи старенькими и больными людьми, они ждут помощи от своих детей, а их сын или дочка, лоботрясы, думают: «Я душу свою спасаю, и поэтому вы должны сами работать». Выходит именно то, о чем

говорит Евангелие: *корван, то есть дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался* (Мк. 7, 11). Эти люди уже не считают себя обязанными заботиться о родителях. Это ошибка, Господь ее обличил.

Нужно во всем и всегда искать Божию волю и избирать ту меру духовного и телесного подвига, какую нам Господь благословит иметь. А все, что мы попытаемся сделать сверх этого, — уже из безумной гордости. Ничего хорошего из этого не выйдет.

И еще нужно помнить, что человек «растет» постепенно, медленно, и подвиги тоже начинает на себя брать постепенно и медленно.

Всегда ли приход есть общность?

Батюшка, приход — это, собственно, понятие традиционное, оно существовало веками. Раньше приход был такой общностью, в жизни которой участвовали и дети, и молодежь, и люди пожилого возраста. В храм приходили целыми семьями и действительно вместе жили церковной жизнью. Но в наше время ситуация очень изменилась. Молодежь смотрит на мир совсем другими глазами, нежели чем люди старшего поколения. У них, порой даже внутри церковной ограды, разные взгляды на жизнь. Что их может объединять в приходской жизни? Или выход в том, чтобы создавать приходы по интересам, то есть где-то в основном — из молодежи, а где-то — преимущественно из людей старшего возраста?

— Думаю, что Господь Сам знает, как, где и кого собрать, потому что приход создает Господь. Пастырь, конечно, достаточно много значит для прихода, и его деятельность никто не заменит. Но людей приводит на приход Сам Господь. И приходы вряд ли могут быть созданы по интересам, хотя прецеденты таких молодежных приходов мы знаем. И священноначалие Русской Православной Церкви обратило внимание на эту проблему, поскольку жизнь людей XX и XXI веков, отличается — и, надо сказать, во многом — от жизни людей предыдущих веков.

Молодежь требует своего, особого подхода. Кроме того, нужно учитывать, что мы живем в стране, которая сейчас в целом далека от Церкви, но при этом люди тянутся к Церкви, отмечается огромный интерес к ней, Церковь востребована. И каждый, конечно, приходит из своего круга, со своим «багажом» знаний и понятий, которые получены в мирской жизни. Это может быть человек, долгое время живший «советской» жизнью, человек с высшим образованием, человек искусства, молодой человек, который, собственно вырос уже в свободной стране, избавившейся от мерзких уз коммунизма и по-другому смотрящий на жизнь. Хотя, с другой стороны, конечно, наша современная молодежь это, как правило, люди, получившие прививку западной культуры, что не слишком способствует духовной жизни.

И как апостол Павел был *для всех всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1 Кор. 9, 22), так нужно и в Церкви с каждым говорить на его языке. И с молодежью нужно говорить на языке молодежи.

Святейший Патриарх Алексий хорошо понимает это. В одном интервью — «Комсомольской правде» — он сказал, что пастыри должны учиться находить к молодежи несколько нетрадиционные подходы, понимать современную молодежную культуру и уметь говорить так, чтобы молодежь слышала. Необходимо разрушить существующие стереотипы по отношению к Церкви, которые возникли во многом еще в советское время.

Есть грань, которую священник не должен переступать: он всегда должен оставаться пастырем, священником. Но говорить с молодежью на равных он может. И находить общий язык он должен и обязан. И если священник на приходе уделяет какое-то внимание молодежи, если он собирает молодежь по интересам, если у него, скажем, на клиросе поет молодежь или есть целый молодежный хор, то думаю, что это нужно только приветствовать.

В журнале «Русский Дом», например, был материал о том, что при Троице-Сергиевой Лавре создан военно-патриотический клуб для «трудных» подростков. С одной стороны, там с ними занимаются, готовят их к защите Отечества: с другой — их воспитывают патриотами, говоря об истории Отечества с православной точки зрения. Все это нельзя не приветствовать.

Дело в том, что у нас нет опыта работы с молодежью. На Западе, в православной Греции, среди православных Америки, даже в Польше — с давних пор существует православное молодежное движение, там имеется какой-то опыт. У нас этого опыта нет. Его нужно приобретать. Молодежное движение создано,

но насколько оно будет жизненным и принесет ли плоды? Пока их особенно не заметно: ведь должны быть пастыри, люди, поставленные Богом на это особое, миссионерское служение молодежи. Должны быть пастыри, умеющие разговаривать с молодежью, которые смогут на языке, понятном молодежи, донести понятие о Церкви, ценности Православной веры. И, конечно, очень важен личный пример.

А создавать специальный молодежный приход — мне кажется, это будет не совсем правильный путь. Хотя кто-то и может попытаться это сделать, особенно в таких приходах, как, например, приход храма святой мученицы Татианы при Московском университете. Это естественно, молодежный приход, поскольку его составляет учащаяся молодежь. И думаю, что со временем при каждом университете, при каждом вузе будет создан православный храм. И вот там, наверное, прежде всего пастырь должен иметь талант работы с молодежью, иначе у него просто ничего не получится, и приход развалится.

А на обычных приходах, мне кажется, священник просто должен уделять внимание каждому человеку, каждой группе — может быть, создавать группы по интересам. Молодежи желательно дать какое-то дело, найти лидера, объединить — скажем, создать молодежный хор или открыть молодежное издательство, газету, журнал, увлечь молодежь благотворительной деятельностью. Внимание надо уделить и творческой интеллигенции, и другим. При храме для каждого найдется дело. Собрать, объединить людей по интересам, по возрасту, по каким-то социальным группам — здесь уже нужен талант пастыря. Это особенно легко

осуществимо на тех приходах, где несколько священников: один священник может окормлять одних, другой — других. Думаю, что так, естественным образом, и бывает. Одни тянутся к одному священнику, другие — к другому, выбирая человека, который просто был бы понятен и близок. Думаю, что это происходит само собой. Хотя настоятель, наверное, может и должен уделить внимание каждому, объединяя людей: ведь так они принесут больше пользы для прихода.

— *Но, наверное, люди объединяются тогда, когда у них есть какие-то общие духовные взгляды?*

— Конечно. Если одним двадцать — двадцать пять лет, а другим — семьдесят лет, то это людей не объединяет. Здесь как раз пастырь должен постараться: молодежь, у которой нет грамотных понятий о вере, о Церкви, о духовной жизни, объединить именно идеей духовной жизни. Так рассказать им о Боге, чтобы нашлось нечто духовное, что объединило бы их. Так же нужно работать и с интеллигенцией, и со всеми другими социальными группами.

— *Батюшка, а является ли приход в наше время действительно духовной общностью? Раньше приходы были своего рода территориальными единицами: каждая деревня, а в городе — район относились к определенному приходу. Сейчас это не совсем так. Порой люди ездят в свой любимый храм на другой конец города.*

Часто ли духовное единство складывается именно на приходе?

— Думаю, что на Руси всегда было так.

Понятно, что если в селе один храм, то людям просто некуда больше идти. И они объединялись чисто

территориально. Но не будем забывать, что деревня — это единая семья, это общинный образ жизни, который раньше существовал в России. Люди заботились друг о друге. Если у кого-то сгорал дом, то вся деревня строила дом этому человеку. Все приносили что могли и жертвовали ему, помогали ему чем могли. Так всегда жили на Руси. Поэтому эти общины и выжили, и были очень сильными.

Большевики ударили по деревне именно с целью разрушить эти общины. Ведь деревня, деревенская община, не принимала советской власти, коммунистических идей. Зачем какой-то коммунизм, когда и так есть община, которая основана на любви к ближнему, на помощи ближнему, на заботе о слабых членах этой общины. А колхоз — это, конечно же, не община. Это уже совсем другое, нечто искусственное, надуманное.

В городах, особенно в больших, всегда была возможность выбрать себе пастыря, приход. И там уже складывались такие приходы по интересам: где-то при пастыре собиралась молодежь, где-то — творческая интеллигенция, где-то — техническая интеллигенция, где-то — простые люди. Если приход находился рядом с базаром, то крестьяне, приезжавшие торговать, ходили в этот храм. Но это уже вряд ли можно назвать единым приходом.

Конечно, настоящая, полноценная жизнь в храме есть только тогда, когда там существует приход. Именно приход должен объединять людей, связанных едиными духовными интересами, едиными взглядами на духовную жизнь; людей, которые обязательно что-то делают для этого храма, для этого прихода. Это

может быть забота о его слабых, немощных членах, благотворительная деятельность; либо забота о храме и его благосостоянии, о его ремонте, о зарабатывании средств для того, чтобы храм мог существовать и исполнять свою миссию; либо пение на клиросе. На клирос, как правило, приходили и приходят не очень воцерковленные люди и постепенно воцерковляются. Кроме того, при храмах могут существовать еще и детские хоры, могут быть организованы какие-то занятия с людьми, которые могут и желают заниматься. Думаю, что это всячески нужно поддерживать.

Тогда действительно будет полноценная по-настоящему христианская жизнь: ведь любовь к ближнему будет проявляться не на словах, а на деле только тогда, когда люди будут не просто приходить в храм помолиться, но когда они будут связаны каким-то единым делом, служением Богу, служением друг другу.

— А может ли быть полноценная православная духовная жизнь у такого христианина, который ни к какому конкретному приходу не относится и живого участия в приходской жизни не принимает?

— Я думаю, вряд ли. Правда, бывают такие случаи, когда люди объединяются вокруг своего духовника. Они являются членами одного прихода, но, как правило, если это действительно церковные люди, они все равно что-то хотят сделать для своего храма и всегда делают, что могут. Но, скажем, их пастырь, духовник, находится на другом приходе или в каком-то отдаленном монастыре — например в Оптиной пустыни, — а они живут в Москве. И когда они приезжают к нему туда, то, естественно, общаются с другими духовными чадами своего пастыря, знакомятся

с теми духовными чадами батюшки, которые также живут в Москве, иногда передают какие-то записки, иногда какие-то подарки для батюшки могут передать. Такое общение складывается вполне естественно.

Не нужно спешить выбирать приход. Может быть, не нужно сразу считать, что мой приход — тот, который находится рядом с моим домом. Нужно все-таки поискать приход, который был бы наиболее близок человеку в духовном отношении: и богослужение, и отношения между прихожанами, и поведение священников должно соответствовать какому-то духовному представлению, эталону, который человек для себя уже нашел, увидел в отеческих писаниях, в истории Церкви. Но настоящая, полноценная христианская жизнь будет все-таки тогда, когда человек в храм заходит не только молиться, а когда он часть своей жизни, часть своей души отдает тем людям, которые также являются прихожанами этого храма, и что-то для них делает. Это просто, легко и как-то очень благодатно, очень радостно.

— Батюшка, а как же быть человеку, если у него духовник в Оптиной пустыни, а в храме, ближайшем к его дому, или, может быть, в нескольких храмах, где он бывает, люди ему не совсем близки духовно? Там, скажем, немного другое направление, и вообще у него как-то не лежит душа постоянно там бывать, да и возможности такой нет. Он находит время, чтобы съездить в Оптину пустынь, трудится там, общается с духовником и с членами той духовной семьи, а с прихожанами храма, в который он постоянно ходит, у него нет никакого единства.

— Я думаю, что здесь все-таки вина этого человека, и он будет сам себя обделять, если ограничит свое общение только поездками в монастырь к своему духовнику и общением с его духовными чадами.

Безусловно, это духовное общение радостно, полезно, необходимо. Но полноценной духовную жизнь можно считать только тогда, когда человек все-таки выберет еще какой-нибудь храм и будет стараться что-то для этого храма сделать. Пускай ему не нравится батюшка, пускай ему не нравятся какие-то прихожане, но храм есть храм. Там всегда есть какие-то рабы Божии. И служение храму есть прямое служение Христу!

Когда я был насельником Оптиной пустыни, туда достаточно часто приезжали люди из Москвы. И, как правило, я старался направить этих людей в какие-то храмы, которым они могли каким-то образом помочь. Все равно в Оптину пустынь они каждый день приезжать не могли — иной раз, не могли приезжать и каждую неделю, и каждый месяц. Поэтому я советовал им найти храм, куда они могли бы ходить хотя бы один-два раза в неделю, чтобы чем-то помочь храму: мыть полы, петь на клиросе или еще как-то трудиться.

Я считаю, что-то сделать для храма — это просто обязанность любого христианина. И ограничиваться тем, чтобы поставить свечку или бросить рубль в кружку для пожертвований, мне кажется, неправильно. В любом храме самое дорогое — это все-таки человек: его руки, его ум, его труд. И поэтому подлинная православная церковная жизнь возможна лишь при теснейшем единении в приходе. А если

человеку что-то не нравится, нужно смириться и потерпеть.

— *А временно может быть такая ситуация?*

— Временно, конечно, может быть — когда человек еще не нашел своего прихода. Одно дело, когда человек принципиально не считает нужным что-либо делать для храма, — мне кажется, это некоторый эгоизм. А когда человек еще не нашел своего прихода и ищет, — думаю, это вполне нормально: ведь рано или поздно он, наверное, его найдет. Кстати, часто бывает так, что человек живет в Москве, а приход, храм, о котором он заботится, находится в Московской области. Ведь достаточно часто в деревне всего три дома и три старушки — немощные и бедные люди. Но там есть храм и священник, причем часто это достойный пастырь. Человек туда ездит и помогает батюшке, этому храму. И действительно, это неоценимая помощь. И Господь, конечно, дает особую награду за это.

— *Но если при храме действительно сложилась община, и она действительно духовно едина, то что представляет собой такая община? Совместные молитвы и совместный труд или еще что-то? И почему, когда такая община действительно сложилась, люди чувствуют себя близкими, даже находясь в разных местах, на разных работах? Что именно их объединяет?*

— Объединяет, думаю, любовь к ближнему, любовь друг к другу, любовь к Богу. Любовь друг к другу должна быть одухотворена, освящена любовью к Богу, служением Богу.

Конечно, в храм человек идет прежде всего молиться — на богослужение. Первое христианское дело и

важнейшее предназначение храма — это молитва, это Божественная Литургия, богослужение. И конечно, пастырь, который хочет собрать общину, начнет с богослужения: постарается, чтобы это богослужение было благоговейным, чтобы оно было строгое, по возможности уставное, а не какое-то ускоренное. Это просто недопустимо, потому что человек, увидев такое богослужение, сразу уйдет. Настоящие православные христиане начинают, конечно, с поисков — такого храма, где хорошо молиться. И, как правило, храм, в котором богослужение благоговейно, требует, конечно, большего труда и собирает людей уже определенного настроя: они могут приехать с другого конца большого города, чтобы помолиться именно в этом храме, потому что им нравится здесь служба.

Второе, зачем приходит человек в храм — услышать слово Божие, увидеть пример достойного христианского поведения — прежде всего, конечно, в пастыре, но также и в пасомых; увидеть вообще благоговейное отношение к христианскому деланию, к жизни во Христе.

Третье, что объединяет людей в общину (до некоторых пор, при советской власти, это было очень трудно, и государство это прямо запрещало, но сейчас, к счастью, мы имеем полную свободу), — это благотворительная деятельность, которая теперь может вестись на приходе: забота о бедных (прежде всего — членах прихода), о престарелых, одиноких пенсионерах, о многодетных семьях, о сиротах, больных, инвалидах. Это тоже наша христианская обязанность, которая объединяет людей в этом едином делании.

Потом, конечно, вполне естественным образом люди начинают что-то делать для храма. Ведь священник не может один держать на себе целый храм. Батюшке, конечно, нужны помощники. Прежде всего, нужен хор: священник, придя в храм, первым делом должен позаботиться о том, чтобы в храме у него был хор. Он не обязательно должен состоять из высокопрофессиональных певцов — наоборот, с такими хорами одни проблемы. Всегда можно обучить прихожан, которые хоть как-нибудь умеют петь, простому пению. Они будут петь так, как нужно, с ними проблем не будет. Они будут почитать за счастье петь на богослужении. Кроме того, существует такое понятие, как церковное собрание, церковно-приходской совет. Это люди, которые непосредственно отвечают за храм, являются своего рода учредителями этого храма по отношению к государственными органами. Конечно, это не случайные люди. Это люди, которых священник знает, которые, может быть, боролись за открытие этого храма, восстанавливали его еще до того, как священника поставили на этот приход настоятелем. Конечно, священник должен с большим уважением отнестись к таким людям, постараться сохранить все то, что было сделано этими людьми, еще прежним настоятелем, — сохранить все доброе, сложившиеся традиции.

Но жизнь идет, каждый день новые люди, те которые приходят, постепенно становятся членами прихода. Однако начинается все с богослужения: человек начинает ходить в храм прежде всего на богослужение. Как, например, бывает у нас. Смотрю: появился какой-то человек. Пришел один раз, другой. Затем

уже ходит постоянно. Потом подходит на исповедь — с ним уже знакомишься, видишь уже, что это за человек; узнаешь, где он трудится, к чему он вообще стремится. Если он впоследствии становится постоянным прихожанином, то уже просто обращаешься к нему с просьбой, особенно если его профессиональная деятельность может быть полезна Церкви.

Со временем — особенно если это человек действительно хороший — стараешься, конечно, его привлечь уже к работе при храме. Но тут встает материальный вопрос: храм никогда не может платить много денег, любой храм всегда в этом плане ограничен. Здесь уже дело веры человека: Господь позаботится и все устроит. И вот постепенно складывается приход.

На приходе всегда есть какие-то дела. Появляется человек, который способен и хочет заниматься благотворительной деятельностью. Он по благословению настоятеля ищет себе помощников. Постепенно создается братство, которое занимается благотворительной деятельностью, оказывает помощь неимущим людям.

Есть человек, который способен: заняться просветительской деятельностью, издательской деятельностью. Она может быть очень широкой: издание книг, газеты, журнала; выступления в различных СМИ, проведение бесед. Беседы могут проводиться в самых разных местах: от детских интернатов до воинских частей — где угодно. И такая деятельность тоже необходима.

Конечно, все должен направлять священник — настоятель или просто один из священников, которому настоятель это поручил. Все должно делаться по благословению батюшки, и не должно быть такого, чтобы

автономно создалась какая-то группа мирян, которая от имени этого прихода будет делать все что угодно. Из этого ничего хорошего не получится.

В таком деле люди действительно общаются друг с другом, трудятся, даже — когда просто вместе моют полы. Они же пришли не просто на работу — они пришли потрудиться ради Христа. И Господь дает особую радость такого общения, когда люди рядом друг с другом, творя молитву Иисусову, молча, моют полы, чтобы храм был чистым, чтобы в нем могло совершаться богослужение.

Кроме того, люди все равно так или иначе общаются потом: вместе пьют чай, разговаривают, ходят друг к другу в гости. И на почве служения храму, служения людям — а храм — это всегда люди — они начинают сходитьяся, у них возникает дружба, они начинают общаться семьями. Так, вполне естественным путем, складывается приходская жизнь.

— *А каким образом общая работа в храме способствует духовному росту человека?*

— Человек трудится все-таки ради Христа, желая получить награду от Бога. Как правило, человек еще где-то работает. И в храм он приходит в свое свободное время — время отдыха, когда он мог бы просто лежать на диване и читать газету или смотреть телевизор. Однако человек в воскресный день — в свой выходной день — приходит, чтобы потрудиться, чтобы как-то, чем он может, помочь храму. Он чувствует в этом потребность, необходимость для своей души. И, как правило, общается там с другими людьми.

Любой из нас нуждается в общении. Если человек все время общается на работе с людьми неверующими

и далекими от Церкви, он просто устает от этого. Ему, естественно, хочется пообщаться с людьми добродетельными, чему-то у них научиться, что-то услышать от них. Если человек добродетельный, от него исходит что-то светлое, касаясь твоей души, если даже ты рядом с ним молчишь. И люди приходят в храм, желая такого общения.

Опять-таки у каждого из нас возникают какие-то вопросы, бывают какие-то скорби. И далеко не всегда эти скорби рассказывают священнику. В храме есть достаточно много людей, которые могут дать совет и как-то утешить, помочь — иной раз даже материально. И все это объединяет людей.

Одно лишь то, что человек делает какое-то дело ради Христа, уже доставляет ему величайшее наслаждение — тем более, что, делая это, человек получает благодать. Получает потому, что он трудится вместе с другими ради Бога. И Господь соединяет этих людей в единой благодати, и между этими душами происходит таинственное духовное общение — благодатное общение в Боге. Я затрудняюсь передать это словами. Думаю, что любой человек, который трудился и трудится при храме, понимает, о чем я говорю.

— *Батюшка, в первые века христианства у членов христианских общин вообще все было общее: они объединяли свое имущество, ничего не оставляя в своей личной собственности. Очевидно, что сейчас дело обстоит совсем не так. Но, по крайней мере, должно ли у членов общины обязательно быть единство взглядов или нет?*

— Первые христианские общины, которые описаны в Деяниях апостолов, были совершенными общинами.

Они объединяли святых людей — непосредственных учеников апостолов, которые были очень высокодуховны. Там все было едино: и сердце, и душа, и имущество. Тот факт, что люди имели все общее, естественно, является выражением их духовной общности, потому что если у людей все материальное является общим, то тем более они едины и духовно. Поэтому-то Анания и Сапфира были так наказаны апостолами, а точнее — Богом за грех лжи — за то, что хотели нечто утаить (Деян. 5, 1–10). Ведь своим поступком они разрушали то духовное единство, которое было в первохристианской общине. Сейчас, конечно, времена изменились: мы не те люди, нам меньше дано, и спрос с современных людей тоже невелик. От нас сейчас не требуется общности имущества. Слава Богу, если сейчас человек просто ходит в храм. Какая тут материальная общность!.. Ходит человек в храм — слава Богу; причащается, посещает богослужение — уже хорошо, уже христианин, уже член Церкви.

Но, конечно, настоящий христианин живет Богом, живет ближними и служением ближним. Он чувствует такую потребность, и, конечно, часть своих материальных доходов он обязательно уделит на храм, выделит нуждающимся членам прихода. Он всегда готов помочь, дать денег взаймы, просто поделиться своим материальным благосостоянием с другими прихожанами. Для него материальные блага — не главное.

У него, может быть, есть семья. Он обязан ее содержать, он трудится для нее. Но такая же семья, ничуть не менее важная для него, — его приход. И с его членами этот человек тоже готов поделиться.

В общем получается, что если все члены первохристианских общин были такими, то сейчас такие люди

все равно есть, и именно на них и держится приход. Это праведные люди, которые действительно являются собой образец, а некоторые из них подобны первым христианам. Это очень красивые, очень симпатичные люди, общаться с которыми всегда бывает очень радостно.

Но, конечно, среди прихожан должно быть какое-то духовное единство, то есть единство взглядов, единство понятий о духовной жизни. И тут уже, разумеется, многое зависит от пастыря. Ведь придя в храм, люди обращают внимание прежде всего на пастыря, на его поведение, на его проповедь, на общение с ним. В итоге вокруг пастыря начинают объединяться люди.

Приход не может объединиться вокруг кого-то другого, кроме пастыря. Думаю, такова воля Божия. Ведь священника в Церкви не просто назначают или выбирают. Его рукополагают. Поэтому священник — человек, который носит особую Божию благодать. И вполне естественно, что люди к нему стремятся, тянутся. Стремятся даже не ради его личных человеческих качеств, а ради благодатных качеств, которые он имеет как священник и которыми он готов поделиться. Обычно люди обращаются к батюшке за духовной помощью, ради духовного окормления. И между священником и прихожанами устанавливаются не деловые или административные отношения, а отношения духовные. Так, естественным путем, складывается духовная общность вокруг какого-то пастыря. Таким образом люди выбирают тот или иной храм.

— *Отец Сергей, а всегда ли православный приход является общиной? Какова история христианских общин?*

— Думаю, что он должен быть общиной. Когда приход только возникает, там просто собираются люди, но это еще не есть собственно община. Есть батюшка, есть те, кто пришел в храм — может быть, после многих лет безбожной жизни; или, может быть, верующими, но быв оторванными от храма. Люди приходят, их объединяет прежде всего дело устроения прихода, восстановление храма или строительство, организация богослужений. А потом возникает община, то есть некая общность православных людей, единомысленных и единомыслящих.

«Что только добро и что только красно — это жить братии вместе» (Пс. 132; 1). Эти слова святого псалмопевца Давида должны быть положены в основу любой христианской общности людей. Самая первая община — это Господь и Его ученики — апостолы. Потом были апостольские христианские общины — те первые Церкви, которые основали апостолы. Потом идею христианской общины восприняли православные монастыри. Приход тоже живет в Церкви и имеет ту же цель — спасать людей и вести их к духовному совершенству.

Как монастырь, говоря словами преподобного Варсонофия Великого, должен быть одной семьей, так и приход в мирской жизни должен быть единой семьей.

Вообще у нас, в Православной Церкви, одно учение — то, которое проповедовали нам апостолы и святые учителя Церкви, преподобные отцы. И те принципы, по которым строилась первохристианская община, а потом такие высокодуховные христианские общины, как монастыри, — те же принципы должны быть, наверное, положены в основу приходской жизни.

Конечно, здесь необходимо учитывать то, что мирская жизнь имеет особенности; но в целом эти принципы могут быть соблюдены. В том, что община должна быть единой духовной семьей, я глубоко убежден.

К сожалению, далеко не везде есть общины, потому что люди часто не ставят такой цели, как объединение. Тем не менее на любом приходе есть люди, которые общаются между собой, — может быть, они создают некоторый костяк духовной общины. Далек не всегда пастырь является лидером этой общины, хотя так теоретически должно быть. Конечно, в идеале, когда пастырь — человек достойный, он подбирает себе и соответствующих помощников. Конечно, если в Москве можно выбрать, в какой храм ходить, то где-то в провинции — в деревне, в небольшом городе — этот храм один, в лучшем случае — их два. Там такого выбора нет, и поэтому пастырь не должен никого отталкивать. Но выбирать себе помощников, выбирать тех людей, с которыми он будет строить храм, организовывать приходскую жизнь, он может сам.

И не надо спешить в выборе этих людей. Надо брать людей единомышленных — скорее воспитать этих людей так, чтобы приход действительно был единой семьей, где и радости и праздники, и беды и трудности были бы общие. Ведь и радости, и трудности объединяют людей, а наша земная жизнь, к сожалению, несет в себе больше трудностей. И поэтому помогать друг другу жить в этой земной жизни — это тоже цель общины. Ведь в основе христианства лежит закон любви к Богу и к ближнему.

— Батюшка, глубокое единомыслие невозможно, если все члены такой приходской общины не являются чадами одного духовного отца, то есть настоятеля.

— В действительности и не требуется такого глубокого единомыслия. А в идеале, если бы все члены приходской общины были бы духовными чадами настоятеля, то это, конечно, была бы уже община созданная абсолютно по образу и подобию первохристианских общин. Но люди отличаются разной духовной направленностью, различным духовным уровнем: одни уже давно ходят в храм, другие совсем недавно переступили порог храма. Одни уже с детства просвещены и святым Крещением, и словом Божиим, имели перед собой благочестивый пример родителей перед собой, а других в единодесятый час их жизни привели в храм скорби, трудности, несчастья. И все люди очень разные.

Мудрый пастырь не будет никого силой, за уши, тянуть к себе в духовные чада. Он просто будет исполнять свое приходское, пастырское дело — прежде всего, конечно, служение Божественной Литургии; будет освящать своих прихожан молитвой и Таинствами, будет совершать требы, будет отвечать на вопросы. И этого достаточно, потому что Господь Сам создает эти общины. Господь Сам приводит к пастырю пасомых. Конечно, все они разные, и всегда есть среди них слабые, немощные люди, страстные люди. Но если есть костяк, если на приходе все-таки больше хороших людей и если они объединены между собой, то, я думаю, община будет, и она будет делать свое христианское дело.

— *Батюшка, а если в храме несколько пастырей, и одни прихожане являются чадами одного священника, а другие — другого, то не препятствует ли это им находиться в одной приходской общине? И*

чем различаются понятия «духовные чада пастыря» и «приходская община»?

— Конечно, между ними есть разница. Быть духовным чадом пастыря и членом церковноприходской общины уже потому, что есть общины, где пастырь один, — там немного проще, — и есть общины, где пастырей несколько.

Конечно, каждый выбирает себе духовника, близкого ему по взглядам, по духу и, соответственно, по идеалам. Но в хорошем приходе настоятель сумеет объединить людей так, что они будут одной общностью, членами общины этого прихода, хотя могут быть духовными чадами разных пастырей. Некоторые из них могут иметь духовников даже в других храмах или в монастырях.

Ни для кого не секрет, что наилучшее духовное окормление люди получают в святых обителях. Наверное, лучшие христиане, лучшие прихожане ездят в монастыри и обретают там духовников. Они, будучи окормляемы своими духовными отцами — монахами, — являются, тем не менее, достаточно деятельными членами своих церковноприходских общин.

Поэтому одно дело — быть членом общины и другое — быть духовным чадом какого-то пастыря, настоятеля этого храма или второго священника, или иметь духовника в каком-то монастыре. В этом есть разница.

— А если у человека есть какие-то понятия, отличающиеся от понятий других прихожан? Например, человек не считает нужным читать Святых Отцов, или имеет не совсем правильные понятия о посте, или даже некоторые догматические заблуждения.

Может ли это воспрепятствовать ему быть ревностным прихожанином и трудиться вместе со всей общиной храма?

— Если в основу духовной жизни человека положено все-таки смирение и любовь к ближним, он будет очень терпеливо относиться к другим людям. С одной стороны, он не будет им навязывать своих взглядов, а с другой стороны, будет терпеливо нести немощи ближних и их заблуждения, какие-то проявления страстей. Поэтому, думаю, что община может существовать. Отличность понятий — это уже личное дело каждого человека. Если же человек имеет недостаток смирения или терпения, то он будет, конечно, отличаться несколько деспотическим характером и будет если не навязывать другим своих взглядов, то, по крайней мере, периодически вступать в споры, доказывая, что он прав, а вы не правы. Такая разница во взглядах, конечно, разделяет людей. И главный грех многообразных ересей и расколов заключается именно в том, что они разрывают единство Церкви, что в конечном итоге приводит к вражде. Подобное может быть и на приходе.

В творениях блаженного Августина указан хороший принцип православной жизни: должно быть: «единство в главном, свобода во второстепенном и любовь во всем». И если люди имеют хотя бы единство в главном, объединены православной верой — единством взглядов на православные догматы, на традиции — и разделяют как догматическое, так и нравственное предание Церкви, — то, думаю, община будет отличаться цельностью, глубиной и единством взглядов. Лучше всего, конечно, черпать знания о

предании Церкви из творений Святых Отцов Православной Церкви, из аскетических творений. Поэтому для единства общины необходимо, чтобы в ней было развито чтение духовных книг, житий святых, наставлений святых угодников Божиих.

А там, где процветает неграмотность, периодически будут возникать споры и догматического, и нравственного плана. И там, конечно, нужно большое искусство пастыря, чтобы суметь как-то объединить людей, примирить их между собой, сделать так, чтобы в основе их отношений был мир, а не вражда, не разделения.

Нельзя никого прогонять из храма, кто бы он ни был, какими бы взглядами ни отличался. Если даже человек не вполне разделяет православные догматы, и такого человека нельзя прогонять. Его нужно терпеливо врачевать как немощного члена, постепенно объяснять ему, терпеливо показывать значение Отцов, раскрывать глубину православной веры, особенно православных догматов, показывать отличие их от ересей. И если на приходе есть основной костяк и большинство членов здравы, а какие-то люди — немощные, неофиты, новоначальные, это вполне нормально, особенно в современной обстановке. Сейчас может быть даже и так, что на приходе большинство людей — новоначальные и неофиты, но должен быть крепкий костяк или хотя бы достойный пастырь.

Как раньше бывало? Когда, скажем, преподобный Герман Аляскинский, равноапостольный, приехал на Аляску, там вообще все были язычники. Однако своей праведной жизнью, своим мудрым словом он обратил их сердца к православной вере. Святой

равноапостольный Николай Японский действовал таким же образом. И сейчас пастырь на приходе — это миссионер, особенно если приход сложился в таком месте, где храма раньше никогда не было, или, скажем, пятьдесят лет уже нет.

И, конечно, пастырь должен прежде всего привести людей к православию и к жизни по Евангелию. Одно из другого следует, одно с другим соединено очень тесно и органично: насколько человек правильно верует в Бога, право верует, настолько он правильно и живет. И человек, живущий правильно, по Евангелию, обязательно будет иметь именно православную веру, потому что настоящее глубокое знание о православии, о догматах дается благодатью Духа Святого, а благодать стяжается жизнью по Евангелию. Поэтому немощных людей, которые всегда есть в приходе, нужно постепенно приводить к настоящей православной вере, сначала давая им, как младенцам, молочко, а потом постепенно предлагая твердую пищу.

— *Значит ли это, что основной костяк духовных людей на приходе, хотя и полезен, но не является необходимостью для создания приходской общины?*

— Скажем так: он очень желателен. Когда я попал на приход и был назначен настоятелем, то прежде всего постарался собрать такой костяк. Слава Богу, были люди, с которыми я общался уже много лет, которые обращались ко мне еще тогда, когда я был насельником святой обители. И на приход я пришел уже не один. Я привел с собой сотрудников, которые мне стали сразу же очень деятельно помогать. Если бы не они, конечно, храм поднять не удалось бы. А потом один за другим приходили люди. Они и сейчас

приходят, приход умножается. И теперь я не единственный пастырь на приходе: нас уже трое, и еще помогает один батюшка. У каждого свои духовные чада, у каждого свои взгляды. Я считаю, что в общем, самое важное у нас есть: это «единство в главном, свобода во второстепенном, любовь во всем». И между нами, и между всеми нашими духовными чадами очень мирные отношения. Немыслимо, чтобы в нашем храме кто-то начал ссориться, ругаться, спорить. А главное, что в целом все мы имеем православные взгляды и во всем, что касается главного в духовной жизни, мы согласны между собой.

— *А что можно посоветовать батюшке, который попал на новый, только что открытый приход, и которому негде взять таких сотрудников?*

— Если бы меня сейчас отправили в какую-то деревню совершенно одного, я бы, наверное, поступил так, как преподобный Георгий Косовский: я пришел бы и начал служить молебны, Литургии, службы. Со временем, я думаю, Господь послал бы людей, которые просто пришли бы молиться в храм. Без промысла Божия не открывается ни один храм. Святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил, что если в каком-то месте есть храм, значит там есть пять праведников. Поэтому если Господь считает нужным где-то открыть храм или святую обитель, значит в этом месте есть достойные люди, для которых этот храм и открывается. И дело пастыря — этих людей привлечь. Может быть, они пока еще нецерковные, но Господь-то их знает заранее, и, конечно, они придут туда, где творится молитва к Богу. Со временем, конечно, у них будут возникать какие-то вопросы

. Надо терпеливо выслушивать и отвечать людям на эти вопросы, совершать требы. То есть в основу я все-таки положил бы молитвенную жизнь.

Я не пошел бы искать благотворителей, я стал бы молиться. А остальное, я думаю, Господь устроил бы: и благотворителей привел бы, и прихожан привел бы, и костяк прихода из них Сам собрал бы. И постепенно слово Божие росло бы, ширилось, Церковь Божия распространялась бы в пределах этого селения. Думаю, что именно так надо поступать.

Когда люди соберутся, тогда уже можно начинать делать что-то серьезное: приют открыть, какую-то благотворительную, просветительскую деятельность начать, потому что самое главное богатство прихода — это люди. Нужно сделать все, чтобы этих людей собрать, привлечь и составить из них настоящую приходскую общину.

— *Должен ли настоятель предпринимать для этого какие-то сознательные действия, или все должно складываться естественным путем и нужно дать место Богу, чтобы Господь Сам действовал?*

— Если священник ударится в популизм, что, к сожалению, иногда бывает, то вокруг него соберутся люди, привлеченные именно внешней стороной, оберткой, и духовные отношения между ними не сложатся.

Прежде всего пастырь сам должен быть духовен, то есть быть причастен благодати Духа Святаго. Причем есть объективная благодать, которую пастырь получает в Таинстве хиротонии, а есть та благодать, которую пастырь стяжает своей праведной жизнью, своим жительством по евангельским заповедям. В праведном пастыре все это соединено вместе, личность пастыря неотделима от священства, это всегда нечто

единое. Если же пастырь недостоин своего высокого служения, то в нем попирается священство, в нем оскорбляется Божия благодать, хотя Таинства, которые он совершает, все же совершаются.

Если пастырь высокодуховен: смиренен, кроток, мудр, любвеобилен, — то обязательно найдутся люди, в которых его любовь зажжет ответную искорку. Его пример праведной жизни породит желание ревностно ему последовать, его смиренное слово и поведение покажутся достойными подражания, и всегда вокруг него соберутся люди, может быть даже, живущие далеко от этого храма. Нередко бывает так, что пастырь служит где-то далеко, в «медвежьем уголке», в какой-нибудь деревне, а прихожане к нему приезжают из больших городов, из Москвы и Санкт-Петербурга. Приезжают, живут подолгу, считают для себя полезным такое общение и составляют таким образом общину этого пастыря. Это вполне естественно.

Поэтому, думаю, что пастырь должен быть самим собой. Во-первых, он должен быть молитвенником и, во-вторых — любящим отцом для своих прихожан и слугой для их духовных нужд, и не только духовных, но и телесных. И если в основу общины будет положена такая жертвенная любовь пастыря, эта община обязательно будет крепка.

Как стать членом общины?

Допустим, человек пришел в храм и увидел при нем такую общину, может быть, даже духовную семью. Что он должен делать, чтобы стать ее чле-

ном? И какие его качества могут ему воспрепятствовать стать членом такой общины?

— Нередко в наш храм приходят люди, которые говорят мне: «Батюшка, что нужно, чтобы быть членом вашей общины? Мне очень понравилось в вашем храме. Что нужно делать, чтобы вы меня приняли?» Я говорю: «Как прихожанин, пожалуйста, ходи, когда у тебя будет желание, время, возможность. Храм открыт для всех ежедневно. А дальше уже жизнь покажет, туда ли ты пришел, тот ли ты человек, тот ли я человек, каким тебе показался».

И человек начинает ходить. И видишь, что он действительно присутствует на всех богослужениях — по праздникам, по воскресным дням. Видишь, что для него дорого все, что связано с храмом, он старается остаться, помочь, предлагает свои услуги: полы помыть, что-то сделать. То есть человек счастьем считает для себя чем-то помочь храму. А бывает, что человек после нескольких таких посещений уходит. Видно, здесь не поняли, не оценили, не приняли его, и он идет в другой храм. Ну что ж, вольному воля: может быть, он какие-то недостатки у нас увидел. Конечно, они есть у каждого человека, в каждой общине.

А тот, кто начинает сам постепенно проявлять инициативу, по делам которого видно, что он действительно стремится войти в жизнь общины, тот таким образом вполне органично входит в нее. Все совершается само собой: человек становится членом прихода, то есть нужным этому храму. Его труд, сама его личность делаются необходимыми. Постепенно он знакомится со всеми и становится членом этой семьи.

Наша община так и создалась. Я не вывешивал никаких объявлений, люди сами приходили, оставались,

и годами пребывают при этом храме, причем приезжают порой из отдаленных концов Москвы.

— *Какими принципами Вы руководствуетесь, когда отбираете людей в качестве духовных чад или, по крайней мере, для приходской общины?*

— Я верю, что Господь Сам приводит людей в приходскую общину. И они, приходя в храм, начинают молиться, участвовать в богослужениях, причащаться. Поскольку у нас три пастыря, то вовсе не обязательно, чтобы я был духовным отцом всех этих людей.

Но если человек хочет иметь более глубокие отношения лично со мной, то в этом случае я прежде всего ищу воли Божией: есть ли воля Божия на общение с тем или иным человеком. Потому что можно, конечно, набрать себе сотню духовных чад, а в результате и самому от этого устать, и никому не принести духовной пользы. Как говорил подвижник XX века схимонах Иннокентий — он похоронен около храма в Алексеевском, недалеко от метро «ВДНХ», — будут духовные отцы, и будут они набирать себе духовных чад, но многие измучают и чад, и себя. Мне бы очень этого не хотелось.

Идеалом пастыря для меня является игумен Никон (Воробьев), который имел очень немного духовных чад. Когда люди просились к нему в духовные чада, он им устраивал своего рода экзамены, провоцируя их на то, чтобы они больше к нему не приходили. И те, кто был от Бога, оставались, а те, кто были не от Бога, соблазнялись каким-то странным поведением батюшки и больше не приходили никогда.

Прежде всего, конечно, мы с моим духовным чадом должны быть единокорными людьми, то есть то,

что ценно, дорого и важно для меня, должно быть ценно, дорого и важно для тех, кто хочет вступить со мной в духовное общение. Кроме того, поскольку я очень люблю читать отеческие творения, особенно почитаю святителя Игнатия (Брянчанинова) и считаю единственным руководством к духовной жизни именно отеческие творения, то я хочу, чтобы те, кто ко мне обращается, прежде всего научились их читать, открыли для себя это богатство аскетической мысли, которое накопила Церковь. Я считаю, что духовников настоящих, подлинно глубоких сейчас найти очень трудно и наше руководство — это отеческие творения.

Поэтому тех, кто хочет прийти ко мне как к духовнику, я прежде всего должен научить читать творения Святых Отцов, показать последовательность чтения из творений, показать, что переменялось, что сейчас возможно, что невозможно; что прежде всего, что потом; что главное, что второстепенное. Главная задача пастыря — научить людей через святоотеческие творения узнавать волю Божию.

Кроме того, человек должен, иметь любовь к молитве, к богослужению. Если человек не любит молиться, — не знаю, сможем ли мы с ним общаться. Я люблю уставное богослужение, я привык к нему в монастыре, и для меня является потребностью часто совершать Божественную Литургию. А что такое короткая служба, всенощное бдение в течении полутора часов, я не понимаю. Поэтому преимущественно общаюсь с теми, кто тоже любит молиться. Молитва тоже объединяет между собой людей.

Потом, конечно, как человек немощный, я не несу некоторых немощей: очень не люблю эгоистов. И, наоборот, мне очень симпатичны такие сострадательные люди, которые без всякого приглашения, без всякого зова и просьбы со стороны ближних, увидев нуждающегося человека, придут к нему на помощь. Такие люди мне очень близки, и поэтому мы достаточно быстро находим общий язык. И преимущественно такие люди составляют мою паству и являются прихожанами нашего храма.

Конечно, пастырь должен нести все. Святитель Игнатий (Брянчанинов), выделяя главные качества пастыря, настоятеля, пишет в своих письмах о преподобном Моисее Оптинском, что тот терпеливым ношением немощей ближних собрал вокруг себя одно из самых примерных в России монашеских братств.

Святитель Игнатий пишет подобно еще об одном пастыре, архимандрите Иустине, занимавшем должность настоятеля Николо-Бабаевского монастыря в то время, когда святитель пребывал там на покое. Отец Иустин был его учеником он юношей пришел к святителю Игнатию. Живя в миру, он учился музыке у Глинки, выучился на композитора, хорошо пел, сочинял духовную музыку, но при этом еще был и глубоко духовным человеком. Святитель Игнатий устроил так, что он стал настоятелем Николо-Бабаевского монастыря. Уже с Бабаек святитель пишет, что отец Иустин — единственный человек, с которым он вступил в духовное родство. Его главные качества — это жертвенность и терпеливое ношение немощей ближних. Это качество святитель Игнатий считал для настоятеля главным. Наверное, он сам обладал им. Но,

при моем глубочайшем уважении к святителю Игнатию, почитании его самого и его учения, у меня, к сожалению, пока так не получается. Такая у меня немощь.

— *Батюшка, я знаю, что в общении с духовными чадами Вы всегда руководствуетесь принципом Святых Отцов — не давать советов без вопрошания, то есть, если Вас на исповеди человек ни о чем не спросит, то Вы ему ничего и не будете говорить, просто прочитаете разрешительную молитву. А как быть человеку, который недавно начал ходить в храм и хочет найти себе духовного отца? У него еще нет опыта духовного общения, он не знает, о чем нужно спрашивать.*

Помню, перед тем, как прийти в церковь, я прочитала некоторые книги об Оптиной пустыни. Это были, в частности, письма к оптинским старцам, в которых задавались вопросы по поводу различных событий в жизни человека: замужества, поступления на какую-то работу и т. д. И когда я искала духовного отца, мне уже очень хотелось общаться, но я не знала, о чем нужно спрашивать. Не должен ли пастырь в таком случае пойти навстречу, что-то подсказать?

— Самый первый священник, с которым я начал общаться, придя в храм, сказал, что когда человек действительно пытается жить по Евангелию, у него обязательно возникнут вопросы. И это как раз свидетельствует о том, что в человеке идет духовная жизнь и совершается духовный рост. Ведь для того, чтобы он совершался правильно, необходимо приобретение какого-то нового знания, и при этом недостаточно

чтения книг. Нужен человек, который сумеет эти книги объяснить, тем более, что многие ситуации, которые возникают в современной жизни, никакими книгами не предусмотрены. Это глубоко верно. Поэтому святитель Игнатий (Брянчанинов) запрещает давать советы без вопрошания, и я много раз убеждался в том, что никогда нельзя преступать этот принцип.

Но если человек приходит креститься, с ним обязательно нужно побеседовать, разъяснить ему смысл основных Таинств христианской веры, основные догматы, положения, просто рассказать ему о христианской жизни. И здесь я действительно без вопрошания провожу с человеком беседу. Бывает и на исповеди, что человек излагает свою сложную ситуацию, может быть, и не спрашивает совета, но видно, что он ждет какой-то помощи. И я могу что-то ему посоветовать, но каждый раз делаю это с некоторым страхом, потому что, хотя я и священник, но человек, который пришел ко мне на исповедь, может быть гораздо духовнее меня. Зачем я буду ему навязываться со своим учительством? Будет Божия воля — Господь вложит в его сердце конкретный вопрос, и тогда Господь Сам найдет ответ для этого человека. Я предаю это в волю Божию.

Я научен в монастыре такому принципу послушания: когда тебя просят, приглашают, тогда ты должен идти и ответить на вопрос. А самому давать советы без вопрошания не следует. Святитель Игнатий говорит, что присвоение себе такого достоинства учителя — это гордость. Преподобный Иоанн Лествичник говорил, что тому, кто кается, неприлично занимать место учителя. Я все-таки хотел бы остаться монахом, а

монашеское жительство — это жительство покаянное. И прежде всего будучи человеком грешным, я, конечно, должен заботиться о том, чтобы постепенно освободиться от своих грехов.

Но если человек о чем-то спрашивает, за послушание, я должен дать ему ответ — если я, конечно, знаю его из святоотеческих творений. Но за кем-то бегать, навязывать — это не мое направление. Да, есть такие пастыри, которые куда-то идут сами: в тюрьмы, в детские сады, в клубы. А я, пока не зовут, стараюсь пребывать в молитве. Даже на радиостанцию «Радонеж» иду, когда приглашают, а сам особо не напрашиваюсь. Потому что говорить с людьми — это большая ответственность, да и кто я такой, чтобы предлагать людям свое слово?

Вот и сейчас кто-то слушает и думает, наверное: «Когда же он закончит и начнется что-нибудь более интересное?» Выключить радио человеку жалко, а слушать — неинтересно; он смотрит на часы. Зачем это нужно? А тот, кому надо, придет и задаст вопрос, и если будет Божия воля, мы с этим человеком вступим в духовное общение и в духовное родство.

— А что можно посоветовать новоначальным христианам, которые не знают, с чего нужно начать общение с духовником, о чем нужно спрашивать?

— Одними из первых книг, которые я прочитал, были патерики. Они все строятся так: пришел ученик к старцу и спросил о чем-то. Достаточно часто ученик просит: «Отче, дай мне наставление». И старец, умудренный благодатью, дает наставление, а иногда что-то переспрашивает у этого человека и уже в зависимости от его ответа дает ему какой-то совет. В целом,

новоначальным свойственно такое убеждение, что они и так все знают. А если человек все знает, то зачем ему о чем-то спрашивать? Есть такая русская поговорка: «Ученого учить — только портить». Человек должен начать сомневаться в своих познаниях, в своем понимании христианства, в своем понимании Божией воли.

Когда он начинает сомневаться, у него возникает масса вопросов. По-настоящему серьезные вопросы рождаются из смирения, из неверия себе, из недоверия своему разуму, своему опыту. Тогда человек обращается к опыту и разуму другого человека, облеченного прежде всего священным саном, или просто человека, который дольше него пребывает в Церкви, имеет больший духовный опыт. Поэтому новоначальному посоветую ничего не стесняться спрашивать.

Мера вопросов указана в древнем патерике. Ученик задает старцу такой вопрос: «Отче, сколько капель воды мне нужно пить?» Видите, до чего доходило послушание у древних, в общем-то совершенных христиан! Поэтому нет вопроса, который неприлично было бы задать пастырю. Правда, есть другая крайность, когда человек спрашивает, сколько капель воды пить, а не спрашивает о серьезнейших вещах: как строить свою жизнь, какое должно быть правило, где ему работать, с кем общаться. О таких необходимейших вещах он не спрашивает, считая, что и сам все это хорошо знает.

— Допустим, человек уже стал членом приходской общины. Должен ли он все свои жизненные интересы сосредоточить на ней? Возможно ли то, что у него вне храма будут друзья, какие-то знакомые, какие-то интересы?

— Это вполне нормально. Даже когда человек приходит в монастырь — не думаю, что он пребывая там, сосредоточивается только на монастырской жизни. Может быть, это бывает вначале, у послушника. Для человека новоначального это даже необходимо. Но если человек становится иеромонахом или просто уже не первый год живет в монастыре, то на него, как правило, возлагают послушания, которые должны совершаться за пределами монастыря.

Например, экононом или келарь по роду своего послушания делает покупки для монастыря, договаривается с администрацией или по чьему-либо приглашению проводит беседы. Если монах в сане, к нему начинают приезжать из мира люди, у него появляются духовные чада. Естественно, они «везут» с собой свои беды, свои радости, свои проблемы — и человек живет уже их жизнью.

Поэтому даже в монастыре человек не замыкается в стенах обители, а мирянин — тем более: почти у каждого есть родственники, друзья, сослуживцы, работа или учеба, и человек везде должен быть христианином. Ведь в наше время любой христианин является миссионером, и его слово, его поведение являются для других людей показателем того, что такое христианство. *Вы — соль земли. Если соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Вы — свет миру. Не может укрыться город, стоящий на верху горы; так да просветится свет ваш пред людьми, чтобы, видя ваши добрые дела, прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 13–16).

Любой христианин, где бы он ни был, остается христианином, и за ним очень внимательно наблюдают.

И если он делает какую-то ошибку, какой-то грех, то судится совсем по-другим меркам, чем совершивший этот грех мирской человек. С него спрашивают как с христианина, и об этом нужно всегда помнить. Поэтому, с одной стороны, будет фарисейством считать себя образцом праведности: «Вот, смотрите на меня, какой я». Проще надо быть. А с другой стороны, нужно крайне бояться соблазнить своим поведением ближних — нецерковных людей, интересующихся, стремящихся к Церкви.

Поэтому всегда нужно искать Божию волю: насколько есть Божия воля общаться с тем или иным человеком, поехать к кому-то в гости. Все вы, конечно, свободны, но да не будет ваша свобода претыканием в Божием деле; как говорит апостол: *все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мной* (1 Кор. 6, 12).

Кстати, один из необходимых вопросов к духовнику — это вопрос о том, что допустимо в жизни мирской, а что недопустимо; с кем общаться, а с кем не общаться, в каком деле принимать участие и насколько, а в каком — не принимать. Это каждый должен обсудить со своим духовным отцом.

— *Батюшка, а не получится ли некоей раздвоенности, когда человек в храме живет одним образом, а за пределами храма — уже совсем по-другому? В храме человек одевается для определенного стиля поведения и общения с другими людьми, а за пределами храма он, может быть, надевает мини-юбку и ведет себя уже совсем иначе.*

— Бывает, конечно, и такое, но у людей, нетвердых в вере. Все-таки когда христианин живет Евангелием,

живет Христом, постепенно его христианство, его вера становится главным содержанием его жизни. Об этом повествует Евангелие, которое говорит, что вначале царство Божие бывает как маленькое горчичное зерно, которое меньше всех семян, но когда из него вырастает растение, оно становится великим деревом, в ветвях которого селятся небесные птицы (Мф. 4, 31–32).

И у большинства из нас вера, наверное, чуть побольше горчичного зерна, но поменьше, чем великое дерево. Постепенно вырастает наша вера, меняемся мы, и насколько мы христиане, настолько вся наша жизнь начинает освящаться, начинают приобретаться понятия евангельские, христианские.

Вместе с этим приходит осознание того, что допустимо, а что нет, что позволительно, а что нет. За то, что вчера считалось позволительным и в чем мы не видели греха, сегодня нас уже, начинает обличать совесть. А в чем-то — наоборот. Например, мы вчера заблуждались, считали, что в Великий пост нужно есть раз в день, соблюдать сухоедение. По прошествии некоторого времени мы видим, что сейчас уже другие времена и здоровье у нас другое и что мы не погрешим, если будем поститься Великим постом даже с постным маслом, но хотя бы не вкушая скорожных продуктов. Так меняются наши взгляды.

Христианин должен везде быть христианином. А когда христианин в храме один, на улице другой, а еще где-то третий, то это свидетельствует о слабости веры, о том, что христианин этот еще не совершенный.

Если в общине разногласия

Батюшка, к сожалению, бывает так, что духовные чада разных пастырей по каким-то причинам начинают конфликтовать между собой, в общине возникают разногласия. Что делать, если человек оказывается в изоляции, может ли он уйти в другую общину?

— К счастью, в нашей общине пока не было разногласий. Поэтому у меня нет опыта объединения ссорящихся духовных чад. Слава Богу, у нас все едино. Может быть, пока, может быть еще впереди какие-то испытания, но пока все — слава Богу. Были люди, которые уходили, которым что-то не нравилось, которые считали, что другая община лучше или другой пастырь лучше. Или, может быть, они перерастали своего пастыря и потому уходили в другой храм. Это не возбраняется, это их право. К сожалению, некоторые из них не очень хорошо отзывались о той общине, в которой были, но это опять-таки их право.

Что делать, если начнутся такие разногласия? Наверное, надо очень терпеливо, кротко отнестись к таким проявлениям нетерпимости со стороны некоторых людей. И наверное, сначала пастыри должны договориться между собой. Тогда и среди духовных чад наступит мир. Но опыта такого умиротворения людей у меня нет; не миротворец я пока.

— А для человека, который попал в такую изоляцию, перестал находить общий язык с другими прихожанами, какое поведение будет правильным?

— Здесь нужно прежде всего решить, он ли прав, ему ли что-то открылось, или, наоборот, он не прав и,

говоря молодежным языком, как-то «заехал». Действительно бывает, что человек перерастает общину, в которой оказался. Как это бывает? Человек пришел к вере, стал ходить в конкретный храм, там у него был духовный отец. Потом он стал замечать, что в этом храме несколько суетно, что не всегда есть возможность попасть к батюшке.

Достаточно часто приходят люди, которые говорят, что их духовный отец — очень известный пастырь, но к нему всегда столько людей, что надо ждать несколько недель, чтобы спросить, что делать, как быть. А человек имеет достаточно серьезные, глубокие духовные потребности, и в общем-то, думаю, ему не возбраняется искать другого пастыря, другую общину, где ему смогут уделить больше внимания, где, скажем, в большей степени монашеское направление. Думаю, что это вполне естественно. Но, кстати, достаточно часто бывает, что в такой ситуации, когда по несколько недель приходится стоять в очереди к своему пастырю, человек оказывается потому, что не слушается. И пастырь сам уклоняется от него и творит свое пастырское дело с вздыханием, как говорит апостол (Евр. 13, 17). Поэтому если человек погрешает нерадением, непослушанием, то нужно указать ему на эти ошибки — может быть, он их исправит. Хотя по опыту я знаю, что нерадивых людей очень трудно исправлять, да и вряд ли возможно исправить вообще, если они сами этого не хотят.

Человек сам должен понять свое нерадение, свою теплохладность. Вообще теплохладность — хуже всего. Не холоден, не горяч, но тепл; *о, если бы ты был холоден или горяч*, говорит Ангел в Апокалипсисе

(3, 15). Проще исправить человека грешного, но сознающего, что он грешен, чем человека мнимо праведного, который и так «самодостаточен», то есть считает, что он и так праведен и что его духовная жизнь такова, что, по крайней мере, на спасение хватит. В таких случаях приходится терпеть, нести тяготы этих людей, молиться за них в надежде, что Господь их посетит либо скорбями, либо еще каким-то образом вразумит и обратит.

Поэтому человек, который оказался в изоляции в какой-то общине, должен решить для себя вопрос: он ли что-то понял, чего не понимают другие, или куда-то уклонился. Чаще всего происходит последнее. Не возбраняется обратиться на сторону за разрешением этого вопроса. Если не удастся найти взаимопонимания с пастырем или с другими членами общины, которые, может быть, могут что-то объяснить, то можно пойти к другому пастырю, поехать в монастырь, объяснить ситуацию, но рассказывать о том, что произошло, нужно как можно более подробно. И когда все прояснится, либо остаться в этой общине и попытаться преодолеть себя, либо поискать другую общину.

Бывают такие случаи, когда человек сам виноват в том, что попал в такую изоляцию, причем он это сознает, но сделать ничего не может. В некоторых случаях я даю совет перейти в другой храм — по немощи, потому что человеку тяжело в этом храме, его не устраивают тот настрой, те порядки, те отношения, которые здесь есть, и, может быть, в другом храме он найдет большее взаимопонимание. Но бывает и так, что человек походит, поищет, а потом все равно возвращается в ту общину, членом которой он был.

Там все-таки близкие ему люди, там отношения, которые раньше его устраивали. Просто с человеком искушение, и теперь он начинает понимать, что погрешает.

Вообще я думаю, что Господь Сам собирает общины и Сам приводит нас в ту или иную общину, к тому или иному пастырю, к тем или иным братьям и сестрам, и этим нужно дорожить. А если мы сами не будем дорожить тем, что послал Господь, то Он, хотя Он и долготерпелив, нас накажет.

— Часто бывает, что прихожане соблазняются поведением самого пастыря. Что можно посоветовать в такой ситуации?

— Наверное, каждый такой случай должен быть рассмотрен отдельно. У святителя Феофана Затворника есть письмо, написанное прихожанам одного храма, которые жаловались на то, что их батюшка выпивает. И святитель Феофан дал им такой совет: собраться всем вместе и хорошо поговорить с этим пастырем, постараться усостыжить этого батюшку. Если святитель дает такой совет, значит он, наверное, приносит какие-то свои плоды. Это один из путей.

Конечно, обличать священника в грехе — это серьезное дело, и без благословения какого-то достаточно духовного, достаточно мудрого лица, наверное, это делать не стоит, потому что есть такой канон: если кто досаждал священнику, тот да будет отлучен от Причастия.

Ведь так можно и всех начать исправлять. Кстати, многие так и делают: и Патриарх «не такой», и архиереи «не такие», и, естественно, батюшки «не такие» — все вообще «не такие». Поэтому одно дело, когда есть объективные причины и пастырь действительно не на

высоте, но бывает, что человеку кажется, что только он один на высоте, а все остальные — ниже его. Это уж другое дело, и, думаю, такие люди нас сейчас и не слушают.

А что делать этому человеку? Наверное, потерпеть немощи пастыря как немощи любого человека. Мы не обязаны считать духовным отцом пастыря, которому не доверяем, который, на наш взгляд, не совсем такой человек, как нам хотелось бы. Мы имеем полное право поискать себе духовного отца в другом приходе или в монастыре. Быть прихожанами одного храма, а духовника иметь в другом — это не возбраняется ни Святыми Отцами, ни канонами Православной Церкви.

Но относиться к немощам пастыря нужно очень терпеливо и снисходительно. Даже по отношению к фарисеям Господь сказал: «То, что они вам говорят, слушайте, а *по делам их не поступайте*» (Мф. 23, 3). Конечно, нужно молиться. Каким бы пастырь ни был, все-таки он прежде всего служит нам: для нас приходит в храм, для нас совершает службу, Таинства и требы. Раз он что-то делает для нас, то мы обязаны за него молиться. Ведь кроме него этого никто не сделает.

К сожалению, достойных пастырей не очень много. Но и недостойных пастырей тоже немного. Исполняет человек в основном свои обязанности священника, служит — и слава Богу. Нужно благодарить Бога уже за то, что в нашем храме есть пастырь. Но того, чтобы он был высокодуховным человеком, мы, наверное, не имеем права от него требовать; мы должны это потребовать прежде всего от себя. А поискать человека для того, чтобы спросить у него совета, мы имеем право.

— Конечно, в том случае, когда священник выпивал, налицо был объективный факт. А если ситуация не ясна, сомнительна? Скажем, у одного или даже нескольких прихожан возникают подозрения, что священник уклонился от верного направления; что, может быть, он в чем-то чересчур строг или в чем-то отошел от православных взглядов, но на деле они не могут в этом убедиться. Что тогда делать?

— Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что можно по действию бесовскому увидеть своего старца впавшим в грех. Как пишет святой Симеон Новый Богослов, у дьявола самая первая задача — отлучить паству от пастыря, внушить пастве, что их пастырь — недостойный доверия человек, для того, чтобы потом эту паству погубить. Нужно это знать и тому, что нам кажется, не верить. Другое дело — факты, если они достоверны. Если они действительно подтвердятся и все убедятся, что пастырь не на высоте, то его все равно нужно терпеть как священника, — может быть, он и исправится, вразумится. А обращаться за духовным окормлением можно к другому пастырю.

Кстати, в «Номоканоне» (это один из сборников церковных законов Патриарха Фотия), говорится, что от рук пастыря, грешащего смертными грехами, не должно принимать Таинства. Но если священник канонически не запрещен Церковью в служении и совершает Таинства, то они действительны. Святитель Иоанн Златоуст говорит, что кем бы пастырь ни был, если он не под запретом, если епископ позволяет ему священнодействовать, то Таинства совершаются. А если мы будем осуждать такого человека, то, принимая от него

Таинства, будем постоянно погрешать. Тогда лучше пойти в другой храм.

Это совет, и канон об этом нам свидетельствует. Однако, в каждом случае нужно поразмыслить, что это за пастырь, какие у него немощи и насколько они терпимы. В крайнем случае, как говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), чем жить в монастыре и осуждать всех там живущих, лучше перейти в другой монастырь или вообще уйти из обители. Так и мы можем просто перейти в другой приход.

И не надо сор из избы выносить, не надо рассказывать о том, что кто-то «не такой». Тем более, что тот, кто кого-то осуждает, впадает потом в те же самые грехи, а иначе и не бывает, как об этом говорит святой преподобный Иоанн Лествичник. И, кроме того, где гарантия, что то, что мы увидели в пастыре, есть на самом деле? Вдруг нам это только кажется? Как велик тогда грех, если нам что-то показалось, и мы начали это разносить по всей округе.

Соединяют добродетели

А если в общине собрались люди разных взглядов, то каким образом и как скоро устанавливается единомыслие, и не получается ли это искусственно, под давлением священника, который, естественно, является авторитетом?

— Иногда это бывает искусственно, особенно если батюшка несколько переусердствует. Также это бывает среди новоначальных, среди неопитов, которые, еще не зная глубины духовной жизни, как маленькие

дети начинают подражать, начинают играть в старцев, в учеников, в постников, в подвижников. Это, как правило, со временем проходит, особенно если пастырь не поощряет таких настроений. А вообще от каждого человека зависит, насколько он усваивает учение Православной Церкви и учение Святых Отцов, насколько он постигает глубину Евангелия, насколько он стяжает благодать Духа Святаго.

Каждый человек — личность, и особенно сугуба эта личность в Боге, поскольку Бог бесконечен. И в Боге личности все очень разные и очень красивые. И по мере стяжания каждым человеком духовности люди в Боге объединяются. У преподобного Аввы Дорофея есть такое сравнение: мир — это круг; центр этого круга — Господь, а радиусы, идущие к этому центру, — люди; и чем ближе люди к Богу, тем ближе они друг к другу. Поэтому, насколько люди духовны, настолько они и близки, настолько они единомысленны, единокорны, любят друг друга, помогают и заботятся друг о друге. Вполне естественно, что это зависит от духовности каждого человека. Поскольку ученик не может быть больше своего учителя, то, конечно, очень многое зависит и от пастыря, но пастыря мы в общем-то выбираем сами.

— Отец Сергий, а ведь бывает так, что человек работает в храме уже, может быть, не один месяц и год, а в духовную общину так и не вступил. Он остается для всех как бы чужим, отстраненным и даже не замечает того, что рядом с ним — духовная семья, просто ходит в храм, как на работу. Почему это происходит и что посоветовать такому человеку?

— Я думаю, что здесь исключительно вина этого человека. И даже не вина, а, скорее, беда. Ведь для христиан главное — любовь, любовь к Богу и к ближнему. И христиане, находящиеся вокруг него, стараются этим принципом руководствоваться. Естественно, если в храме появляется какой-то новый человек, особенно если он прихожанин этого храма и что-то делает для него, трудится в нем, то, конечно, ему благодарны и стараются к нему хорошо относиться и любить его. Если же человек все время уклоняется от этих уз любви, то это свидетельствует только о его гордости, о его непонимании, о его эгоизме. Видимо, человек ищет чего-то другого, человек сосредоточен на самом себе.

Кстати, есть такие духовные эгоисты, и их состояние можно определить как прелесть. Они заняты исключительно спасением своей души, причем спасение это понимают совершенно неправильно. Скорее всего, они заняты погоней за псевдодуховностью, и это для них главное. А конкретного ближнего, который рядом с ними, и конкретного Христа в этом ближнем с его нуждами они не замечают. Они ставят себе такую псевдоцель и начинают к ней стремиться — чаще всего это достижение какой-нибудь сердечной молитвы или каких-то высот, какого-то делания.

Что такому человеку делать, я даже не знаю. Потому что, как говорит святой преподобный Иоанн Лествичник, от гордости человека может избавить только Господь, а люди тут, к сожалению, помочь не могут. Один из преподобных Отцов сказал, что если человек укоряет сам себя, он пребывает мирен на всяком месте. Причины каких-то неурядиц он ищет прежде всего в

себе самом, и значит, он будет мирен со всеми людьми, со всеми трудностями, которые его постигают.

В любом храме есть праведные люди, и их достаточно много, их нужно только заметить. Надо постараться вступить с ними в общение, начать что-то спрашивать у них, покориться этим людям, покориться их мнениям. Кроме того, всегда нужно стараться сделать что-то доброе для тех, кто находится рядом с нами.

Мы делаем наше дело, выполняем наше послушание для храма, для Бога, но вокруг нас люди, для которых, собственно, этот храм существует, и нужно для каждого человека постараться что-то сделать. И тогда, конечно, эти люди ответят любовью, тоже что-то постараются для тебя сделать. И вот уже две души соединены, потому что каждый для другого что-то делает и так они объединяются.

— А может быть так, что в храме все или почти все разобщены, то есть единой духовной семьи нет, и люди работают там, как в светском учреждении?

— Думаю, что в храме это невозможно. Я в разных храмах бывал, по милости Божией, с девятнадцати лет работаю в церкви, начинал еще псаломщиком. Разные были храмы, разные там были люди, и порой были очень суровые бабушки. Но все равно в каждом храме есть свои праведники, и вокруг этих праведников собираются люди, общаются друг с другом, особенно если храм находится в сельской местности. Там все друг друга знают, все выросли в одной деревне, в горелки вместе играли в свое время, так что отношения в храме дружеские. Там людей соединяет не только духовная жизнь, но и родственные узы, и просто то, что они вместе работали.

А если кто-то оказывается в одиночестве, это говорит о том, что этот человек далеко не благополучен в духовном отношении. И кроме него самого вряд ли кто-то сможет ему помочь, разве что найдется какой-нибудь очень искусный, любящий пастырь, который сумеет как-то согреть его теплом своей любви, растопить лед своим смирением и терпеливым с ним обхождением. Все-таки, священник — это лицо, к которому испытывают наибольшее уважение, которое почитают. В Церкви так установлено, и поэтому некий кредит доверия к священнику уже существует просто потому что он батюшка, потому что в нем благодать, хотя, может быть, он еще себя и не проявил никак. Если он сумеет этим кредитом доверия воспользоваться, то спасет эту душу.

— *А если человек, напротив, все силы своей души и все свое время посвящает храму — не будет ли это эгоизмом по отношению к близким или к друзьям?*

— Думаю, что люди малоцерковные, нецерковные обязательно сочтут его эгоистом, потому что они ждут от него отдачи на сто процентов, а он делит свое сердце между ними и храмом, Богом, прихожанами этого храма. Это с их стороны своего рода ревность, и в общем-то это нормально. Думаю, каждый христианин должен быть к этому готов и, наверное, уже с этим сталкивался.

Ничего тут не сделаешь. Тот, *кто хочет быть другом миру, становится врагом Богу* (Иак. 4, 4). Еще апостол сказал: «Если бы я человекам угождал, то не был бы Божиим рабом» (Гал. 1, 10). Поэтому, с одной стороны, никоим образом нельзя обижать людей, которые рядом с нами: наших родственников, наших

близких, просто людей, с которыми мы оказались вместе на работе, на одной лестничной клетке. Ни в коем случае нельзя их обижать, их тоже нужно любить, это тоже наши ближние. А с другой стороны, каждый раз нужно размышлять: пойти ли в храм или поехать с родителями на дачу убирать картошку.

Особенно это касается постов. По-моему, какую пищу есть — личное дело каждого человека. Поэтому, если мама обижается на то, что вы не едите борщ с мясом, думаю, надо немного потерпеть. Из своего опыта скажу, что моя мама тоже обижалась, а потом просто привыкла — не сразу, конечно, а через несколько лет — и даже потихонечку стала готовить для меня что-то постное. Бывает и другая крайность, — когда человек начинает ходить в храм и все остальное забывает. Забывает свои обязанности, забывает то, что у него дети или престарелые родители. Это особенно свойственно новоначальным. Конечно, пастырь должен эту крайность обличить и вразумить человека, чтобы он и Бога не забывал, но и ближних своих тоже не забывал. Потому что тот, кто не заботится о своих и особенно о домашних, тот хуже неверного и отрекся от веры (1 Тим. 5, 8).

Приходская жизнь и окружающий мир

Любой мирянин за пределами своего храма, неизбежно соприкасается с окружающей культурой, прежде всего — светской. С другой стороны, порой

сам христианин нуждается в каком-то отдыхе: ведь обыкновенному христианину, не святому, невозможно молиться непрестанно. Что из области культуры допустимо и даже может быть полезно при правильном употреблении, а что нужно сразу исключить?

— Думаю, что культура все-таки от Бога. Есть такие понятия: «национальная культура», «национальные традиции». Есть языческая культура и есть культура национальная — это разные вещи. Есть христианская культура, духовная культура. Все время пребывать в молитве, в чтении духовных книг сейчас, наверное, не сможет и монах. Любому человеку, тем более мирянину, необходим некоторый отдых. Поэтому и литература, и искусство — изобразительное искусство и музыка — в жизни христианина допустимы. Но в какой мере допустимы — это, наверное, определяется духовным уровнем человека, его духовными запросами.

Светская культура душевна. И я не скажу, что допустимо иметь дело только с классикой. Есть чисто развлекательная, так называемая массовая культура. Я думаю, что там тоже можно найти то, что негреховно. Народные песни, вообще народное искусство — это собственно говоря пример безгрешной народной культуры, которая некогда была массовой. Сейчас культура другая. И классика далеко не вся безгрешна. Вот Вы учились в университете, наверное, далеко не все, что вам преподавалось, являлось образцом целомудрия, нравственности, духовности, морали?

— *Вообще, большинство произведений классической литературы — это «романы», по крайней мере, мотив плотской любви (как правило, несчастной) в*

них преобладает. Если человек хочет жить жизнью духовной, молитвенной, для него такое чтение бывает небезвредно. Святитель Игнатий (Брянчанинов) указывает, как вредно для души, если человек развил в себе чувства, которые вызывают романы, и живет ими. И хотя в вузах изучается и творчество благочестивых русских писателей, знатоков души человека и народа, можно сказать, пророков Ф. М. Достоевского и Н. В. Гоголя, в программу входят и по-настоящему развратные книги, которые студент обязан прочитать и не может от этого уклониться. Например, «Монахиня» Дидро — настоящая литературная порнография, которую невозможно читать. Думаю, что многие студенты и не знали о таких грехах, которые там описаны, и в советские времена изучение такой литературы имело целью атеистическую пропаганду. Или «Похождения бравого солдата Швейка» — ведь все это так называемая классическая литература.

— Вы правильно заметили, что эти романы принадлежат в основном западным — католическим и протестантским — писателям. Их отношение к религии, к христианской морали, к вере несколько иное, чем у православных писателей, у наших русских писателей — по крайней мере, у тех, кто воспитан на православной христианской культуре. Я не знаю ни одного значительного атеистического произведения у русских классиков.

Есть, например, Максим Горький, который, кстати, в Бога верил, но в общем-то был, по нашим понятиям, еретиком. Но даже он не дерзал писать такие гадости, какие писали иные западные писатели. Причина в

том, что католицизм действительно довел мораль до такого плачевного состояния, и западные писатели порой правдиво отображали то, что было в действительности.

Есть замечательное высказывание Александра Сергеевича Пушкина. Он говорит, что насколько католическое духовенство преуспело в том, чтобы дискредитировать христианство, низложить, разложить его, настолько служение православного духовенства оказалось для нашего народа благотворным. Поэтому, конечно, русская литература — благодатная литература. Если человек православный, то стремление к Богу этот человек выражает во всем. И даже если писатель считал себя не очень религиозным человеком, его искания как художника были глубоко духовны, как например, у Тургенева. Да те же художественные произведения Толстого! Одно дело — его еретические философские произведения, другое — Толстой как художник. В его художественных произведениях есть поиск Бога, хотя есть и противление Богу.

Я не скажу, что Толстого обязательно надо читать. Но есть замечательные русские классики, и многие из них несправедливо были забыты в советское время. Например, Александр Солженицын, Иван Шмелев, Борис Зайцев — это русские классики XX века, которых даже полезно читать христианину. Есть византийская литература, балканская — все это неплохо.

Есть хорошая мемуарная литература, причем особенно полезна та, которая повествует о трагедии русского человека, произошедшей в начале XX века, о временах репрессий, о второй мировой войне, о так называемых «предателях»-власовцах, которые на

самом деле просто были поставлены в такое положение. Есть много произведений о гражданской войне, о героях России, которые проливали свою кровь в борьбе с большевиками за лучшее будущее, за Святую Русь. И все это, думаю, полезно — по крайней мере, допустимо — читать христианину.

Теперь о музыке. Не думаю, что вся современная музыка, в том числе западная, отрицательного свойства, хотя почему-то принято всю ее считать чем-то плохим. Есть, например, такая современная группа, как «Pink Floyd». Одна моя хорошая знакомая говорит, что хотя эта музыка и исполняется на современных инструментах и в общем-то является рок-музыкой — по крайней мере, сами музыканты так считают, но, тем не менее, она строится вполне по канонам музыки классической. И человек, который ее слушает, тоже проникается какими-то высокими чувствами. Я не говорю, что вся современная музыка хороша, но в ней есть шедевры, которые просто нельзя отрицать.

А по поводу отдыха и воспитания детей скажу так. Есть прекрасные русские сказки, есть прекрасные книги русских писателей, есть прекрасная народная музыка, есть неплохая современная музыка, есть художественная культура — все это допустимо. Но допустимо, конечно, в определенных рамках. Для христианина главным должен быть Бог, молитва, святоотеческие писания и, конечно, его духовная жизнь. И душевная жизнь должна быть подчинена духовной, все должно быть подчинено спасению души. *Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мной* (1 Кор. 6, 12).

Глава 5

Пустите детей приходить ко Мне

Грехи по наследству

Дети всегда расплачиваются за грехи своих родителей, а крестники несут ли такую ответственность за грехи крестного отца или крестной матери?

— По словам святителя Иоанна Златоуста, каждый отвечает за свои собственные грехи. В Ветхом Завете написано, что когда евреи ходили по пустыне, проявляя нечестие, неверие в Божии чудеса, то Господь через Моисея возвестил им, что за такое неверие до седьмого рода будут прокляты неверующие. Но святитель Иоанн Златоуст говорит, что это относилось только к данному случаю, а вообще каждый отвечает за свои грехи сам.

Дети отвечают за грехи родителей вот в каком смысле. Дети теснейшим образом связаны с родителями. Во-первых, они наследуют пороки родителей чисто генетически. Мы знаем, что у пьяницы дети тоже склонны к пьянству. Но ведь наследуются и свойства характера родителей. Поэтому дети человека благочестивого склонны к благочестию. Святитель Игнатий (Брянчанинов)

говорит, что пороки заразительны: целые народы могут быть заражены пороками и передают это дальше своему потомству. А есть народы благочестивые. Дети наследуют благочестие своих родителей и умножают это благочестие в своей жизни. Кроме того, очень большое значение имеет воспитание. Человек, родившийся в благочестивой семье, с детства пребывает в храме. Родители носят его в храм, причащают, говорят ему о Боге, научают истинам веры, воспитывают в христианском духе, и это их заслуга.

Другое дело — человек, родившийся в неверующей, безбожной семье. Родители тоже пытаются его воспитывать, но они сами пребывают в неведении. И не могут воспитать его в благочестии, потому что сами нечестивы. Конечно, Господь, каждого призывает ко спасению. И в нечестивых семьях порой вырастают благочестивые дети, которых Господь Сам приводит к познанию Истины. Рождение и воспитание — вот что влияет на ребенка. А какой-то механической зависимости, так что: родился ребенок, и грехи, которые совершили его родители, все лежат на нем — здесь нет.

Что касается крестных родителей, то думаю, они отвечают за своих крестных детей в том случае, если нерадят об их воспитании. С другой стороны, преподобный Амвросий Оптинский говорит, что надо реально смотреть на вещи, что в наше время крестные редко имеют возможность воспитывать своих крестников, и достаточно того, что они будут молиться за них. Поэтому не надо отказываться если вас просят быть крестным. А если родители не позволят вам воспитывать ваших крестников, то они за это ответят.

Преподобный Марк Подвижник говорит, что есть общение людей в добре, а есть общение людей во зле.

Что такое общение в добре? Когда вы делаете другому человеку что-то доброе, то как бы берете на себя часть его грехов, в том смысле, что вы облегчаете его жизнь. Спаситель взял на Себя наши грехи и вознес их на Крест. Он добровольно пожелал пострадать за людей, верующих в Него, чтобы они спаслись. Так и мы, если делаем человеку что-то доброе, любя его, желая ему добра, берем на себя часть его грехов. Это в некотором смысле, уподобление Спасителю.

А есть общение во зле. Например, если один человек обижает другого, он берет на себя часть грехов обижаемого, потому что заставляет страдать другого человека. Этим страданием очищаются грехи того человека, и чисто мистически на обидчика перекладывается часть его грехов. Я даже встретил в одной из духовных книг мнение, что на убийцу переходят все грехи убитого им человека. То есть, за все грехи убитого наказан Богом будет убийца.

— *Что сказано в Евангелии и в Ветхом Завете об ответственности родителей за детей?*

— В Ветхом Завете рассказывается то, что произошло со священником Илием, у которого было двое детей, также священников: в Ветхом Завете это передавалось по наследству. Он воспитывал их недостаточно строго. И когда сыновья Илия выросли, они стали совершать многие нечестивые дела: обворовывали и обижали людей, совершали насилие над женщинами прямо около жертвенника. А он, будучи стар, и уже упустив время, когда их нужно было воспитывать, пытался их увещевать, но никак не наказывал и не проявлял твердости. За то, что он не воспитал их должным образом, был наказан и он сам, несмотря на святую и праведную жизнь, и его сыновья были

убиты филистимлянами. Илий, узнав об этом, упал, сломал себе спину и умер (1 Цар. 2–4).

Но он был наказан Богом в этой временной жизни, а не в вечности и, судя по всему, его праведная жизнь была принята Богом. Конечно, имея таких детей, он много страдал. А дети, поскольку не покаялись, обрели вечную погибель. Этот пример всегда приводится в напоминание о том, что родители обязаны воспитывать своих детей, что они ответят за это перед Богом. Достаточно много говорится о воспитании детей и об ответственности родителей в книге Притчей Соломоновых, и в других книгах Ветхого Завета. В Новом Завете мы читаем, что женщина *спасется через чадородие* (1 Тим. 2, 15). Но это надо правильно понимать: женщина не только должна родить детей, она прежде всего должна их воспитать. И дети должны почитать родителей, и родители отвечают за своих детей, потому что должны сделать их христианами.

О воспитании молодежи

Отец Сергей, бывая у Вас в храме, всегда приятно удивляешься такому множеству молодых лиц. Немыслимо, чтобы у Вас бабушка грубо отругала кого-нибудь за неправильно поставленную свечку. Поэтому было бы интересно узнать, как Вам удалось собрать в храме столько молодежи, как началось Ваше общение с молодежью.

— Это общение началось тогда, когда я стал насельником Оптиной пустыни. С самого ее открытия в 1988 году туда приезжало много молодых людей. Бог,

вера, Церковь — эти понятия в обществе были новыми. К 1988 году открылось всего два монастыря: мужской — Оптина пустынь в Калужской области — и женский — Толгский монастырь в Ярославле (немного ранее, в 1983 г., в Москве был открыт Свято-Данилов монастырь) — и к нам ехали отовсюду, часто чтобы просто посмотреть.

Среди братии в основном были люди молодые. Костяк составили братья из Троице-Сергиевой Лавры, которых привез наместник, архимандрит Евлогий (Смирнов), ныне архиепископ Владимирский и Суздальский. Паломники тоже процентов на шестьдесят были молодые люди и девушки. Это были хорошие, чистые юные души, любители истории Отечества, люди ищущие. Они приезжали с намерением потрудиться, пожить при обители, пообщаться с братией монастыря, получить ответы на сокровенные вопросы, побывать на богослужениях. Многие принимали святое Крещение и потом снова и снова посещали обитель.

И, что интересно, приезжали не только из России. В Оптиной мне пришлось познакомиться с молодыми поляками, представителями Молодежного православного движения Польши, Польской Православной Церкви. Совершенно удивительные люди: такие юные, ищущие высокого, светлого, стремящиеся к духовной жизни. Они приезжали в Оптину не один раз, мы достаточно близко с ними общались. Польское Молодежное движение существовало уже не первый год, поскольку коммунизм в Польше удалось разрушить раньше, чем у нас; да и при коммунистах как католическая, так и Православная Церковь там имели

некоторую свободу. Поэтому у этих молодых людей дело было уже вполне поставлено и был опыт.

Общение участников движения проходит в виде съездов польской молодежи в православном женском монастыре на горе Граборка, куда сходятся многокилометровые крестные ходы. Летом также организовывались молодежные лагеря, съезды. Все это очень интересно, и поляки с большим воодушевлением рассказывали об этом. Кстати, многие из этих молодых людей сейчас уже стали священниками, и сам Первостоятель Польской Православной Церкви Высокопреосвященный Савва тоже прошел через Молодежное движение.

Как они рассказали, в молодежном лагере обязательно бывает священник, утро начинается с молитвы, с богослужения. Потом — какие-то дела, обед, а вечером даже бывают танцы. Я удивился: «А танцы-то зачем?» Ребята объяснили: «Батюшка, понимаете, мы живем в окружении католиков, и для нас, православных, практически единственная возможность познакомиться, чтобы создать семью, — это Молодежное движение. Наше движение имеет смысл уже потому, что помогает создать православную семью, сохранить общение с единомышленными людьми. В конечном итоге позволяет сохранить православную диаспору. Когда ты один в католическом окружении, существует большая опасность потерять веру. А когда мы собираемся вокруг прихода, в общине, в молодежном лагере, то мы вместе. Вера становится крепче, потому что видишь пример людей, которые исповедуют Православие и живут добродетельно».

— Наверное, и скауты приезжали в Оптину пустынь?

— Да, приезжали и скауты. Тогда движение скаутов только начиналось. Почти все вожаки скаутского движения побывали в Оптиной, познакомились и начали объединяться и что-то создавать. Теперь они продолжают свою деятельность, получив благословение священноначалия. Россия получила свободу в 90-е годы. В конце 80-х еще считалось, что у нас коммунистический режим, но люди уже начали пробуждаться, начали возрождать забытые традиции — кто как мог. Приезжали и казаки, тоже в основном молодые люди. Тогда шла война в Приднестровье, и многие из них прошли через этот военный конфликт. Некоторые обрели веру именно там, в боевых действиях, защищая русских.

— *Известно, что на Западе среди православных работа с молодежью поставлена намного лучше, чем у нас, в России, где она всячески запрещалась. В годы гонений и в годы застоя общение священника с молодежью было очень ограничено, жестоко преследовалось. Откуда у российской молодежи появился интерес к Оптиной пустыни?*

— Это, конечно, удивительно. С другой стороны, я сам начал ходить в храм тоже еще будучи молодым человеком: мне было 18 лет. Это было в конце 70-ых. Нельзя сказать, что в храмах тогда было много молодежи, но все же молодые люди и девушки пели на клиросе, юноши пономарили, помогали в алтаре, просто приходили молиться. В каждом храме складывался свой молодежный коллектив: молодые люди знакомились, вместе молились, общались друг с другом, ходили друг к другу в гости. В городах их было больше, в сельской местности — поменьше, да и храмов тогда было не много, но вера объединяла людей.

Когда началась перестройка, в некоторых газетах и журналах впервые появились публикации о Церкви не атеистически-ругательные, а рассказывающие об открытии храмов и православных учреждений. Появилась информация и о том, что открылась Оптина пустынь. Юные души потянулись туда, поскольку то, что официально запрещается, преследуется, — а официальной политикой государства был атеизм, — для молодого человека особенно привлекательно. Я думаю, это сыграло определенную роль. Кроме того, народ долго жил без Бога, люди изнывали, изнемогали, потому что сколько можно так жить: пить, гулять, работать, курить, слушать музыку, смотреть телевизор? Молодому человеку, который только вступает в жизнь, это быстро надоедает. Без высоких идеалов невозможно жить ни пожилому, ни молодому человеку, а в молодости это как раз чувствуется особенно остро.

Почему молодые люди пьют или употребляют наркотики? Молодая душа приходит в мир с высокими, благородными идеалами, ищет чего-то чистого, светлого. А когда не находит, когда ничего не открывается, когда сделана ошибка, молодой человек очень болезненно ее переживает, ничем не удовлетворяется. Тогда душа начинает погибать, уничтожать себя через служение греху.

Когда же молодой человек находит истину, он бывает намного более ревностен, чем человек старшего поколения.

— Батюшка, наверное, многие из приезжавших в Оптину пустынь юношей и девушек интересовались монашеством, иначе, наверное, они и не приехали бы в святую обитель?

— Тогда на это была, в хорошем смысле слова, мода. Это было очень популярно. Много было публикаций в СМИ об Оптинских старцах, о старчестве, об Оптиной: они прошли практически во всех газетах и журналах. Это было совершенно ново, никогда раньше такого не было. В Оптину постоянно приезжали разные корреспонденты, разговаривали с братией, брали интервью. Настоятель, отец Евлогий, не считал, что только он один должен говорить за всю Оптину: он достаточно свободно разрешал братии общаться с корреспондентами, поэтому люди узнавали об обители из прессы.

Если у людей и были какие-либо представления о Церкви, о Православии, о религии, то о монашестве вряд ли кто-то вообще что-либо знал. Монашество было чем-то новым, таинственным, удивительным; это привлекало людей, и они приезжали. До Оптиной ведь еще надо было добраться, это недешево, и нужно было приложить определенный труд, но люди ехали и ехали. И, я думаю, обретали то, за чем приезжали.

7–8 ноября, в эти советские праздники, в Оптиной бывало больше всего народу, потому что эти дни были выходными у студентов. Так было в первый, второй, третий год после открытия обители. К 7 ноября мы уже готовились, так как знали, что будет просто столпотворение.

И действительно: людей приезжало столько, что в храме яблоку негде было упасть. Это были исключительно молодые люди и девушки. Ночевали они в храме. Братия беседовали с ними: собирались в кружок вокруг какого-либо инока, иеромонаха или даже

послушника. Братия очень старалась отнестись ко всем внимательно, принять, накормить, ответить на вопросы. Особенно трудился иеромонах Мелхиседек (Артюхин), нынешний настоятель московского подворья Оптиной пустыни в Ясенево. Надо отдать ему должное: он делал все возможное для того, чтобы донести до людей Слово Божие.

Летом молодые люди устраивали рядом с Оптиной лагеря, ставили палатки в лесу, на озере, носящем поэтическое название — озеро Любви. Целое лето там кто-то жил, и братия устраивала беседы и там. Как это происходило? Расскажу про нас с отцом Мелхиседеком; я был тогда рясофорным иноком. Нас или приглашали, или мы приходили сами: как бы гуляли и зашли. Я сажусь где-нибудь около костра, спрашиваю: как дела, как жизнь. Там, где молодые люди и девушки, как правило, есть гитара. Беру гитару, что-нибудь бренчу: когда-то в юности немного умел играть, хотя к тому времени уже разучился; петь, правда, не решался. Это вызывает интерес, молодые люди никак не ожидали, что человек в подряснике может играть на гитаре, да еще что-нибудь из “Beatles” или “Deer Purple”. Начинались вопросы, и беседы длились подолгу, порой за полночь, уже и костер успевал истлеть.

И меня поражали вопросы этих молодых людей: живые вопросы живых, ищущих душ. От людей более старшего возраста таких вопросов я не слышал. Мне это было очень интересно, очень близко. Вопросы были на самые разные темы; то есть ребята поняли, что со священником, с монахом, с насельником монастыря можно говорить на любые темы, что запретных вопросов в Церкви нет. Церковь имеет свой взгляд на

всевозможные проблемы, и это действительно руководство к жизни. Потом некоторые изъявляли желание принять Крещение, молились за богослужениями, некоторые причащались, исповедовались.

Поскольку тогда я еще не имел священного сана, продолжать общение с этими молодыми людьми находил не уместным, да и сомневался в том, что могу сказать что-то хорошее и что эти мои усилия принесут плоды. Потом я даже каялся как в грехе в том, что, когда надо было бы молиться, общался с людьми, по страсти учительства проповедовал.

Но позже, когда я стал настоятелем Московского храма, приезжали люди и благодарили меня за то, что на тех беседах у костра, когда я играл на гитаре, а потом говорил о Боге, они впервые слышали слово Божие. Подобных случаев было несколько. Например, однажды по делам книжной торговли приехали молодые люди и девушки из Нижнего Новгорода, из одного православного братства, и оставили для меня записочку. В ней было написано: “Батюшка, помните такой случай: Вы пришли, поиграли нам на гитаре, мы с Вами поговорили. Потом Вы ушли и, конечно, не знали, что после этого разговора несколько человек из нас приняли Крещение и стали ходить в храм, а один юноша сейчас уже оканчивает семинарию. Мы даже не ожидали и не думали, что так может быть”.

Тем более, я этого не думал. Но еще с того времени молодежь меня особенно привлекает; а потом я прочел в творениях святителя Игнатия (Брянчанинова), что в пожилом возрасте человек уже не способен к послушанию, он уже не имеет этого навыка, у него свои взгляды и мнения, с которыми ему тяжело расстаться.

А для того, чтобы оказывать послушание, нужно отказаться от многих своих мнений, а человеку в годах это уже трудно. Поэтому наиболее — если можно так сказать — перспективные в духовном отношении иноки — это те, кто пришел в монастырь лет в двадцать, потому что юная душа наиболее способна к послушанию. Это как чистый лист бумаги, на котором можно писать словеса Божии.

И дальнейший мой опыт общения с людьми, с паствой, с прихожанами дал мне убедиться в том, что с молодыми людьми гораздо проще: их не надо переубеждать, заставляя; сказали — они, исполняют, ревностно стремятся делать то, что им говоришь. А вот человека в годах нужно сначала убедить, объяснить ему, почему нужно сделать именно так, а не по-другому; у него уже сложилось свое мнение, свое понимание. И все это создает больше трудностей.

Кроме того, я понимаю, что я человек еще сравнительно молодой, а когда я принял священный сан, мне было тридцать лет. И хотя сейчас мне сорок, тем не менее, для большинства прихожан я еще молодой человек. Для людей более старшего возраста нужен и священник более солидный, лет пятидесяти-шестидесяти. Слово такого пастыря будет выслушано ими с большим уважением. А мне, в силу моего возраста, более близко общение с молодыми людьми, да и им общение с молодым священником более понятно.

— Отец Сергей, я знаю, что многие из тех, кто сейчас работает в Вашем храме, приезжали к Вам в Оптину пустынь и сейчас являются вашими духовными чадами. Как складывалось общение с ними?

Как возникли отношения, более серьезные и длительные, чем те беседы у костра?

— Это общение относится уже к тому периоду, когда я принял священный сан, стал иеромонахом. Я был еще молод, но меня рукоположили, я считаю поэтому, что не хватало священников, а не почему-либо еще. Пришлось сразу принимать исповедь. Это весьма серьезное дело, и, например, в Троице-Сергиевой Лавре далеко не всякого иеромонаха допустят совершать это Таинство. А в Оптиной все были молодые, народу не хватало, и поэтому мне, человеку в общем-то неопытному, пришлось исповедовать.

Вот тогда стал складываться круг молодых людей и девушек, которые приезжали постоянно, — обычно из Москвы, но и из других городов тоже. Я очень удивлялся: когда человек один раз пришел на исповедь, это понятно, но если он потом специально приезжает из Москвы или Нижнего Новгорода — это мне было даже не совсем понятно. Люди почему-то ехали, просились в духовные чада. Я им отвечал: “Простите, я еще очень молод и не вижу в себе сил кем-то руководить”. Тем, кто жил в Москве, я советовал обращаться в Троице-Сергиеву Лавру. Но они почему-то отходили разочарованные, и, как я понял, до Лавры не доезжали, а предпочитали опять ехать в Оптину.

Тогда я считал, что нехорошо прогонять людей, и надо, по крайней мере, отвечать на их вопросы: это мой долг как священника. Те, кто ко мне обращался, привозили с собой друзей, или уже крещеных, или желавших принять Крещение. А крестить было как

раз моим послушанием, и многие из тех, кого я крестил, тоже начинали ко мне приезжать. И постепенно сложился круг людей, которые приезжали специально ко мне. Я бы не сказал, что их было много, но несколько десятков набралось.

Затем меня перевели служить в Москву, на подворье Оптиной пустыни, и те, кто ко мне обращался, стали приезжать сюда. Потом я стал настоятелем храма Сошествия Святого Духа на Лазаревском кладбище, и так сложился наш приход. По большей части он состоит из людей, знакомых со мной не один год.

Вот типичная история о том, как приходят в наш храм. Недавно в нашем приходе рукоположили в дьяконы молодого человека, которому сейчас двадцать пять лет. Познакомились мы с ним в Оптиной, когда я был еще иноком, а ему было четырнадцать лет. Помню, приехал молодой человек, длинноволосый, с длинным шарфом до пола, с вышитым на нем пацификом*. У меня было послушание библиотекаря, и он пришел ко мне в библиотеку. Мы потихонечку разговаривали о разных предметах.

Несмотря на такой юный возраст, несмотря на то, что он был не из церковной семьи, юноша стал приезжать достаточно часто. Даже выходные дни, хотя он учился в школе, он проводил в Оптиной пустыни, а жил он в Калуге, откуда нужно было еще доехать. И конечно, каникулы он всегда целиком проводил в Оптиной. Затем он стал привозить друзей и одноклассников, пытаясь как-то приобщать их к вере, к Церкви. Я

* Пацифик — значок сторонников пацифизма, отрицающих войну во всех ее видах.

давал этому юноше книги, а он давал их почитать у себя в школе.

Так началось наше общение. Окончив школу, юноша уехал в Екатеринбург учиться в институте; после окончания института поступил в аспирантуру. В этом городе он тоже много трудился при храме: возглавлял воскресную школу, был пономарем и чтецом. Все свободное от учебы время проводил в храме. На каникулах приезжал ко мне, останавливался у нас при храме, и наше общение продолжалось. По окончании аспирантуры он женился здесь, в Москве, я посодействовал его рукоположению, и теперь он клирик нашего храма, один из первых моих помощников.

— *А много ли приезжало в Оптину молодежи, стремящейся к монашеской жизни?*

— Как это ни удивительно, много, — несмотря на практически полное отсутствие книг, несмотря на то, что достаточно трудно было увидеть примеры благочестия, поскольку монастырей при советской власти, при Брежневе было всего шестнадцать. Это сейчас их уже около пятисот. И кроме давления со стороны государства, монастыри ожидать ничего не могли.

Тем не менее, приезжали десятки и даже сотни молодых людей и девушек, которые действительно искренно стремились к монашеской жизни. Очень многие молодые люди просились остаться в Оптиной, но отбор, надо сказать, был строгий. Потом стали открываться другие обители, и люди ехали уже в свои епархии. Девушки направлялись в Шамордино, некоторые там оставались, другие ехали еще куда-нибудь, кто-то считал себя пока неготовым. Я даже не ожидал

увидеть такое количество молодежи, стремящейся к монашеской жизни.

— *Отец Сергей, известно, что на последнем Архиерейском Соборе было принято решение создать особый отдел по работе с молодежью. Что Вы об этом скажете?*

— Думаю, что такая необходимость уже давно назрела, по той причине, что жизнь очень сильно меняется. Молодое поколение — это особая психология, особая культура, особые отношения между людьми. Требуется разговор на их особом молодежном языке. Я не имею в виду сленг, но хочу сказать, что у молодежи немного иное по сравнению со старшим поколением восприятие жизни. Юноша, с одной стороны, уже далеко не ребенок, а с другой стороны, еще и не взрослый человек. Нужен особый талант, чтобы общаться с молодежью и проповедовать молодежи, и им немногие обладают. Так же, как нужен талант учить детей основам религии и православной веры. Я, например, как монах, своих детей никогда не имел, и когда ко мне обращаются с вопросами о воспитании детей, я обычно направляю людей к белым священникам. У них есть дети, которых они вырастили и воспитали, они имеют опыт. Можно много книг прочитать, но нужно иметь живой опыт общения.

Молодой человек — это уже формирующаяся личность; у него уже свои взгляды, он начинает думать, размышлять, критически воспринимать обращенные к нему наставления, советы старших. Поэтому здесь нужно уметь как-то очень тонко подойти к душе молодого человека, чтобы его не обидеть, не задеть, не начать учить менторским тоном, поучать — это очень отталкивает молодежь, — а говорить, скорее, на равных,

на таком языке, чтобы тебя поняли, чтобы тебя приняли как одного из товарищей, причем авторитетных.

Есть такое понятие: лидер группы, то есть человек уважаемый в какой-либо социальной группе. Если такой человек будет навязан извне, он не будет обладать тем авторитетом, каким обладал бы, если естественным путем появился внутри этой группы. Как правило, лидером бывает сверстник, но имеющий такие качества, которые привлекают к себе сердца остальных членов этой группы. Священник, который проповедует молодежи, должен это понимать. Там недопустимо учительство свысока.

Существует такой богословский труд: “Об искусстве общения”. Обладать этим искусством особенно важно для пастыря, потому что к каждой душе нужно подходить индивидуально, а к душе молодого человека нужно подходить с особенной чуткостью. Одно лишнее слово может привести к тому, что эта хрупкая душа сломается, восстанет против того, что ты говоришь. Молодому поколению, особенно современному, свойственен бунт, резкое неприятие всего, что кажется фальшивым. Это естественно, ничего плохого в этом нет, и не надо за это упрекать. Все мы бунтовали в свое время. Но о Христе надо суметь рассказать так, чтобы это не вызвало бунта.

Приведу несколько нетипичный пример. Как известно, у хиппи был лозунг: “Христос был первый хиппи”. Кто-то может воспринять это как кощунство. Но на самом деле это говорит о том, что для хиппи идеалом был именно Христос — не Будда, не Магомет, не Конфуций, — что это были во многом идеалистичные и романтические души, и никто другой, как Христос

был для них уважаемой Личностью. В Евангелии, в проповеди Евангелия они увидели что-то близкое себе.

В этом движении — что бы о нем ни думали и ни говорили — достаточно много было христианских мотивов. Конечно, я не хочу идеализировать хиппи, не хочу сказать, что это какое-то особенно светлое, замечательное явление. Но такое явление было, и оно все-таки проходило под знаменем христианства, и христианские, евангельские идеи оказали на него свое влияние.

Этот пример я привел в связи с той мыслью, что необходимо уметь донести до молодых людей какие-то истины. Помните, как святой апостол Павел начал свою проповедь в Афинах: *Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны, потому что у вас жертвенники многих богов.* Но боги-то были, извините, рогатые. Однако апостол так начал проповедь, чтобы не оттолкнуть этих людей. И сказал, что видел храм, на котором написано: “Неведомому Богу”, и что Этого Бога он и проповедует (Деян. 17, 22–23).

Вот этим искусством нужно уметь обладать проповеднику, особенно тому, который общается с молодежью. Очень тонко, очень чутко, очень осторожно нужно подходить к молодой душе.

— *Может быть, Вы, исходя из Вашего опыта, дадите молодым людям некоторые советы, которые могли бы привлечь их к Церкви, дать им правильный настрой?*

— Я не решусь давать советы непосредственно молодым людям, поскольку, как я сказал, воспитывать

молодежь — это особый дар, и я сомневаюсь в том, что им обладаю. Наверное, я мог бы что-то посоветовать родителям подростков 15–16 и 17–20 лет. Может быть, я нашел бы с ними общий язык и смог бы поделиться своим опытом как пастырь, как священник.

— Известно, что многие Святые Отцы людям, обращавшимся к ним с вопросами о воспитании детей, указывали — как это ни покажется удивительным на первый взгляд — на святоотеческие монашеские книги. Святитель Игнатий (Брянчанинов) своей духовной дочери в ответ на вопрос такого рода пишет, что лучшим руководством для нее в воспитании дочери будут поучения аввы Дорофея. Он говорит, что принципы воспитания старцами-наставниками своих учеников должны быть положены в основу воспитания детей родителями или учителями. Что же общего между монашеским воспитанием учеников и воспитанием детей в семье или в школе, и в чем разница?

— Начнем с отличия. Оно заключается в том, что пастырь воспитывает своих духовных чад добровольно, и они добровольно к нему приходят и задают вопросы. Мало того, одна из добродетелей пастыря — не давать советов без вопрошания, то есть пока его не спросят, как заповедуют Святые Отцы. А родители обязательно должны воспитывать своих чад, хотят или не хотят этого чада, да и сами родители: это их обязанность перед Богом.

Здесь снова можно вспомнить приведенный выше пример ветхозаветного священника Илия, который слишком мягко относился к воспитанию своих детей.

Общее в воспитании детей родителями и учителями и духовных учеников пастырями состоит в том, что и священник, и родители, и педагоги прежде всего должны воспитать достойного человека, христианина. Воспитанник должен приобрести добродетели, научиться, общаясь с людьми, нести им свет Христов, свет Евангелия, свет доброй души: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы видя ваши добрые дела, они прославили Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 16).

У родителей есть еще дополнительная задача: они должны привить детям полезные навыки, дать профессию, образование, научить культуре поведения. А священник отвечает прежде всего за духовную сторону воспитания человека. Но эффективным, плодотворным воспитание будет тогда, когда и родители, и учителя, и священник объединят свои усилия и будут вместе трудиться на этой ниве — возделывать сердце молодого человека.

— *Отец Сергей, современной молодежь частоназывают “потерянным поколением”. Молодых обвиняют в массовом пристрастии к наркотикам, чего раньше не было в таких масштабах, в разврате, в меркантильных интересах, в отсутствии духовных ценностей. Говорят, что это вырождающееся поколение, у которого нет будущего. Насколько это мнение имеет под собой почву?*

— Я решительно не согласен с этим мнением и считаю, что сейчас просто такая мода — ругать молодежь. Вместо того, чтобы обвинить себя, увидеть свои грехи, свои ошибки, начинают во всем обвинять молодежь. Молодежь такая, какой ее воспитывает старшее поколение.

Я думаю даже, что процент наркоманов среди молодых сильно преувеличен; эту опасность раздувают с определенной финансовой целью. С другой стороны, ее нельзя недооценивать. Но чего же еще ждать от бездуховного общества? Когда у людей отнимают Бога, вакуум, естественно, заполняется грехом, заблуждением, неким современным язычеством.

Но я верю в современную молодежь, как и вообще верю в человека, в лучшие, добрые стороны русских людей. Я знаю другую молодежь: многих юношей и девушек, которые действительно стремятся к Богу, которые смысл своей жизни видят в поисках Бога, в поисках истины. Их отталкивает грех во всех его обликах и проявлениях. Я знаю очень многих таких молодых людей и потерянным поколением скорее назвал бы поколение наших дедов, отцов, тех, кто вырос при советской власти, у кого отняли веру в Бога, подменили ее неким суррогатом — светлым будущим, коммунистическим мифом и т. п.

— *Батюшка, наверное, о культуре современной молодежи несправедливо судить по тому, что сейчас в подавляющем большинстве показывают музыкальные каналы телевидения? Почему-то, за редким исключением, там представлены самые поверхностные, с примитивными текстами и музыкой, безвкусные вещи, что называется, “попса”, а хорошую музыку с серьезными текстами включают в программу редко.*

— Я бы сказал, что эти передачи, хотя они и адресованы молодежи, но готовятся не молодежью, а людьми более старшего поколения. Я сейчас имею в виду молодежь от двенадцати — четырнадцати, скажем, до двадцати пяти лет. Если бы дали возможность

подготовить передачи этому поколению, я думаю, что оно подошло бы к делу более ответственно. Поэтому тот срез массовой культуры, который представлен на телевидении, на радиоканалах, в действительности не отражает того, чем живет молодежь.

— *Отец Сергей, меня давно волнует такой вопрос: поскольку молодежи всегда свойственны некий протест, симпатия к тому, что гонимо, то сейчас, когда прекращены гонения на Церковь, не будет ли у молодежи восприятия Церкви как чего-то официального, насаждаемого сверху? В средствах массовой информации постоянно присутствуют сообщения о церковных событиях, выступают священники, архиереи. Человек, не знающий церковной жизни, не знающий внутренней стороны, может соблазниться таким, на первый взгляд, “сытым” и благополучным положением Церкви, что в действительности далеко не так.*

— *Все, хотящие благочестиво жить во Христе Иисусе, гонимы будут,* — говорит нам Священное Писание (2 Тим. 3, 12). Если молодой человек действительно пожелает познакомиться с учением Церкви, с ее историей, он откроет для себя много совершенно удивительных вещей. Например, он увидит, что история Церкви — это история святости, а история святости — это история борьбы людей за свои идеалы, это история мучеников, история исповедников, преподобных, святителей, которые опять-таки были борцами за чистоту православия, за благочестие; это история обличителей современных нечестивых нравов.

Если молодой человек действительно пожелает узнать, что такое святость, что такое христианство, он

поймет, что христианство — это ежедневный целожизненный подвиг, подвиг противостояния, борьбы. Поймет, что настоящий христианин как раз не может плыть по течению, поскольку по течению плывет только мертвая рыба. Настоящий христианин — тот, кто обязательно сопротивляется веку сему, хозяин которого веельзевул. Когда молодой человек это поймет, в нем не может не возникнуть симпатии к христианству, к православию и к духовной жизни православного христианина.

— *Но чтобы глубоко познакомиться с христианством, нужно этого очень захотеть, приложить какой-то труд. Кроме того, нужно иметь возможность с ним познакомиться. Что может послужить начальным толчком к тому, чтобы молодой человек ревностно пожелал узнать суть христианства, и как он может это сделать?*

— Это уже пути Божии, пути Его Промысла. *Как небо отстоит от земли, так Мои пути отстоят от путей ваших*, — говорит Господь (Ис. 55, 9). Как Господь уловляет душу человека — это каждый раз тайна. Вначале, как правило, в душе возникает неудовлетворенность своим внешним положением и всей этой материальной жизнью, и желание чего-то высокого, светлого, красивого, мудрого. Человек начинает искать. В конечном итоге оказывается, что это светлое и прекрасное есть Господь.

Это понимается не сразу. Сначала ищущий хочет увидеть это в другом человеке, в частности, как известно, для молодых очень важная сторона жизни — любовь. Святитель Феофан Затворник говорит, что

это вполне естественно, поскольку человек — это самое прекрасное творение Божие, самое высокое, что есть на земле. Но, тем не менее, человек — существо немощное, и ищущая душа все-таки до конца не удовлетворится ни человеком, ничем другим. Может быть, с помощью человека, через человека она поймет Бога, ей облегчится путь к познанию Бога, но пока душа не найдет Самого Бога, она не успокоится.

Жажда чего-то высшего побуждает человека к поиску: он читает книги, ищет людей, которые могут ему что-то рассказать. Сейчас открыты храмы; нужно пойти в храм, подойти к священнику, задать вопросы. Если кто-то стесняется подойти к священнику, то в любом храме сейчас можно встретить молодых людей, интеллигентных, образованных, которых можно расспросить, и, я думаю, *всякий ищущий найдет* (Мф. 7, 8). Рано или поздно каждый ищущий Бога находит человека, который ему расскажет о Боге. И пример этого человека — не столько даже слова, сколько пример его добродетелей — скажет очень о многом.

— *Батюшка, к слову сказать, я знаю интересный случай, когда пример простого сельского пастыря повлиял не только на людей, которые с ним непосредственно общались, но и на многих их знакомых. Мы с моими друзьями тогда уже верили в Бога, но в голове, как говорится, была каша. Например, один из моих друзей, достаточно авторитетный для меня человек, когда мы говорили о православной вере, сказал: “Ну, что сейчас: надеть крестик и ходить? Это будет для меня как-то неестественно”. Он тогда вернулся из армии, поступил в институт, и, как это обычно бывает, студенты поехали в колхоз,*

в глухую деревню. Там был храм, и мой друг еще с одним юношей пошли поговорить со священником. Эта беседа произвела на них огромное впечатление.

После этого, при первой же нашей встрече он сразу стал рассказывать об этом священнике, о том, какие у него удивительно чистые глаза, — таких он больше никогда ни у кого не видел. Потом он много раз ездил к этому батюшке, хотя это было достаточно далеко, впервые там причастился. Постепенно в одной только нашей студенческой группе образовался целый кружок людей верующих, которые поддерживали друг друга на пути к Богу и постепенно стали людьми церковными; также и наши друзья с других курсов, и даже некоторые преподаватели.

Оба молодых человека, которые беседовали тогда со священником, и некоторые их друзья приняли священный сан; моя близкая подруга стала супругой священника, другие девушки уехали в святую обитель. Все это было во многом благодаря батюшке из сельского храма, который сумел раскрыть суть православной веры молодым, вполне современным людям.

— Я тоже расскажу совершенно удивительную историю обращения к Богу одного человека. Однажды к священнику приехал молодой человек и сказал: “Батюшка, я приехал Вас поблагодарить”. “За что?” — удивился священник. “За то, что Вы обратили меня к Богу”. “Как же? Я совсем тебя не помню и не знаю”. “Ну Вы-то меня не знаете, зато я Вас знаю. Я служил в армии, наша часть располагалась недалеко отсюда. В один из воскресных дней я зашел в храм — просто проходил мимо и мне стало интересно. Раньше я

никогда не думал о Боге. В храме совсем никого не было, только один человек пел на клиросе. И вдруг Вы вышли и стали произносить проповедь — в совершенно пустом храме, — меня Вы не видели, потому что я стоял за колонной. Это меня так поразило! Поразили даже не ваши слова, а то, как Вы говорили, и то, что Вы говорили в пустом храме. Я понял, что Вы действительно во все это верите и что, если Вы говорите, даже когда Вас никто не слышит, значит, в этом есть какой-то смысл. Я был глубоко потрясен. После этого я очень о многом задумался, постарался прочитать Евангелие, теперь хожу в храм и приехал специально, чтобы Вас поблагодарить”.

— *Батюшка, как пастырь Вы, наверное, часто сталкиваетесь с таким явлением: церковные благочестивые люди жалуются на то, что, несмотря на все их усилия, их дети отходят от Церкви. Даже те дети, которых родители с младенчества водили в храм, причащали, приучали к молитве, став подростками, почему-то начинают отходить от Церкви. В чем корни этого явления?*

— Действительно, такие жалобы мне как священнику приходится слышать чуть ли не ежедневно. Это большая трагедия для родителей. С одной стороны, это явление в какой-то степени естественное. Когда человек взрослеет, он начинает о многом задумываться, критически оценивать то, чему его учили, и уже сам желает выбрать дальнейший путь. Здесь определяется, с Богом он или его начинает привлекать мир сей. Молодому человеку этот мир кажется неким царством праздника, радости, различных удовольствий. Юноша еще не знает их обратной стороны, платы за

все это, то есть страданий: от молодого человека это сокрыто.

С другой стороны, я считаю, что если дети отходят от Церкви, то в этом всегда есть вина родителей и наставников. И важно осознать свою вину, осознать ошибки, — для того, чтобы их не повторять.

Многие родители сами недавно обратились к Богу. У нас потеряна преемственность, нас не воспитывали благочестивые папы, мамы, бабушки, дедушки. Наше поколение само где-то находило книги, какими-то окольными путями приходило к вере, к Церкви. И многие из тех, кто нашел смысл жизни в вере, тем не менее, не имеют духовного опыта — не только опыта воспитания своих детей в вере, но и вообще опыта воспитания самих себя. Их познания о вере поверхностные, недостаточные для того, чтобы еще кому-то их передать.

Конечно, учить своих детей хотя бы тому, что знаешь сам, это обязанность родителей. Но недопустимо навязывать детям свои взгляды, свое понимание христианства. Для того, чтобы проповедовать, нужно знать предмет проповеди; чтобы учить других людей добродетелям, нужно эти добродетели иметь. Поэтому необходимо смиренно сознавать свое недостойство, свою недостаточность для того, чтобы даже своих детей учить благочестию. И, когда человек будет так смиренно подходить к делу, будет сознавать свои ошибки, он не постесняется попросить у своего ребенка прощение за какую-то грубость, за какую-то педагогическую ошибку. Мне кажется, дети это поймут.

Гораздо больше вредит детям, и особенно подросткам, насилие над ними, когда силой заставляют верить

в Бога, ходить в церковь. Нужно очень тонко искать пути к душе ребенка; нужно сделать так, чтобы посещение храма для него было желанным и радостным. Я не согласен с теми, кто совсем не водит своих детей в храм, считая, что они сами сделают свой выбор, когда вырастут. Это большая ошибка. Хочет ребенок слушать или нет, надо находить слова, находить пути проповеди ему Евангелия. Другое дело, что это нужно делать очень мудро и очень чутко.

— *Что еще Вы посоветуете родителям, стремящимся не допустить отхода ребенка от Церкви?*

— Я опять-таки посоветую им не считать себя истиной в конечной инстанции. До определенного возраста, действительно, и папа, и мама — это источники, через которые ребенок познает мир. Но когда ребенок достигает так называемого переходного возраста, начинает взрослеть, он порой уже критически относится к своим родителям, и тогда уже педагогические ошибки не прощаются. В этот период нужно менять методы воспитания, нужно понимать, что ребенок — это уже личность, и следует считаться с этой личностью, с ее взглядами на жизнь. Необходимо уже более смиренно и снисходительно относиться к брожениям, свойственным юности, с которыми непременно придется столкнуться.

И в такое время очень важно понять своего ребенка, и именно подружиться с ним, установить контакт. Нужно рассуждать не так: “Я твоя мама, и поэтому ты мне должен; я твой папа, и я тебя заставляю”, а так: “Мы все одна семья, я твоя мама, и поэтому я люблю тебя, и, поскольку я люблю тебя, хочу, чтобы ты был

вот таким”. И нужно, чтобы ребенок это понял. Ему нельзя ничего навязывать; необходимо учиться говорить с ним на его языке, попробовать понять его взгляд на жизнь.

Подросток — это не только “производная” семьи, это и “производная” школы и той социальной среды, в которой он пребывает, и улицы, и своих друзей и подруг. Он получает знания о мире, о жизни уже не только дома, но и из просмотра телепередач, и из общения со своими друзьями, которые порой очень далеки от веры. Это факт, хотим мы этого или не хотим. Господь попустил такое положение вещей, которое мы имеем. И не нужно бояться этого. Нужно уметь противопоставить миру и проповеди зла, насилия, лжи, разврата проповедь Евангелия и, прежде всего, благочестивый пример своей жизни.

— *Многие родители вообще запрещают детям смотреть телевизор и порой даже слушать радио. Правильно ли это?*

— Я считаю, что это очень большая педагогическая ошибка. Имело бы смысл запрещать детям смотреть телевизор, если бы семья жила на хуторе, в лесу, где можно было бы только пахать землю, молиться и разговаривать с детьми о вере. Но поскольку дети потом выходят из дома, идут к друзьям, в школу, очень активно общаются со сверстниками, которые все равно живут в этой современной цивилизации, попытки запретить смотреть телевизор обречены на провал. И более того: они приводят к тому, что дети потом идут к соседу и смотрят уже то, что не поддается контролю родителей.

Я считаю, что нужно иметь дома телевизор, а еще лучше — видеоманитфон, чтобы можно было самим

отбирать передачи, и вместе с детьми их смотреть, и таким образом контролировать, что они смотрят.

Я не считаю, что телевидение само по себе — произведение сатаны или что-то вроде того. Это просто мода — ругать телевидение. Но есть очень хорошие передачи, в частности, по каналу “Культура”; есть хорошие документальные и даже художественные фильмы, которые заставляют человека серьезно задуматься над многим.

Хотите вы или нет, современный ребенок, тем более — подросток, юноша, так или иначе входит в эту жизнь, неизбежно сталкивается с этой культурой: слушает музыку, радиопередачи, узнает новости. Так лучше вместе с ним проделать этот путь, вместе с ним войти в эту жизнь, за руку привести его и показать, что в этой жизни истинные ценности, а что — ложные. И действовать нужно не окриком, не запретом: “Это грех, это нельзя”. Пятилетнему, в лучшем случае десятилетнему ребенку еще можно сказать “нельзя”, а вот пятнадцатилетнему подростку так уже не скажешь, ему нужно объяснить, почему нельзя, почему это грех, к каким пагубным последствиям это приведет. Тогда вас действительно будут слушать, уважать, а ваше слово — ценить.

— *А не могут ли какие-то здоровые силы в нашем обществе добиться того, чтобы на телевидении порнографические передачи и фильмы показывались только на определенных каналах, а остальные каналы были полностью от них очищены, как это сделано на Западе?*

— Да, я недавно беседовал с одним русским эмигрантом, живущим в Америке. Он рассказал, что у них

на телевидении непотребные вещи показывают только по определенным цифровым каналам, за отдельную плату. Чтобы их посмотреть, нужно знать код, и дети этого не видят. Если же это будут показывать по центральным каналам, то родители могут просто подать в суд и наверняка выиграют иск. Но, наверное, не нам решать эту проблему.

Я надеюсь, что при новом Президенте Россия выздоровеет, этот процесс уже потихонечку идет, не все сразу. То, что сейчас показывают и рассказывают, это не вина Ельцина или демократов, а наследие коммунизма. То, чем коммунисты развратили нашу страну, сейчас просто вышло наружу: все это давно было, только совершалось тайно, прикрывалось лицемерием, а сейчас совершается открыто. Но я думаю, что это временное явление, я глубоко верю в здравый смысл русского человека, который найдет в себе силы остановить это зло, все что разлагает и оказывает тлетворное влияние на молодежь.

Я думаю, взрослый человек найдет слова, с помощью которых подрастающему поколению можно объяснить, что можно, а что нельзя.

— *А как найти точки соприкосновения нашей святой веры с молодежной культурой? Что из этой культуры позволительно, а что — нет?*

— Полное отрицание современной молодежной культуры, объявление ее негодной — это опять-таки большая ошибка родителей, которую часто повторяют и священники. Тут ничего не поделаешь — нужно считаться с тем, что молодежная культура существует.

Нельзя всю рок-музыку называть сатанинской. Нужно понять это явление, глубокое, сложное, нужно

понять, что оно никуда не исчезнет и наши дети будут расти среди этой культуры. Да, есть сатанинские группы, — такие, как “Black sabbath”, что переводится как “черный шабаш”, которые выступают с рогами и хвостами. Но нельзя говорить, что вся рок-музыка такая. И в ней есть вещи, которые действительно имеют воспитательный характер.

Я священник, иеромонах, но недавно услышал произведения такого западного музыканта Майкла Олдфилда и они произвели на меня сильное впечатление. Он — сын русского эмигранта, его настоящая фамилия Старопольский, он русский человек и, видимо, православный. Совершенно удивительные композиции, записанные в современном звучании, с элементами рока, но в основе их лежат глубоко народные мотивы. Музыка очень лиричная и глубокая: там и волынки шотландские есть, и акустическая гитара, и скрипка. Я считаю, что такая музыка может привести человека к Богу.

Поэтому совершенно неправильно огульно хаять всю современную молодежную культуру, искусство, музыку. Лучше разобраться, что в ней хорошо, а что плохо. Нужно суметь с большой мудростью подойти к этому. Еще раз вспомним, как апостол Павел сказал язычникам, что они как бы особо набожные люди, так как у них много алтарей. Я думаю, что подобные слова можно найти и для современных молодых людей, и среди их культуры увидеть высокие и глубокие вещи.

— *Что Вы можете сказать о современном образовании?*

— Образование является неким идолом современного общественного мнения, то есть ложным богом. С

одной стороны, преувеличивают значение образования в жизни человека, а с другой стороны, конечно, нельзя недооценивать его воспитательного значения, особенно в современной жизни. Но проблема действительно в том, что образование рассматривают как средство к стяжанию материальных благ. И в этом самая главная ошибка. Святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил, что любое образование суетно и бессмысленно, если оно не приводит человека к Богу. Можно быть ученым, можно быть музыкантом, исследователем, путешественником, литератором, но при всем этом нужно помнить о вере, о Боге, нужно все делать во славу Божию: *едите ли, пьете ли, — все во славу Божию творите* (1 Кор. 10, 31).

Тем более нужно деятельность ума посвятить служению Богу. Исследование природы — это очень благородное занятие, поскольку законы, которые исследует наука, дал материи Господь. И все великие, гениальные ученые были людьми верующими, потому что безбожие вообще ничего хорошего не может породить. Безбожие — это разложение и человека, и науки, и государства, и культуры, и общества. Еще Ломоносов говорил, что Библия и природа — это две страницы одной книги. И если человек, исследуя природу, при этом хочет понять и познать Творца, тогда действительно это образование будет назидать, созидать, создавать человека. Когда просто родители говорят: “Учись, выучишься, будешь большие деньги зарабатывать, будешь начальником”, — это не вдохновляет. Мне в свое время тоже так говорили, поэтому я не захотел получать светское образование и об этом не жалею. Это утилитарный, языческий подход к

образованию. Я считаю, что нужно дать ребенку вначале необходимые общие знания, а дальше найти в нем какой-то талант, заложенный в него Богом: либо стремление к технике, либо к науке, либо к искусству и этот талант развивать. Тогда, наверное, и средства достаточно большие сэкономятся, да и люди получат возможность отдохнуть, чтобы почитать книгу, сходить в храм.

— *Сейчас часто жалуются, что православный ребенок оказывается в некоторой изоляции. Вроде бы все разрешено, тем не менее в школе, даже в гимназии, ребенок оказывается среди неверующих детей, которые порой его даже травят. Как решить эту проблему? Где искать общение православному ребенку, православному подростку? Как ему искать единомысленных людей?*

— Мне кажется, что эта проблема решается только путем объединения православных людей, православных детей. Православные школы и гимназии — это наиболее благоприятный для ребенка путь решения проблемы. Но если нет возможности попасть в такой коллектив, то родители должны научить ребенка, так сказать, “приемам самообороны”. Я уже рассказывал о молодом человеке, который недавно принял диаконский сан и служит в нашем храме. Он был очень уважаем в своей школе, в своем классе именно потому, что ходил в храм и не скрывал своей веры в Бога, хотя тогда это было в диковинку. Когда родители воспитают своих детей в вере, сумеют привить им добродетели, сумеют дать им знания о Боге, мудрость, эти дети будут иметь превосходство перед своими неверующими сверстниками. Их могут обижать, оскорблять,

не понимать, но их вера поможет им противостоять окружающей среде. Это будет исповедничество.

Хочу вспомнить один рассказ, который приводит архиепископ Иоанн (Шаховской) в своих книгах. Он записал его со слов учительницы-эмигрантки. Дело было в 30-х годах. Естественно, религию и веру тогда травили. Была объявлена безбожная пятилетка, и коммунисты поставили задачу — уничтожение религии. В школе, где преподавала эта учительница, оказалась девочка из верующей семьи, ей было 13 лет. Когда об этом узнали учителя, они устроили самое настоящее судилище: собрали в актовом зале всю школу, торжественно исключили ее из пионеров, потом позвали родителей и весь свой гнев обрушили на них. Родители достойно отвечали: “Да, мы воспитали дочку в православной вере, но она уже достаточно взрослый человек и может сама отвечать за свои поступки”. И вот она стала исповедовать перед всей этой беснующейся толпой свою православную веру. Над ней смеялись, над ней издевались, ее травили, а она стояла перед всеми и говорила: “Что хотите делайте со мной, я верю в Бога, я хожу в храм и буду ходить в храм, что бы вы со мной ни сделали”. Учительница вспоминала, что вера этого ребенка ее поразила: человек один стоит против беснующейся толпы и исповедует свои взгляды. Она удивилась, откуда в этом маленьком существе, в этом ребенке такая сила духа. И после этого атеистические взгляды учительницы поколебались. Кончилось тем, что она сама стала верующей настоящей православной христианкой; потом она эмигрировала. Вот что может вера, вот что может благодать, которая дарована человеку. И помочь тому, чтобы эта благодать раскрылась в ребенке, — это дело родителей.

Спрашивают дети

Что такое любовь к Богу и как надо правильно Его любить?

— Любовь к Богу — это самое главное в христианстве. Она неразрывна с любовью к ближним — эти добродетели взаимосвязаны. Когда человек любит людей, о нем говорят, что это хороший, добрый, милосердный человек, его все уважают, у него всегда можно найти помощь, защиту, на него всегда можно положиться. Но полноценно любить людей нельзя до тех пор, пока человек не полюбит Бога; насколько человек любит Бога, настолько он любит и людей. Сначала человек начинает любить Творца, а потом понимает, что люди — это Божии создания, Божии дети. Есть плохие люди, есть хорошие, но Господь создал всех и всех любит, обо всех заботится; как сказано в Священном Писании, *посылает дождь на праведных и неправедных*, и солнце на всех светит одинаково (Мф. 5, 45). И если Господь любит всех одинаково, то и мы должны всех любить. Поэтому если человек хочет любить Бога, он должен любить всех тех, кого любит Господь, — как, например, вы из любви к своим друзьям будете уважать их друзей. Если вы будете ругать друзей вашего друга, то он на вас обидится, потому что он их любит и хочет, чтобы и вы так же к ним относились.

А правильно полюбить Бога можно только одним единственным способом — жить по Евангелию. Господь для этого и пришел на землю, принял человеческую плоть, чтобы нас научить любви. Церковь — это

училище любви. Исполнение евангельских заповедей научит любви к ближним, потому что все заповеди Божии заключены в ближних, в заботе о них. Господь сказал в Евангелии, что есть две самые главные заповеди, в которых заключается все христианство: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею*, и *вторая, подобная ей: возлюби ближнего своего, как самого себя* (Мф. 22, 37–39). А ближний — это любой человек, который сейчас находится рядом с нами, нуждается в нас, просит нашей помощи. Господь сказал в Евангелии: *Кто сотворит одному из братьев сих меньших, тот сотворит это Мне* (Мф. 25, 40). Господь Иисус Христос всех людей называет Своими меньшими братьями. И если мы ближнему делаем добро, то в лице этого человека делаем добро Самому Господу.

— *Зачем открыли воскресную школу?*

— Святейший Патриарх Алексий благословил открывать при всех храмах воскресные школы для того, чтобы учить детей основам веры. Когда-то Русь была некрещеной, и наши предки славяне были язычниками; они были неграмотными, на Руси не было даже письменности. А когда святой князь Владимир крестил Русь, то в первую очередь он открыл храмы и школы, куда повелел отдавать детей, чтобы учить их грамоте, Священному Писанию, основам христианской веры. На иконах Господь Иисус Христос часто изображается с книгой — это символ того, что христианство несет миру просвещение, культуру.

Все цивилизованные европейские страны, бывшие некогда языческими и впоследствии принявшие христианскую веру, именно христианству обязаны

своей культурой: Господь возвысил их за веру во Христа. И Русь с принятием Православия стала великим и могучим государством; до этого же никто о ней не знал, потому что населяли ее дикие племена, жившие в лесах и занимавшиеся охотой и рыболовством. А когда Русь крестилась, возникла государственность, все племена слились в единую Киевскую Русь, а потом в Российскую империю, которая стала известна всему миру.

В Греции есть Святая Гора Афон. Это полуостров, где подвизаются монахи. Там двадцать монастырей, много скитов и отшельников. Не так давно жил на Афоне старец Паисий. Русские монахи, посетившие Святую Гору в начале девяностых годов, спросили его: “Что будет с Россией?” А он ответил: “Над Россией сейчас тучка (т. е. смутные времена), но тучка эта скоро пройдет, и потом будет яркое солнце. Надо детей учить Закону Божию”, чтобы новое поколение подросло и принесло в мир христианские ценности, убеждения, нравственность.

Вот вы вырастаете и разойдетесь в разные стороны: кто-то будет врачом, кто-то инженером, кто-то учителем, кто-то священником, если Бог даст. И если сейчас вы воспримете основы христианской веры, то, когда станете взрослыми, это будет для вас самым главным. Как говорит Евангелие: *так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 16). Для христианина Господь — это главное в жизни, он всегда живет и поступает так, чтобы через его имя прославлялся Господь. И так наша страна, сейчас еще полуязыческая, полубезбожная,

постепенно снова станет христианской, великой и могучей, и никакие враги, никакие американцы или китайцы не смогут ее победить. И люди будут знать, за что мы боремся и для чего мы живем.

А сейчас многие даже не знают, для чего жить. Почему люди пьяницами становятся? Потому что их жизнь настолько пуста и бессмысленна, что они стараются напиться водки, чтобы ничего не помнить, чтобы уйти от действительности. Но ведь есть же ответы на эти вопросы: для чего человек создан, почему человек приходит в этот мир. И чтобы вы не стали пьяницами, наркоманами, людьми, которые всю жизнь проигрывают в карты, вы должны знать, для чего живете: чтобы служить Богу и, служа Богу, служить ближним — это очень высокая цель.

Так и семья воздвигается, и государство возрождается, и воскресная школа существует для того, чтобы воспитать христиан. А вдруг кто-нибудь из вас будет президентом или министром, и такой человек вспомнит, чему его учили в воскресной школе. Еще недавно было коммунистическое время, когда храмы закрывали, и президент Михаил Горбачев был первым, кто прекратил эти гонения. У него была очень верующая мать, и хотя она не воспитала его православным человеком, ей удалось привить ему уважение к Церкви и внушить: “Не смей храмы трогать — плохо будет”. При нем было отпраздновано тысячелетие Крещения Руси, начали открываться храмы и монастыри — конечно, это промыслительно. А прежним руководителям родители в детстве этого не внушили, поэтому они закрывали храмы и боролись с религией, и это кончилось тем, что страна наша стала бедной, как

Африка — в Африке люди живут так, как мы сейчас. А ведь Россия некогда была великой державой, которая кормила весь мир и именовалась житницей Европы. Теперь этого нет, потому что народ отрекся от своей веры.

— *Почему Вы выбрали православную веру?*

— Есть разные веры: протестантские, католическая, каких только нет. У меня были друзья-буддисты, которые стояли на ушах, и кришнаиты, которые играли на дудочках, качались и пели: “Харе, Кри-и-шна, Харе, Кри-и-шна”. Посмотришь на них, начинает голова кружиться. И я что я все-таки русский человек, а в России всегда была православная вера. Но сначала решил все-таки посмотреть: может быть, другие веры тоже правильные. Мои друзья ездили в Среднюю Азию — она тогда входила в состав СССР, — и я тоже поехал с ними. Приехали мы в Бухару или в Самарканд — не помню точно, — пошли в мечеть. Думаю, сейчас зайдём, спросим, как они верят в Бога, как они тут молятся. Подходим к мечети, а навстречу выбегают аксакалы с дубинами и кричат: “У-у-у!..” Пришлось убежать. Я подумал: “Если они с нами даже не хотят говорить, то что же это за вера такая? Я шел к ним, чтобы спросить, может, мне мусульманином надо стать, а они тут с дубинами бросаются. Нет, это что-то не то. В Евангелии написано: *возлюби ближнего своего, как самого себя* — это я понимаю. Нет, еду я домой к себе в Россию”. Приехал и стал ходить в православный храм.

— *Как поступать, если родители не разрешают поститься, ходить в храм?*

— Пока вы маленькие, у вас воля не своя, поэтому нужно слушаться родителей, как Бога, ведь одна из главных заповедей: *Чти отца своего и мать* (Вт. 5, 16). Но родителей нужно слушаться в добром, потому что они тоже люди и могут в чем-то ошибаться. Если родители велят делать что-то противоречащее Евангелию, надо подумать, но в основном, конечно, родители вас любят и заботятся о вас, стараются вам помочь. Очень редко бывает, чтобы родители желали зла своему ребенку, поэтому во всем и всегда родителей надо слушаться. А если их слова будут противоречить вашей совести, вы должны спросить у священника, как поступать.

В Православной Церкви есть посты, но представьте себе: семилетний мальчик придет и скажет: “Мама, у меня пост сегодня”. Что скажет мама? Мне в свое время мама сказала: “Если у тебя пост, готовь себе сам”. Но мне тогда было уже семнадцать лет. Я взял три рубля, купил картошки, капусты, постного масла, хлеба, и стал готовить. Картошку пережарил, капусту недожарил, но было вкусно, поскольку сам готовил. А вам, маленьким, перед причастием нужно попросить у родителей разрешения попоститься хотя бы один денечек. Думаю, что они разрешат. Если родители в храм не ходят, это, конечно, бывает сложно. Но вы можете очень многое сделать.

Расскажу вам о святителе Леонтии Ростовском. Когда-то Ростовская земля была языческой, и как только там появлялись проповедники, их избивали и никто не слушал. Был в киевской земле монах Леонтий, который пожелал проповедовать в тех местах христианство и испросил на это разрешение у епископа. Он

поселился около города Ростова, построил в лесу келью, молился Богу. Он попытался было разговаривать со взрослыми людьми, но его не слушали. А дети к нему приходили, потому что им было любопытно, кто он такой. Он угощал их сладостями, даже специально для них пек пироги, ласково разговаривал, рассказывал о Боге, о Христе, о вере, и дети его полюбили. Приходя домой, они пересказывали услышанное своим родителям. Родителям это понравилось, и им стало интересно. Пришли они к св. Леонтию и сказали: “Расскажи и нам”. И он им проповедал Евангелие. Так ростовская земля обратилась к Богу, жители ее крестились. Леонтия рукоположили во епископа, он построил храм, и со временем Ростов стал одним из коренных русских городов, крепких в вере. А началось все с детей.

Так и вы можете что-то рассказывать родителям, особенно, если они вас спрашивают. Если не хотят слушать, не надо. Сейчас это бывает часто: сначала дочка начинает ходить в храм, потом ведет за собой маму. Если в храм не пускают, нужно слушаться и молиться Богу дома: Богу ведь можно везде молиться. Молитесь за ваших родителей — это ваша главная обязанность, поскольку они ваши первые благодетели, они вас родили, вынянчили, а когда вы болели, ходили с вами по больницам. Если бы не было родителей, не было бы и вас. Конечно, самое большое для них благо — это царство небесное, вечная жизнь. Если вы это понимаете и желаете для себя, то и для родителей надо тоже этого желать, надо просить Господа, чтобы Он их просветил.

— *Что делать, когда кто-то обижает в школе?*

— Решать вопрос с помощью кулаков — это дело не христианское. Так бывает в животном мире: кто-то кого-то укусил, и тот давай его тоже кусать. Я видел по телевизору, как в Австралии кенгуру выясняли отношения: на хвосты опираются и друг друга бутузят. Все видели, как собаки сцепляются. Но они животные, а мы люди; у нас есть разумная душа. Когда человек пускает в ход кулаки, он уподобляется животным.

Когда кого-то обижают на ваших глазах, особенно слабого, надо заступиться, а если обижают вас, надо потерпеть и смириться. Есть такая христианская добродетель — смирение. Когда человек смиряется, его начинают уважать. Кто-то может подумать, что так могут совсем “затюкать”. Нет, это не так, более мужественно — по-христиански не ответить злом на зло. Когда надо было защищать Отечество, русские люди оставляли дома и шли защищать беззащитных. Если воин не возьмет в руки оружие, придут враги и убьют стариков, женщин, детей. Поэтому воин обязан защитить свое Отечество — он не себя защищает. И если несколько мальчиков-христиан дружат, а кого-то из них обижают, то они могут защищать друг друга.

“Один за всех и все за одного” — это был лозунг русских казаков, он был написан на их знаменах. Казаки защищали границы России, сейчас это делают пограничные войска. Они никогда не бросали в беде своих товарищей. Казак предпочитал умереть сам, но не бросить раненого. Такие традиции были у русских воинов. Сейчас казачество возрождается. Не знаю, насколько это удастся, потому что раньше казачество защищало Веру, Царя и Отечество; Православие для

казака было самым главным. Вступая в казачье войско, он целовал крест и перед крестом и Евангелием давал присягу, что будет служить Отечеству, Царю, защищать святыни православной веры. Так что защитить других можно, а что касается себя, то более высоко и благородно будет смириться и потерпеть. А если кто-то будет нападать первым и обижать других, то я даже не знаю, как его назвать. Такой будет не то что не христианин, а хуже язычника, потому что даже неверующие порой так не поступают.

— *Как мог Бог быть всегда, если существует начало мира?*

— Начало мира существует во времени. Господь сказал: *Да будет свет, и стал свет* — это был первый день творения (Быт. 1, 3). Таким образом, мир существует во времени, в пространстве, а Бог существует вне времени. Где Бог, там времени нет. После второго пришествия Христова времени тоже не будет, будет вечность. Например, мы ставим точку и от нее начинаем рисовать линию. Эта поставленная точка — как бы начало мира, а линия — его развитие. Эта линия может продолжаться бесконечно, но прежде, чем поставить эту точку, я держал ручку в руках. Был Господь, Который эту точку поставил.

— *Почему Вы стали священником?*

— Родители мои были неверующие, в детстве меня никто в храм не водил, и я был неверующим. Вам очень повезло, что вас с детства привели в храм, рассказали вам о Боге — это милость Божия, вы вырастаете и оцените ее. А мое поколение росло без Бога. Поэтому было сделано очень много глупостей, ошибок, и это принесло много несчастий. Ведь безбожная

жизнь, кроме несчастья, ничего человеку не приносит. Сколько я прожил на земле — уже сорок лет — и не видел ни одного счастливого человека среди тех, кто живет без Бога. Люди могут быть миллионерами, министрами, президентами, — кем угодно, но если они в Бога не веруют, Бога не признают и живут без Него, они несчастнейшие люди, это видно по какой-то тоске, пустоте в их глазах. Как бы ни было тяжело верующим людям, — их могут сажать в лагеря, они могут подвергаться каким-то несчастьям, — но они что-то носят в сердце своем, какую-то радость, свет. И за то, что Господь вас привел с детства в храм, благодарите Его всегда.

Когда я стал постарше, лет в пятнадцать-шестнадцать, я стал задумываться: для чего человек живет? Чтобы есть, пить, спать — это скучно, этого мало. Я стал искать ответ на этот вопрос, и появились мысли о Боге. Я почитал Евангелие, мне понравились заповеди, которым учил Господь, та любовь, которую Он принес людям: тогда религия считалась позорным делом, и мне никто не говорил о милосердии и сострадании. Все строили коммунизм, светлое будущее человечества, неизвестно для кого и для чего, причем никто не знал, в чем оно заключалось.

Постепенно я пришел к вере, стал ходить в храм, но одновременно работал. А потом стало получаться так, что мне хочется пойти в храм, а надо идти на работу, и мне было грустно, особенно, если воскресный день был рабочим. Я стал думать: “А почему бы мне не перейти работать в храм?” Взяли меня звонарем в храм — это было в 1979 г., мне исполнилось 19 лет, научили читать по-церковнославянски. Я прислуживал

в алтаре, и мне это очень нравилось. Я радовался, что могу быть каждый день на службе. Утром еду в храм на службу и радуюсь: “Как хорошо, сейчас Богу помолюсь”, а то раньше я ехал на работу и думал: “Скорей бы отработать да убежать”. А после службы я думаю: “Скорей бы наступило завтра, и я опять поеду в храм”, — так я любил храм.

Никогда я не думал, что стану священником, потому что я человек грешный, а священство — дар Божий достойным. Но мне хотелось рассказывать людям о Боге — в те времена никто из моих друзей ничего об этом не знал и то, что я говорил, было им вовсе неизвестно. Давал читать книжки, что-то объяснял — мне это нравилось, и были такие мысли: “Хорошо бы священником быть, но все-таки я, наверно, недостойн, и это очень тяжелое ответственное служение”.

Лет девять или десять я проработал псаломщиком, а потом мой духовный отец благословил меня уехать в один из монастырей, в котором игумен велел рукоположить меня в священники. В монастыре не спрашивают, хочешь ты или не хочешь, игумен сказал — монах должен слушаться. Помню, служу первую Литургию и не понимаю: “Господи, что происходит со мной, вроде я и вроде не я — какой-то другой человек”. Хотелось убежать даже, страшно было перед Престолом стоять, Литургию служить. Но мне всегда это нравилось. И до сих пор из всех моих многочисленных священнических обязанностей, самая радостная — это служить Литургию, молиться Богу.

Глава 6

Инокчество — Ангельское жительство

Желающим вступить на монашеский путь

Ради чего человек оставляет мир и все, что ему было близко и дорого в нем, и уходит в монастырь, так резко изменяя свою жизнь?

— Не всегда это бывает резко: как правило, человек долго обдумывает этот шаг. Это сложное и трудное решение. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что есть несколько причин, по которым человек приходит в святую обитель. Одна из них — это чувство собственной греховности, когда человек понимает, что в миру он не сможет спастись. Другая — желание наград, т. е. человек надеется получить награду от Бога. И третья причина, пожалуй, самая совершенная, когда человек вступает в монастырь из любви к Богу: он по-другому просто не может жить. Встретившись с

монашеством, он настолько уязвляется красотой духовной жизни, что все остальное уже становится бессмысленным и неинтересным. И он, желая посвятить себя Богу и молитвенному деланию, уже не мыслит себе никакой другой жизни, как только в обители, среди монастырской братии.

— *Наши близкие часто не понимают, что такое монашество, или представляют его в каких-то своих образах, далеких от истинного. Как этим людям объяснить смысл монашества и стоит ли это делать?*

— Да, к сожалению, люди, и даже церковные, не всегда правильно понимают и не всегда хотят понять, что такое монашество, хотя большинство святых были монахами. Монашество есть тайна, тайна общения человеческой души с Богом, тайна духовного совершенства. Поэтому до конца понять монашество может только монах, частично — человек, который как-то причастен к нему: бывает в обители, общается с монахами, имеет духовника — монаха.

Чтобы это понять, человек должен иметь на это произволение. И поэтому далеко не с каждым нужно говорить об этой тайне. Когда человек спрашивает и стремится что-то узнать, можно попробовать ответить на его вопросы, но я не решился бы давать пространственный ответ, а отправил бы интересующегося к отеческим писаниям. По крайней мере, чтобы он имел некоторую теоретическую подготовку, а после этого с ним можно поговорить. Есть другой путь — поехать в святую обитель, помолиться, пообщаться с монахами, думаю, многое откроется.

— *Святые Отцы пишут о том, что человек, придя в монастырь, вносит туда свои страсти, мирской дух, и это может служить соблазном для окружающих, нарушать духовную атмосферу монастыря. Как можно избежать этого?*

— Надо себя готовить к монашеству, еще находясь в миру. Когда человек будет внутренне готов к вступлению в обитель, тогда Господь Своим Промыслом непременно его туда приведет. Господь, как правило, еще издалека призывает человека к монашеской жизни, но часто не сразу есть воля Божия вступить в обитель. Я слышал от одного епископа такую фразу: “Благословение есть, а воли Божией пока нет”. Т. е. старец, духовник благословил стать на путь монашества, но обстоятельства складываются так, что Господь как бы пока не допускает человека вступить в святую обитель.

Во всем нужно соблюдать постепенность, и в духовной жизни особенно. Иначе, во-первых, человек, придя в монастырь неготовым, может разочароваться, что-то не так понять, сломаться и уйти из обители, не выдержав трудностей. А с другой стороны, придя неготовым, он может своим незрелым пониманием монашества, духовной жизни искушать братию, мешать им. То, что в миру не считается грехом, в монастыре недопустимо, например, свободное обращение, которое в миру является нормой.

— *Как встать на путь монашеской жизни, как подготовить себя к ней?*

— Подвиг монашеский бывает не от человека, а от Бога. Поэтому человеку, который хочет встать на путь монашеской жизни, прежде всего нужно понять, есть

ли на это воля Божия. Много кто хотел и хочет быть монахом, но далеко не всем это благословляется. Святитель Игнатий (Брянчанинов) епископ Ставропольский, говорит, что самочинное монашество не есть монашество, потому что без Божией воли, без Божиего благословения человек не сможет пойти по этому пути. Монашеская жизнь таинственна, глубока, но и очень трудна, и мало кто способен быть настоящим монахом.

Известно множество случаев, когда к какому-либо старцу приходили две девушки, одна из которых хотела уйти в монастырь, другая же, напротив, хотела выйти замуж. И старец первую благословлял на семейную жизнь, а второй говорил: “Нет, твой путь монашеский”. Поэтому прежде всего нужно молиться, чтобы Господь открыл Свою волю.

Поскольку монашеская жизнь не должна быть самочинной, единственное, в чем, по мнению афонских старцев, для монаха допустимо проявить свою волю — в избрании духовного наставника. Подчинение должно быть совершенно добровольным, иначе к наставнику не будет доверия. С самого начала надо стремиться к тому, чтобы все было по благословию. Как правило, человек, длительное время имеющий твердое желание монашества, едет к старцу или к опытному духовнику, чтобы посоветоваться, открыть желание своего сердца. И уже после этого, если получит благословение, начинает искать обитель, в которую мог бы вступить.

Современная монашеская жизнь, конечно, сильно отличается от той, что была в древности, и практически все молодые люди и девушки, которые желают

встать на путь иночества, в общем-то, не знают современной монашеской жизни. Это я могу сказать как человек, побывавший во многих монастырях и уже не один год носящий монашеские одежды, хотя, наверное, недостойно. Поэтому прежде всего должно свои книжные представления привести в соответствие с тем, что есть на самом деле. Я бы никому не советовал сразу принимать решение уходить в тот или иной монастырь. Лучше поездить, посмотреть, поговорить с людьми, которые так же ищут или которые уже что-то нашли, и только тогда принимать окончательное решение, взяв при этом благословение у духовно опытного человека, которому можно доверять.

Но самое главное — нужно изучить по святоотеческим творениям, “что есть монашеская жизнь и как на нее настроиться”. Я намеренно здесь перефразирую название одной из книг свт. Феофана Затворника*. Эта книга — собрание писем к юной девушке, которая со временем ушла в монастырь. Первые письма обращены к человеку, который только обращается к духовной жизни. Постепенно их адресат зреет, растет под руководством свт. Феофана. В последних письмах святитель уже прямо готовит эту девушку к монастырю и благословляет на монашескую жизнь. Очень советую прочитать эту книгу, как и творения свт. Игнатия (Брянчанинова), без знания которых, по мнению прп. Варсонофия Оптинского, невозможно знать современное иночество, его дух и направление.

— *Как быть человеку, у которого возникают вопросы о монашестве, но он понимает свою неподготовленность. Читая наставления Святых Отцов о*

* “Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться”. М, 1999.

монашестве, такой человек находит, что многое он не в силах понести, и впадает в состояние уныния.

— Если есть серьезные вопросы, касающиеся монашеской жизни, не надо стесняться их задавать. Святитель Иннокентий Московский на вопрос: “Надо ли причащаться, если считаешь себя недостойным?” — ответил, что никто никогда не может быть этого достоин, тем не менее нужно готовиться и причащаться. Так, если возникает вопрос, нужно найти человека, к которому есть доверие, и задать его. Очень многое может открыться и проясниться в процессе разговора. Подготовка к монашеству должна быть деятельной, мало просто читать книги. Не надо быть книжником, но в то же время книги читать необходимо. Надо обязательно изучать творения Святых Отцов, которые для современного монашества являются основным руководством: раньше были живые светильники веры и благочестия, нашему времени оставлены одни Святые Отцы.

Если в житиях древних святых мы читаем, что человек искал духоносного старца, обошел весь Афон или весь Синай и нашел такого человека, то подвижники последних времен больше искали, как некое сокровище, книги, считая их путеводителями ко спасению. Например, прп. Паисий Величковский понял, что старца он себе не найдет, и стал искать и собирать книги Святых Отцов, тщательно их переписывая. Причем, даже на Афоне он их находил с большим трудом.

Но одновременно с чтением книг нужно поискать духовника. Святитель Игнатий говорит, что книгами

нужно руководствоваться при совете единокровного брата, т. е. человека, который поможет правильно прочесть эти книги, понять и применить к своей жизни.

А то, что порой чтение древних отцов приводит в уныние, это я знаю по себе: берешь в руки книгу Иоанна Кассиана Римлянина, читаешь и видишь, что ты настолько далек от этой жизни, настолько погряз в своих грехах и страстях, что нападает уныние. Но это нехорошо, это малодушие. Покаяние — это одно, а уныние — это другое. Уныние обличает нерадение. Его надо прогонять, а над покаянием нужно трудиться.

— Иногда люди приезжают в монастырь на послушание, но вскоре уезжают оттуда с чувством неудовлетворенности, а то и получив душевное повреждение. В чем беда этих людей?

— Первая причина этого — их неготовность: они имеют слишком розовые представления о монашестве. Вообще, розовые представления о духовной жизни вредны всегда. Это своего рода прелесть. Человек приезжает в монастырь, думая, что его ждут с распростертыми объятиями, что таким своим решением он оказывает благодеяние обители и даже Богу. Ложная и гордая мысль.

Второй ошибкой может быть то, что человек начался книг и не замечает разницы между монашеством древним и современным, не понимая, что современное монашество во всех отношениях очень немошно. Сложившиеся ныне в обителях уставы и уклад жизни очень отличаются от того, что было много веков назад. Однако многие приезжающие в обитель считают, что сходу попадут в общество святых людей,

духоносных, прозорливцев, чудотворцев, их в совершенстве научат монашеской жизни, и через два-три года они сами станут святыми и прозорливыми и пойдут в мир проповедовать идеалы духовной жизни. Это глубоко ложное представление.

Прежде чем поехать в монастырь, нужно почитать Святых Отцов, особенно Отцов последнего времени, в первую очередь — творения свт. Игнатия (Брянчанинова), и в частности его письма, которые очень полезны для развенчания такого “книжного” взгляда на монашество. Монахи — это живые люди. Они пока еще не бесплотные существа. И монастыри — земные учреждения. В них живут люди, которые пока только стремятся, учатся быть небесными человеками, но еще не достигли этого.

Во многих монастырях есть примеры праведности, даже, может быть, святости — я видел таких людей. Но, во-первых, они скрываются от мира и очень глубоко покрывают себя смирением, по пророчеству Святых Отцов древности. Во-вторых, достойны ли мы видеть их, общаться с ними? В-третьих, когда человек чего-то ждет и чего-то себе навывдумывал, он, конечно же, стремится сделать так, как он выдумал. Он написал себе такой сценарий: “Вот сейчас я приеду в монастырь, будет то-то и то-то, потом будет то-то” — а в действительности бывает не так. Например, его начинают смирать. И правильно делают, потому что смирение — это золото, на которое покупается небесное царство. Это как бы экзамен, который человек обязательно должен сдать, чтобы вступить в монашескую жизнь. Можно сказать, что вся монашеская жизнь — это ряд экзаменов. Не сдал человек один экзамен —

он уже не допускается до второго, пока не пересдаст. Сдал — он живет в монастыре или в том месте, куда его привел Господь, до следующего экзамена. Любой экзамен чему-то научает, но на любом экзамене можно провалиться, и не всегда есть возможность его пересдать.

— *Иногда люди не сознают своего ложного состояния и, сталкиваясь с суровым обращением с ними в монастыре, обвиняют монахов и монастыри в том, что в них отсутствует любовь.*

— Любовь есть самый совершенный Божий дар. Нельзя упрекать людей, которые еще не имеют совершенной любви. Любой православный христианин все-таки понимает, что христианство — это любовь, и старается ее стяжать. Если не сразу и не во всех насельниках монастыря ее видно, то это говорит лишь о некотором несовершенстве людей. Но в любом монастыре — я могу это засвидетельствовать — есть люди, которые согреют вас своей любовью, молитвой и искренней заботой. В “Глинском патерике” повествуется о монахе Евгении, который нес послушание гостиничного. Он говорил, что паломники — это гости Божией Матери и, конечно же, соответствующим образом к ним относился. В монастырях стараются это понять и, чем могут, помочь, а главное, напитать душу бессмертной пищей — словом Божиим.

Одно из отличий монастырей современных от монастырей, скажем, даже XIX в. в том, что прежние монастыри существовали веками и в них была преемственность. Сейчас же братию обителей в основном составляют неофиты, люди молодые, которые, может, только недавно крестились. И мало того, таких же

неофитов назначают игуменами, игуменьями, духовниками. Это большая проблема современного монашества: преемственности нет. Все настоящие, истинные монахи были расстреляны: их страшно ненавидела боготорческая власть и просто уничтожала физически. Те, кто остались в живых, скрывались. Они имели совсем немногих учеников, которым передали свой духовный опыт.

Монастыри должны создаваться монахом — духовно опытным человеком, который сам прошел монашескую школу, воспитывался под наблюдением духовного руководителя не один год. Сейчас этого нет: монастыри создаются очень быстро. Поэтому часто люди не находят в монастырях того, что ищут. Не находят потому, что не пришло еще время; еще рано быть плодам. Не надо этим смущаться: это закономерно после коммунистического засилья. Пройдут годы, и все появится. Нельзя требовать от новопостриженного монаха только что открытого монастыря плодов святости.

В то же время, я не оправдываю излишнюю суровость, резкость, грубость, которая действительно встречается. Иногда человек по своему неофитству считает, что самое главное — это телесный подвиг. Ладно, пусть он так считает, подвизается, сколько его душе угодно, но ведь он и другим начинает навязывать свое представление о монашеской жизни, то есть, что монашество — это только неедение и неспание. А это неправильно. Монашество — это подвиг покаяния, подвиг молитвы, подвиг смирения, подвиг, основанный на глубоком знании Святых Отцов Православной Церкви. И это гораздо более важно, чем телесный подвиг.

— *Батюшка, какие из страстей более всего препятствуют человеку вступить в монастырь и пребывать в нем?*

— Надо сказать, что все страсти препятствуют вступлению не только в обитель, но и в царство небесное. И дьявол, дергая нас как бы за ниточки, не дает жить благочестиво, особенно, когда человек имеет такие серьезные намерения, как вступление в монастырь. Но более всего этому препятствуют две страсти — лень, с рождающимся от нее нерадением, и гордость. Причем Симеон Новый Богослов говорит, что гордость рождается от нерадения: человек нерадит о познании и исполнении воли Божией, недооценивает заповеди Божии и в результате их не исполняет. А от неисполнения заповедей Божиих рождается гордость, как от исполнения — смирение, которое ведет к Богу.

Когда человек в миру лениво проводит свою духовную жизнь, нерадит о вещах духовных, то в монастыре, пожалуй, это еще больше разовьется. Конечно, бывают счастливые исключения, когда Господь посещает человека и он приносит покаяние. Но, как правило, уже в миру видно, какое устройство имеет человек. Гордость же сообщает человеку совершенно превратные представления о мире, о Боге, о духовной жизни. И пока человек не избавится от своих ложных, гордых представлений, ему достаточно сложно жить духовной жизнью и вообще жить, а в святой обители человек просто может погибнуть, потому что вслед за гордостью следует прелесть. А от прелести человеку вряд ли может помочь избавиться другой человек — об этом говорит прп. Иоанн Лествичник.

Поэтому еще в миру нужно постараться приобрести правильный настрой: с одной стороны, ревностный, с другой — смиренный, покаянный. Человек, вступивший в святую обитель с таким настроем, дальше будет его развивать, в нем начнут углубляться понятия о духовной жизни, расти добродетели. Если же он вступит с неправильным настроем в монастырь, то принесет туда с собой дух мира. Поэтому прежде, чем стать монахом, нужно избавиться от ложных мнений, представлений, кратко говоря, от своей прелести. И лучше это сделать еще в миру.

— *Хотелось бы услышать более полный ответ: какой настрой должен иметь человек, приходящий в монастырь?*

— Прежде всего, человек должен с покаянием приходить к Богу, сознавая себя грешником. Не правильно считать себя неким праведником и вступать в монастырь, чтобы еще умножить эту свою праведность. Монастырь — это место покаяния, место молитвы, покаянной молитвы. Человек приходит в святую обитель, чтобы увидеть свои грехи. Человек приходит туда искать Бога — не кого-то чему-то учить, а учиться самому. Поэтому изначально надо иметь настрой смиряться, т. е. воспринимать извне то, что может быть неожиданным или даже неприемлемым.

В любом случае человеку следует понимать, что в монастыре он должен потрудиться, потрудиться скорее не руками, хотя и этот труд там необходим, но потрудиться прежде всего над своей душой в покаянных подвигах: молитве, посте, послушании, служении ближнему. Постнический подвиг в том виде, в каком его проходили древние Отцы, недоступен для нас

просто по состоянию здоровья, и именно подвиг служения ближнему, если его правильно проходить, рано или поздно вводит человека в настоящий телесный подвиг.

Каким образом? Например, человек устал, хочет отдохнуть, а его просят что-то сделать. Он видит, что есть человек, нуждающийся в его помощи, — он отказывается от своего отдыха и идет помогать. Это тяжело, это бывает порой за счет своего собственного здоровья, но это и есть телесный подвиг, данный нашему времени, который не позволяет человеку превозноситься и в то же время смиряет плоть.

Если человек живет по закону любви, по закону смирения, он будет и постником, и молитвенником. Но когда человек из поста начинает делать самоцель, кончается это не очень хорошо, потому что человек впадает в гордость, считает себя подвижником, начинает всех вокруг учить, а когда его просят помочь — например, вынести помойное ведро, — он говорит: “Я правило читаю” или: “Мне нужно в храм идти” и т. д. — христианства, в общем-то, и нет: человек за-постился. Я не унижаю пост: пост необходим, но не должно пост поставлять во главу угла — главным должно быть покаяние, смирение, послушание и любовь к ближним, без которой нет христианства.

Приходя в монастырь, человек должен иметь ревность о спасении. Нужно представлять себе, какие труды в монастыре ожидают: и телесные, и духовные, и относиться к ним с ревностью. В обители недопустимо думать, что такому-то дали легкую работу, а мне — тяжелую. Каждый получит свою награду. Коротко

сказать, человек приходит в монастырь трудиться над собой.

— *Но бывает так: пришел человек в монастырь, присматривается к нему, и у него возникает опасение, что он не понесет его порядков. Отчего возникает такое впечатление, и стоит ли этому доверять и уходить из обители?*

— Иногда это бывает по бесовскому искушению. Когда человек хочет сделать такое доброе дело, как вступить на путь монашеской жизни, — естественно, дьяволу это не может нравиться, — тут же начинаются бесовские искушения: прежде всего он восставляет против принявшего такое решение родителей, родственников, друзей, которые начинают препятствовать ему, отговаривать, рассказывать разные ужасы. Часто дьявол любит использовать в своих целях беглецов, т.е. людей, которые были в монастыре трудниками или паломниками, послушниками. Неправильно понимая ситуацию, сложившуюся в современных монастырях, они порочат монашество. Если их слушать, то все действительно очень плохо. Но лучше доехать до святой обители и посмотреть на все своими глазами, пообщаться с настоящими монахами, носителями монашеского духа.

Но бывает, что причина и не в бесовском искушении, ведь обители разные и люди все разные. Задача в том, чтобы найти свою обитель, то есть именно ту, которая предназначена тебе Богом. Не надо думать, приехав в первую же обитель, что сразу попал туда, куда нужно, — нет. Обитель — это не стены, это прежде всего люди: игумен, духовник, братия. Поэтому необходимо учесть настрой братии, ее численность,

возраст — причем возраст имеет очень важное значение, — а также то, где находится обитель: в городе или в сельской местности. Не спешите уничтожать городские монастыри. Все это очень важно, потому что каждый человек индивидуален, каждый ищет в духовной жизни свое дело.

Поэтому такая неудовлетворенность может быть и от Бога: может, в этот монастырь не стоит вступать? Но не спешите сразу это решать. Нужно пожить там какое-то время, например, месяц или два, и если это чувство неудовлетворенности не проходит, то следует посоветоваться с духовно опытным человеком и в зависимости от этого поступать. Бывает, что сначала все кажется непонятным, необычным, а потом это проходит, и люди, которых сначала не воспринимал, открываются совершенно с неожиданной, замечательной стороны. Но, кроме того, конечно, часто не мы выбираем, а благословляют — и едем.

— Бывает так, что человек годами проходит послушание в монастыре, а потом его благословляют возвратиться в мир. Чем это объяснить? Мы знаем, например, что отец Николая Мотовилова, служки прп. Серафима, более десяти лет проходил послушание в монастыре, потом его благословили вернуться в мир. Значит ли это, что не была раньше открыта воля Божия о человеке или здесь что-то иное?

— Для любого человека провести в монастыре хотя бы несколько дней очень полезно. Тем более, несколько месяцев или лет. Например, на Соловках и в других северных монастырях до революции был обычай: родители отдавали по обету своих детей в

монастырь на несколько лет. Такие люди при обители назывались трудниками. Они жили там, трудились, приобретали профессию, посещали богослужения. Когда вырастали, если хотели, оставались в монастыре, если не хотели, возвращались в мир. В любом случае, от жизни в святой обители они многое для себя приобретали, ведь там освящен даже сам воздух.

Мне известны случаи, когда человек хотел поступить в монастырь и даже имел благословение на жизнь монашескую, но потом, побывав в святой обители несколько лет, выходил в мир, причем не желая делать этого самочинно, просил благословения на такой поступок. И те же люди высокой духовной жизни, которые ранее благословляли его на монашество, теперь благословляли его вернуться в мир и вступить в брак. Видимо, такова была Божия воля. Божия воля не может меняться, но она может открываться по-разному. Благочестиво желание всякого человека пожить в монастыре, но Господь смотрит намного дальше: если со временем это желание оскудевает, а монашеские обеты человек еще не дал, то он может выйти из обители. Честнее будет вернуться в мир и проводить жизнь благочестивого мирянина, чем оставаться в монастыре и жить в нем по-мирски, играть в монашество, не будучи монахом внутренне.

Иногда старцам задавали такой вопрос: «У меня есть желание монашеской жизни, но я еще не совсем чувствую в себе силы. Как мне быть?» Обычно на это следовал ответ: «Подожди, в брак не вступай, ходи в храм, старайся жить по Святым Отцам, пройдет время, и жизнь покажет, сердце определится: либо ты решишься и вступишь в один из монастырей, либо начнешь жизнь семейную».

— *Можно ли стремиться к монашеству, если по состоянию здоровья нельзя держать монашеский пост? Например, при анемии, когда мясо вкушают в качестве лекарства?*

— Сейчас здоровых людей нет вообще. Но отсутствие телесного здоровья никогда не мешало спасаться, наоборот, свт. Игнатий, ссылаясь на древних Отцов, указывает на избыток телесного здоровья как на одну из причин, которая препятствует духовной жизни. Мы знаем, что многие святые были очень больные и немощные люди. Например, прп. Амвросий Оптинский, блж. Матронушка, недавно канонизированная, вообще все время лежали на одре. Монахам, которые по состоянию здоровья не могли нести монашеский пост, согласно древним уставам разрешалось вкушать мясо. Такие указания имеются в “Древних иноческих уставах”, которые собрал и опубликовал свт. Феофан Затворник.

При постриге на вопрос: “Чесо пришел еси, брате?” — постриженник отвечает: “Желаю жития постнического”. Для человека с хорошим телесным здоровьем это пост телесный, а для человека со слабым телесным здоровьем это прежде всего пост душевный. Если человек не имеет телесного здоровья, то, по древним Отцам, терпение болезней вполне восполняет постнический подвиг. И вообще, пост телесный без душевного поста не имеет никакого смысла.

Современные обители, особенно женские, далеко не всегда учитывают состояние телесного здоровья насельников, поэтому, если человек со слабым здоровьем решит вступить в монастырь, то, наверное, надо поискать такую обитель, где его поймут, где игумен

или игуменья разумно к этому относятся и возлагают на своих послушников труды и пост соответственно силам.

— *Если человек пожелает поступить в монастырь, как ему себя вести, с кем искать общения? Ведь в монастыре он, может быть, увидит совсем другие формы общения, чем он видел до того в своей приходской общине.*

— Монашеская жизнь по своей форме значительно отличается от той жизни, которую православный благочестивый человек проводил в миру, как бы строго он там ни жил. Монастырь имеет свои правила, порой достаточно жесткие, и это необходимо. Один из первых обетов, которые дает монашествующий, а следовательно, любой послушник, вступающий в обитель, это, как было сказано, обет поста. Житие постническое — это не столько пост телесный, хотя, конечно, он необходим, но еще и ограничение, налагаемое на общение с миром, на общение с теми людьми и на участие в тех ситуациях и обстоятельствах, которые возбуждают в человеке страсти. Поэтому человек, который хочет вступить на путь жизни монашеской, еще в миру должен предобучить себя этому душевному посту, то есть удалиться от тех людей, от тех мест и обстоятельств, которые служат источником соблазна.

Естественно, круг общения начнет уменьшаться. Потому что человек, который ценит молитву, ценит уединение, будет прежде всего общаться с людьми, близкими ему по духу, то есть с людьми, которым также, как и ему, близки монашеские идеалы. Найти таких людей нелегко, особенно в приходе, но, тем не менее, они есть. Я побывал на многих приходах и не только священником: до принятия священного сана

девять лет был псаломщиком и могу засвидетельствовать: в каждом приходе есть свои праведники. Они сокрыты от мира, они неведомы, неизвестны и, тем не менее, это рабы Божии.

И нужно молить Господа, чтобы Он их послал, потому что человеку тяжело спастись одному. Если мы не найдем их в своем приходе, то нужно поискать в других приходах, съездить в святые обители. Рано или поздно Господь обязательно пошлет и духовника, и единокровных братьев и сестер. Господь все пошлет, потому что *всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше* (Иак. 1, 17).

— *Как, читая Святых Отцов, научиться понимать, что нам подходит, а что уже нет?*

— В одиночку тут не разберешься, поэтому все-таки нужно прежде всего поискать духовника и задать эти вопросы ему. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что отеческие писания подобны аптеке: то лекарство, которое подходит для одного человека, может быть ядом для другого, и необходим аптекарь, который поможет разобраться. Поэтому здесь нужен совет.

У Святых Отцов есть общие указания о том, какие книги можно читать новоначальным. В первую очередь советую читать Отцов, близких нам по времени и знавших наши духовные нужды. Письма и советы оптинских старцев, игум. Никона (Воробьева), творения свт. Игнатия (Брянчанинова), Феофана Затворника, Тихона Задонского, св. Иоанна Кронштадтского являются путеводителем к Отцам древним. Игумен Никон писал в одном из писем: “Без книг свт. Игнатия понимать древних Отцов, а главное — применять их к себе,

почти невозможно. Это познают все из своего горького опыта, если только будут вообще идти путем истинно христианским, а не мечтательным”.

Мирянам нужно читать книги, которые написаны для мирян, а тем, которые чувствуют склонность к жизни более глубокой, можно почитать и книги для монахов: такие, как “Лествица”, “Поучения аввы Дорофея”. Они полезны всем, потому что там изложены общие основы духовной жизни. Может быть не все выражения будут понятны, но, если непонятно, можно спросить. Книги свт. Игнатия, которые написаны, собственно, для монахов, я бы порекомендовал почитать любому православному христианину. Но нужно, конечно, советоваться с духовными руководителями.

— *В евангельской притче сказано, что начинающий строить башню должен рассчитать свои силы: сможет ли он довести это строение до конца (Лк. 14, 28). Как применить это к духовной жизни и что должен взвесить человек, желающий начать монашеский образ жизни?*

— Человек должен прежде всего хорошо себе представлять, куда он собрался. Существует общепринятое мнение, особенно в миру нехристианском, что монастырь — это тихая, спокойная пристань, куда уходят разочаровавшиеся в жизни неудачники. Это вовсе не так. Монастырь — это передовая, где дьявол с особенной силой нападает на людей, которые пришли спастись и служить Богу. Нужно как следует уяснить из творений Святых Отцов, что такое жизнь монашеская со всеми ее скорбями и искушениями, и знать это не только теоретически, но, живя в миру,

уже начать исполнять некоторые правила монашеской жизни.

И что особо важно и не совсем даже понятно человеку, живущему в миру, — это подвиг послушания. Человек должен найти себе духовника, который будет наставлять его в духовной жизни, и перед духовником отсекает свою волю, свой мирской плотской разум и постепенно научиться разуму духовному, научиться деятельному пониманию заповедей Божиих. Это бывает нелегко, и я бы сказал, что из всех монашеских подвигов подвиг послушания — самый трудный. Кажется, не есть, не спать — тяжело. Да, это тяжело, но исполнить волю Божию, отсесть свои мудрования и свои пожелания ради благословения — еще труднее. Человек, который неспособен к послушанию, неспособен ни к чему другому, он никогда ничего правильно не поймет. Многие люди не понимают делания послушания, к сожалению, не только среди мирян, но и в монашеской среде.

Кроме того, есть опасность “удариться” во внешний подвиг и через это впасть в прелесть. Вот случай из жизни. Приходит ко мне один молодой человек и говорит: “Мне хотелось бы проводить монашескую жизнь, я давно себя готовлю”. Спрашиваю: “А как ты себя готовишь?” — “Я уже несколько лет не ем мясо, пост в понедельник соблюдаю”. — “Это хорошо, а духовник у тебя есть?” — “Нет”. — “А кто тебя благословил мясо не есть и пост в понедельник соблюдать?” — “Никто не благословил”. Я задумался. Говорю ему: “А что ты хочешь?” — “Чтобы Вы мне преподали правила, которые меня еще больше готовят к жизни в монастыре”. — “Знаешь, — отвечаю, —

мы еще не знаем, есть тебе воля Божия жить в монастыре или нет. Ты уверен, что есть, а я вот думаю, проживем — увидим. А для начала давай я дам тебе благословение: с сегодняшнего дня ты начнешь есть мясо”. Больше этот молодой человек не пришел, потому что его понимание духовной и монашеской жизни отличалось от моего. В общем, у меня и не было планов совсем запретить ему есть мясо, я хотел испытать его месяц-два, причем пост в понедельник я ему оставил. Но ему это не понравилось: многолетняя заслуга, заключающаяся в неедении мяса, оказалась выше того, что ему сказал какой-то иеромонах. Конечно, вольному — воля, но, на мой взгляд, подвиг послушания гораздо выше всех остальных.

Святые Отцы сказали, что послушание выше поста и молитвы, и человек, не понимающий послушания, не только пост и молитву не поймет, но вообще не поймет духовную жизнь, тем более монашескую. Только через послушание начинается подлинная духовная жизнь. Послушание — труд, возможность смирить себя и деятельно побороть свою гордыню, которая проявляется в виде своеволия и доверия своим помыслам. Человек имеет возможность деятельно от этого отказаться, а поскольку “своя воля царя боле”, то для привыкшего жить по своей воле это, конечно, пролитие крови. Но если человек желает чего-то достигнуть, он должен вступить на это поприще.

Через некоторое время у него образуется навык к послушанию, крайнее недоверие себе: до тех пор, пока он принимает решения исходя из каких-то своих выводов, чувств, переживаний, он неспокоен. Если же с кем-то посоветовался и его благословили, особенно

если его поступки имеют основание в Святых Отцах и подтверждены чьим-то советом, он успокаивается. Его послушание уже совсем другого качества: все, что он делает, делает с верой. А пока человек поступает самочинно, руководствуясь своими мыслями, — его послушание низкого качества, и это принесет соответствующие плоды. При этом вера удаляется. Смирение как душа веры изгоняется, и человек живет внешней жизнью, — это будет в лучшем случае телесный делатель.

Настоящая духовная жизнь, настоящий душевный подвиг понимаются через послушание и никак не по-другому. Принцип послушания заложен в основу православной аскезы.

— А как же приблизиться к идеалу покаяния человеку, живущему в миру, ведь без покаяния нельзя спастись и каждый человек должен принести как можно более глубокое покаяние? Существует идея монастыря в миру. Насколько она применима в современных условиях?

— Святитель Игнатий писал, что прежде, чем стать монахом, нужно стать совершенным мирянином. К этому нужно стремиться даже в том случае, когда человеку нет воли Божией стать монахом. Если продолжить мысль свт. Игнатия, то монашеские обеты, один из которых есть обет послушания, человек должен навязать исполнять еще в миру: если он не постигнет их, живя в миру, то и в монастыре он их не поймет и не исполнит. Если человеку семейному трудно соблюдать монашеский пост, то послушание и он может исполнять и достаточно много в этом преуспеть.

Совершенный мирянин — это человек, который достигает духовного совершенства, насколько это возможно, в миру; он должен делать все, что может, и насколько может, но его духовное совершенство в полной мере невозможно в силу жизненных обстоятельств. Поэтому для полноценной духовной жизни все-таки нужен монастырь: иначе монастырей бы не было. Человеку, имеющему произволение и благословение Божие на то, чтобы посвятить свою жизнь достижению духовного совершенства, нужно, конечно, выбирать монашество. Но решать это он сам не должен, потому что без благословения, по самочинию ничего хорошего не выйдет — в монашеской жизни все строится на послушании и должно вести к смирению.

Идея монастыря в миру возникла в годы гонений. Сейчас, когда монастыри открыты, она утратила целесообразность и приобрела отчасти иллюзорный характер, но кое-что полезное от нее можно позаимствовать. К сожалению, многие миряне, которые симпатизируют монашеству, больше воспринимают и усваивают внешние его формы. Такое подражание постепенно перерастает в своего рода игру, которая приводит к ложному мнению о себе. Особенно это свойственно женщинам: “Я монахиня в миру, я чем-то отличаюсь от других: они не монахини, а я монахиня”, — а человека, в общем-то, никто не постригал, он сам себя возвел в этот чин. Нужно быть самой собой, а не “монахиней в миру”. Если человек станет самим собой, увидит свои немощи, недостатки и будет приносить покаяние, я думаю, что Господь его и в монастырь приведет, если будет на то Его святая воля.

Игумен Никон (Воробьев), подвижник XX столетия, был противником всякой внешней формы и

и относился очень неодобрительно к играм в монашество, в старчество. Он радовался, когда люди стремились к Богу, хотели жить по учению Христа, по святоотеческим писаниям, но гневался, когда люди начинали обряжаться во что-то, принимать на себя вид, подчеркивая, что они монахи или кто-то еще.

Монашество — подвиг глубоко внутренний. Возьмите первых христиан: они не ходили в особенных, отличающихся от других одеждах, но жили святой жизнью. Апостолы и их ученики жили среди мира, в Риме, цивилизованном городе, наполненном соблазнами, но спасались, даже достигали святости. И сейчас в любом современном городе, если человек хочет спастись, он будет спасаться. Ведь евангельские заповеди даны всем христианам, а не только монахам. И книгами Святых Отцов, которые большей частью написаны монахами и для монахов, может руководствоваться любой христианин.

Нужно уметь применить монашеские правила к реальным условиям своей мирской жизни и начать строить ее не столько по монашеским правилам, сколько с учетом всех требований к внутренней жизни человека, а в духовной жизни — и в монастыре, и в миру — они одинаковы. Свою жизнь надо построить так, чтобы была прежде всего возможность молиться. Для этого нужно удалиться от ненужных знакомств, пустых дел, которые отвлекают от внутренней жизни, стараться почаще быть при храме. Если человек будет молиться, постепенно придет все. Человек начнет и покаяние приносить — а это самое главное. Если же человек не будет молиться, а станет проповедовать Евангелие, возродить Православие, заниматься

миссионерством и прочее, то это, может быть, и неплохо, но... прежде всего нужно бы заняться своей душой. Желаящему проводить внимательную духовную жизнь следует читать Св. Отцов, найти духовника, постоянно общаться с ним и постепенно, очень дозированно, применять к своей жизни те правила, которые даны Св. Отцами монахам.

— Существует ли возрастной ценз при принятии в монастырь? Может ли пожилой человек вступить в обитель? Препятствует ли этому возраст и семейное положение?

— Есть канон, который запрещает постриг женщины в мантию раньше достижения ею двадцати пяти лет, но он не всегда соблюдался. Также девушка не может уходить в монастырь без согласия отца, естественно, при том условии, что отец благочестивый православный христианин. Для мужчин возраст нигде не установлен: считается, что мужчина — ответственное лицо и сам может принять решение. Несовершеннолетних не разрешается постригать по государственным законам, не только по современным, но и по древним.

Обитель порой может принять ограниченное число насельников и поэтому, как правило, стараются принять тех людей, которые имеют физическое здоровье и смогут трудиться, особенно, если монастырь строится или восстанавливается. Человек пожилой часто болеет и поэтому неправильно, на мой взгляд, отягощать братию.

С точки зрения духовной, свт. Игнатий говорит, что человек пожилой не способен к подвигу послушания. Я не раз в этом убеждался. Чем человек моложе,

тем он проще: это как чистый лист бумаги, на котором игумен или духовник может писать изречения из отеческих писаний. У человека немолодого — свой жизненный опыт; чтобы что-то ему объяснить, нужно сначала его переубедить, а он имеет возражения. Конечно, люди бывают разные, есть счастливые исключения из этого правила, но все-таки когда человек долгое время пожил в миру, он мыслит определенным образом. Человек же молодой еще не успел повредиться миром, и поэтому он легче достигает духовного преуспеяния. Но в каждом случае это решается по-разному.

Монашество нужно принимать тогда, когда на это есть воля Божия. Преподобный Макарий Великий вступил в монастырь в сорок лет, прп. Павел Препростый — в шестьдесят, однако хотя это скорее — исключение, они святы. Были святые, которые вступили в монастырь не в юном возрасте, хотя, конечно, вступивших в юности подавляющее большинство. Порой люди проходят очень сложную жизнь, полную противоречий и пороков, пока придут к вере и к монашеству, — и бывают неплохими монахами. Но такое бывает редко. Согласно канонам, также нельзя постригаться в монашество супругам, без согласия другой стороны.

— *Можно ли уходить в монастырь, если остаются несовершеннолетние дети? Надо ли платить алименты?*

— Если человек все бросит и уйдет в монастырь, это будет не по совести. Нужно сначала вырастить ребенка, поставить его на ноги, дать возможность приобрести специальность, если это дочь, — выдать замуж, — так, чтобы ребенок мог о себе заботиться сам, и только тогда уходить. Святые Отцы не одобряют

резкого, внезапного ухода в монастырь. Когда человека ничто не связывает в миру — это одно, но когда он связан какими-то обязательствами, то сначала должен отдать свои долги — и моральные, и материальные.

Помните, когда юноша подошел к Спасителю и спросил, что ему делать, *чтобы наследовать жизнь вечную* (Мк. 10, 17), Господь дал ему заповеди, а потом сказал: “Иди, что имеешь, раздай нищим, и следуй за Мной” (Мк. 10, 21). Он не сказал бросить все, но раздать то, *что имеешь*, т. е. указал юноше на его моральный долг: дал тебе именование Господь, ты должен его употребить в миру так, как Бог тебе велит — это сама по себе заповедь, — а потом уже будешь достигать совершенства.

— *Может ли психически больной человек поступить в монастырь?*

— Согласно канонам, психически больных в монастырь не постригают, но такой человек может жить при монастыре послушником или трудником, дело ведь не во внешнем, а во внутреннем настрое. Вообще, понятие “психически больной” очень абстрактно. Кого только не называют психически больным, а в советское время всех верующих называли психически больными, — так считала официальная советская психиатрия.

И психически больные порой достигали святости. Есть лик юродивых Христа ради — среди них были люди как психически здоровые, принявшие на себя юродство ради Христа, так и люди, которые были не совсем здоровы, но тем не менее их подвижническая жизнь доставила им святость. Никакая болезнь препятствий для духовной жизни не представляет.

Что вас встретит в обители?

С какими проблемами сегодня столкнется человек, вступив в святую обитель?

— Когда человек приходит в монастырь, он, как правило, сначала бывает паломником или трудником. За это время он присматривается к монастырю, монастырь присматривается к нему — это старая традиция. Затем, если человек решается вступить в число братии и его берут, то он становится послушником. Послушником он может быть от нескольких месяцев до нескольких лет, порой до нескольких десятков лет, чтобы более глубоко присмотреться, куда он попал и является ли этот монастырь тем, что он ищет, или нет? Ведь постричься-то можно всегда — это несложно, а вот потом быть монахом, настоящим монахом — это уже не просто. Когда человек — послушник, он еще может выбрать: остаться в этой обители или перейти в другую, или понять, что монашество вообще не его путь. Все решения должны быть приняты до пострига, так как после пострига человек умирает для мира. Поэтому нужно получить правильное представление о монашестве, будучи паломником, трудником или послушником.

Человек приходит в монастырь с мечтательными представлениями, которые он получил частью из книг, частью из рассказов паломников, поэтому нужно реально взглянуть на вещи, чтобы понять, что его ждет в монастыре. Конечно, современный монастырь — это не монастырь древний, это даже не тот монастырь,

что был сто пятьдесят лет назад, во времена свт. Игнатия, а нечто иное. И человек должен реально представлять все подводные камни, которые его могут встретить.

Первая проблема — на нее указывал еще свт. Игнатий — это отсутствие духовного руководства. Руководство духовное заменено душевным — оно не настолько глубокое, твердое, удовлетворительное, как руководство духовное. Руководство духовное, собственно, руководство старческое — когда духоносный старец, стяжавший благодать, руководит новонаначального. Таких руководителей сейчас практически нет. Но есть духовники, и руководство все равно необходимо, хотя бы душевное, — просто нужно понять отличие душевного руководства от духовного. Как говорит свт. Игнатий, если раньше люди спасались под руководством духоносных старцев, то сейчас они вынуждены спасаться, руководствуясь святоотеческими писаниями при совете единокоренного брата. Современные духовники — это единокоренные братья.

В наше время прибавились и другие проблемы — это неустроенность современных монастырей, материальная и духовная. Духовная неустроенность, конечно, сложнее: помимо отсутствия духовного руководства — это и отсутствие традиций, которые были в монастырях дореволюционных. Если во времена свт. Игнатия ощущался недостаток духовных руководителей, то, по крайней мере, были уставы, были традиции, которые веками сохранялись в монастырях, и это помогало послушнику стать иноком.

Новонаначальный попадал в братство седых иноков, которые не один десяток лет провели в обители; они

назидали одним своим внешним видом, назидал и сам строй обители, ее дух. Отношения между братьями были установленными, незыблемыми: менялись люди, а порядки оставались прежними. Сейчас же молодой человек попадает в общество таких же молодых людей, как он сам. Если есть в обители старый инок, который прошел монашескую школу, это очень хорошо, но большей частью их нет. Даже игумены, настоятели, духовники, как правило, приходят из мира, часто в прошлом это белые священники, люди, далекие от монашеской жизни, и, конечно, по этой причине возникает много сложностей и скорбей.

Одним словом, сегодня человек ищет ответ на вопрос, что такое монашество, в основном в книгах. Современный монастырь дает некоторое представление о монашеской жизни, сам же подвиг монашества человек постигает с большим трудом, читая Святых Отцов, общаясь с людьми, имеющими духовный опыт. Такие люди очень помогают стяжать правильный настрой, но далеко не сразу они находятся, не сразу открываются, *но всякий ищущий находит* (Мф. 7, 8). Преемственность утрачена, все приходится возрождать заново, но я верю, что *Иисус Христос вчера и сегодня Тот же и во веки* (Евр. 13, 8), и Святой Дух, устроивший святые обители, возродит их, найдет рабов Своих, в которых вселится и через которых восстановит эту преемственность, пошатнувшееся предание, утерянную нами святость. Все это будет восстановлено — я глубоко в это верю, этим живу, — и тогда, конечно, возродится и наше Отечество.

— *Мы много говорили о проблемах современных монастырей, но не послужит ли это кому-нибудь соблазном?*

— Эти вопросы волнуют многих людей, которые думают о монашестве. Вряд ли они хотели бы, чтобы на них надевали розовые очки и представляли им вещи не такими, какие они есть на самом деле. Конечно, я иногда говорю нелицеприятные вещи, но в Православии нет закрытых тем, и на любой вопрос должен быть ответ, иначе возникнет недосказанность и недопонимание. Архимандрит Серафим (Битюгов), известный духовник, говорил одному из своих духовных чад: “Почему ты мне не возражаешь? Ты возражай, и я открою тебе предмет разговора более глубоко, а иначе будет недомолвка”.

Из истории Ветхого Завета мы знаем, что, наряду с пророками истинными, были и лжепророки. Лжепророки, в основном из меркантильных, корыстных побуждений, предрекали Израилю процветание и благоденствие: ешь, пей, веселись. А пророки истинные пытались остановить людей в их грехах и нечестии, они предупреждали о грядущих бедах и разрушениях, ожидающих Иерусалим, призывали народ к покаянию, но их не хотели слушать и побивали камнями. Почти все истинные пророки умерли насильственной смертью, а лжепророки процветали, их слушали и ублажали. Когда же приходила беда, гибли и лжепророки, и те, кто их слушал.

Поэтому я говорю о проблемах современной жизни не с целью поглумиться, но чтобы у людей, которые собираются в монастырь, не было превратного понимания современного монашества. Хочу предупредить заранее, что их там ждет: все-таки не один год я провел в монастыре и считаю, что неправильно будет молчать или обманывать людей.

Недавно одна девушка спрашивала у известного духовника благословения поступить в монастырь. Он сказал: “Это хорошо. Те, кто бывали в монастырях, пока не жаловались”. Это неправда, жаловались; люди подрывают здоровье, в разочаровании оставляют обители, потом вообще уходят из Церкви. И во многом это происходит потому, что они не знают некоторых особенностей, которые их ожидают в современном монастыре. Зная об этом заранее, можно было бы приготовить себя, набраться знаний и сил. Спортсмен, собирающийся на состязание, долго тренируется и уже потом выходит соревноваться. А если человек приходит неподготовленным, он может просто погибнуть.

Мои высказывания могут показаться слишком резкими, но большей частью я цитирую свт. Игнатия: он обличал пагубные явления в современных ему монастырях гораздо сильнее и ни о чем не умалчивал — особенно это видно из его писем. Я бывал в разных монастырях, причем не в качестве паломника, приезжающего на десять дней или на месяц. Знаю монастырскую жизнь изнутри, ее положительные стороны — слава Богу, они есть, и не может их не быть, — и отрицательные, возникшие в силу целого ряда причин: исторически сложившихся обстоятельств, человеческой немощи. Если человек вступит на путь, ведущий ко спасению, неподготовленным, неразумные действия могут увести его в сторону и затем вовсе погубить. *Есть пути, кажущиеся благими, но конец их смотрит на дно адаво* (Пр. 14, 12). Я никоим образом не говорю это о монашестве — говорю о человеческой глупости и поверхностном понимании великого пути к Богу, названного монашеством.

— Недавно вышла книга “Когда чужая боль становится своей”, о старце Паисии Афонском. Автор предисловия к книге критикует современную монашескую жизнь, особенно в женских монастырях. Насколько можно ему доверять?

— Я внимательно читал это предисловие, и у меня не возникло впечатления, что автор критикует монашество. Он обличает недостатки, но не просто обличает, ругая и хуля монастыри, а показывает, как избежать ошибок. Предисловие, опять-таки, обращено к людям, которые раздумывают, стать ли им на путь монашеской жизни или нет, с какими проблемами можно столкнуться и как их решить. Мне кажется, это предисловие вполне актуально.

Знаю я и этого автора. Этот материал, по его просьбе, читал настоятель одного из российских монастырей, который не один год провел на Афоне и лично знал старца Паисия. Он одобрил предисловие и благословил к изданию. Причем на сомнения автора, нужно ли затрагивать такие темы, не соблазнит ли это кого-то, привел высказывание Св. Отцов о том, что кто хочет соблазняться, пускай соблазняется, а кто хочет назидаться, пускай назидается.

В предисловии честно и открыто говорится о некоторых вещах, с которыми человек обязательно столкнется, придя в монастырь. Будет лучше, если он об этом узнает заранее и подумает, как лучше избежать ошибок, свойственных нашему времени, чем потом, столкнувшись с ними, больно ударится, разочаруется и уйдет из монастыря совсем.

Что касается женских монастырей, то, к сожалению, все именно так, как там написано. Я был бы рад

узнать противоположные примеры. Когда ко мне приходили девушки, желающие вступить в монастырь, я направлял их и к о. Иоанну (Крестьянкину) и к о. Кириллу (Павлову) за советом, в какой монастырь идти женщине, — ответов нет. Отец Кирилл говорит: “Ищите и обрящете, а посоветовать ничего не могу”. Горько сознавать, но пока это именно так, будем надеяться, что со временем положение изменится.

Монашеские делания в наше время

Если человек уходит в монастырь, можно ли его уже считать спасенным или это зависит от образа жизни в монастыре?

— Спасает не образ монашеский, не ряса, не клобук и не мантия — спасает жизнь человека. Некоторые люди провели всю жизнь в монастыре и либо по своему смирению, либо в силу обстоятельств, не были удостоены монашеского пострига. Но после их смерти были видения, что они Богом удостоены монашества. Поэтому, кроме пострига, нужно еще проводить достойную жизнь, и это более важно — быть монахом на деле: по устройению души, по взглядам, по всей жизни. А если этого не будет, то монашеский образ послужит только в суд и осуждение.

— Как решать проблему духовного руководства? Можно ли в монастыре поддерживать духовные отношения с духовником, к которому обращался за руководством в миру?

— Конечно, лучше всего найти духовника до вступления в обитель, потому что в обитель нужно вступать, имея некоторую подготовку. Один из существенных подвигов монашества и вообще духовной жизни — подвиг послушания. Уже в миру человек должен приобрести соответствующие навыки, тогда монастырские требования и порядки не будут для него неожиданными. Обет послушания — один из обетов монашеской жизни, поэтому человек должен понять его значение и необходимость еще до монастыря, и, найдя духовника, попытаться руководствоваться его советами. Если человек вступает в обитель по благословию своего духовника, то не нужно прерывать общение с ним. В некоторых обителях, особенно женских, требуют непременно прервать эти отношения, говоря, что в монастыре есть духовник и его руководства достаточно. В женских монастырях это, как правило, белый священник, который зачастую не очень хорошо понимает проблемы монашества, и при таком духовном руководстве человек очень многое теряет. Мне приходилось беседовать с людьми, которые попали в такую ситуацию и очень из-за этого переживали.

По-моему, это неправомерные требования: в святоотеческих творениях нет советов оставить духовника, с которым сложились отношения до вступления в обитель. Если есть духовная польза от общения с человеком, для чего же его оставлять? Наоборот, святитель Феофан Затворник одной девушке, которая желала поступить в монастырь, советует сначала найти духовника и затем поддерживать с ним отношения письменно. “Таким образом, — говорит святитель, — можно будет хоть как-то восполнить недостаток

духовного руководства, который существует в современных обителях”.

Конечно, если в монастыре человек найдет руководство более глубокое, чем было прежде, то поддерживать связь с духовником только потому, что он был нашим духовником и многое для нас сделал, по-моему, будет не очень разумно. Кстати, о. Кирилл (Павлов) на вопрос, можно ли перейти к другому духовнику, если нет удовлетворения нынешним, ответил, что в наше время надо несколько свободнее смотреть на это, и если прежний духовник не удовлетворяет или человек вынужден уехать в другое место, то нужно поискать другого духовника.

На мой взгляд, духовник должен быть рядом. Особенно важно иметь постоянное общение с духовником для новонаначального, чтобы можно было все спросить, исповедать помыслы, взять благословение даже на какие-то мелкие дела. Когда духовник где-то за тридевять земель, то общение становится номинальным: при переписке проходит порой несколько недель, а то и месяцев, пока человек получит ответы на свои вопросы. За это время проблема решается сама собой и необходимость совета отпадает, а человек при таком образе руководства живет самочинно. Но если в обители, в которую он вступил, вообще нет никакого руководства, то, наверное, имеет смысл поддерживать отношения с духовником прежним.

— А как осуществляется духовное руководство в женских монастырях, если в них нет монашествующих духовников и нет возможности задавать им свои вопросы? Не в лучшем ли тогда положении

оказываются те христианки, которые не ушли в монастырь и имеют возможность ездить к духовнику для духовного общения?

— К великому сожалению, в наше время в женских монастырях духовное руководство, как правило, не осуществляется никак. Порой игуменьи пытаются брать на себя роль стариц, духовных руководителей, но в большинстве случаев, ничего хорошего из этого не получается, потому что между игуменством и духовничеством, старчеством существует большая разница. К сожалению, я не слышал о существовании настоящих стариц в современных монастырях.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) в свое время писал, что старцами почему-то обычно называют благообразных старичков, тогда как старец — это человек, причастный благодати, который имеет от Бога дар духовного руководства. О таких сейчас и не слышно. Если в мужских монастырях есть хоть какие-то духовники, то среди женских я не знаю ни одного современного монастыря, в котором бы удовлетворительно осуществлялось духовное руководство.

Получается, что христианки, которые живут в миру, имеют больше возможности поехать к своему духовнику, поселиться рядом с монастырем или храмом, где служит их духовник, ведь в женских монастырях почти никогда не отпускают к духовнику. Так что я даже не знаю, что сказать людям, которые хотят жить при духовном руководстве в женских обителях, потому что, на мой взгляд, без духовного руководства монашество принимать нельзя.

— Кроме того, что духовное общение необходимо для нашего спасения, оно, как правило, доставляет еще и большую духовную радость. А здраво ли такое

желание — иметь в духовнике человека, который бы тебя понимал, сочувствовал, видел твои нужды?

— Духовное общение — это дар Божий и милость Божия. Если человек находит в наше скудное духовно время духовного отца, близких по духу братьев и сестер, нужно всю жизнь благодарить за это Бога. Духовное общение доставляет большое утешение душе, конечно, если это действительно духовное общение, а не душевное, не празднословие. Кстати, одна из обязанностей духовника — утешать. Об этом говорил еще прп. Антоний Великий; и апостол пишет: «Исповедуйте друг другу согрешения (Иак. 5, 16), *утешайте друг друга* (1 Фес. 4, 18)». Дар утешать в скорби — это особый благодатный дар. Его получают люди, которые сами претерпели много скорбей и потому понимают страдания других людей: будучи сами искушены, могут и *искушаемым помочь* (Евр. 2, 18).

Желание, чтобы духовник тебя понял, — вполне нормальное. Духовнику нужно верить. А для того, чтобы верить, нужно видеть, что вы единомысленные с ним люди, что у вас одинаковые представления о духовной жизни, основанные на истине, на учении Святых Отцов, по которым вы оба стараетесь жить, приобретая тем самым духовный опыт. При духовном общении сбываются слова Евангелия: *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20), — среди них так же присутствуют Святые Отцы своим духом и наставлениями.

Такое духовное общение — действительно великое утешение. Господь обещал в Евангелии: *Кто оставит отца или мать, братьев и сестер* (Мф. 19, 29) ради Меня, то *получит в сто крат* больше и отца, и

матери, и братьев, и сестер (см. Мф. 19, 29). Действительно, когда человек решается оставить мир и пойти в святую обитель, если он это делает по Богу, то рано или поздно Господь посылает единомысленных братьев и сестер. Только не надо их искусственно придумывать: Господь Сам все пошлет. Люди спасаются не в одиночку, а в Церкви, в общине. И, конечно, величайшая милость Божия, если, придя в обитель, человек найдет в ней по-настоящему дружное братство, где люди называют друг друга братьями и сестрами не потому, что так принято по традиции, а потому, что они действительно ими являются.

Взаимопонимание при духовном общении — это единство духовных взглядов, таинство общения душ. Святитель Игнатий говорит, что духовник должен составлять представление о своем духовном чаде не только из того, что он рассказывает, но должен видеть его душу, проникать в нее духовным действием. Если это духовник от Бога, Господь помогает ему. Настоящие старцы и настоящие послушники — это одно целое, неразрывное и нераздельное единство в Святом Духе, и такими они переходят в вечность.

— В любой обители человек вступает в общение не только со своим духовником, но и с братией, игуменом. В древних патериках описаны удивительная братская любовь и единомыслие, которые создавали неземную, райскую атмосферу в монастыре. Может ли быть единомыслие в обители, если в ней оказываются духовные чада разных духовников, а не общего духовного руководителя? Может ли быть единомыслие, если братия многочисленна?

— Преподобный Иоанн Лествичник называет святую обитель раем на земле во многом благодаря тому, что в этом земном раю живут земные Ангелы или небесные человеки, то есть монахи. Состояние духовной атмосферы в обители зависит от духовного уровня насельников, которого они достигли на своем пути к Богу, и, конечно, если люди, подвизаясь в обители не один десяток лет, стяжали благодать, она изливается из их сердец на окружающий мир. Если человек попадает в такую обстановку, он попадает на небо: слышит слово назидания, видит многочисленные примеры праведности.

К сожалению, современное монашество далеко не всегда предоставляет такие условия и, в общем-то, не совсем разумно искать идеального. Мы не должны ни от кого ничего требовать, даже от монастыря, чтобы он соответствовал нашим представлениям, потому что эти представления во многом мечтательные. Поискать можем, а требовать — нет. Никто нам ничего не должен: ни игумен, ни братия. Мы приходим в обитель ради труда над своей душой, и если чего-то достигнем, Господь Сам приведет к нам людей, которым будет интересно общаться с нами. Эти люди откроются перед нами и начнется общение душ: *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них*. Это говорится о тех людях, которые исполняют заповеди Христа. Господь соединяет их в единое целое братство.

Если духовники иноков действительно духовники от Бога, то братия, может, и не во всех вопросах будут согласны между собой, но в главном они будут единокорны и будут радоваться успехам друг друга — так должно быть. Конечно, прежде всего человек

общается со своим духовником, но, хочет он того или не хочет, в обители есть игумен, благочинный, собор старшей братии и надо всех слушаться, а значит вступать в общение с ними.

Пусть игумен не всегда соответствует нашим представлениям, но он и не должен им соответствовать: он, в общем-то, подотчетен одному Богу и священноначалию, которое его назначило. Без Божией воли не назначается ни один игумен, и всякая власть — от Бога (см. Рим. 13, 1), прежде всего, конечно, власть церковная. Поэтому мы должны оказывать послушание и подчиняться ему, и через подчинение игумен порой открывается совсем с иной стороны, нежели мы его воспринимали.

Если мы будем жить по-христиански, все терпеть, покрывать любовью немощи наших ближних, то будет и плод любви. Ведь заповедь о любви — это прежде всего заповедь о терпении, о ношении немощи ближних. Тогда братия будут покрывать и наши немощи. Неправильно требовать чего-либо от других, словно нам все должны, — только мы ничего не должны. Нужно, чтобы было наоборот. Если мы будем настоящими делателями, вокруг нас будет все, что нужно. Как сказал преподобный Варсонофий Оптинский, “если в сердце мир, то и в тюрьме рай”. Если рай бывает в тюрьме, среди преступников, то тем более он будет в святой обители. И создать его должны с Божией помощью мы сами.

— *Но в идеале монастырь должен представлять собой единую духовную семью?*

— Еще преподобный Варсонофий Великий говорил, что монастырь — это единая семья, но для этого каждый насельник должен привнести свой труд.

Хотя, конечно, очень многое зависит от игумена, правящего архиерея, духовника обители. При благоприятной обстановке монастырь будет раем, местом спасения и духовного совершенствования.

— *Если послушание в административном отношении отличается от послушания в духовном смысле, то в какой мере и в каких формах нужно оказывать послушание игумену?*

— Если духовника мы должны слушаться во всем, по крайней мере, в том, что не противоречит Святым Отцам и нашей совести, то игумена — во всем, что касается его административных приказов. Игумен имеет полное право послать нас на любые работы или дать должность, для которой мы считаем себя неспособными или недостойными, — игумену виднее. Его нужно слушаться ради Бога, нравится нам это или не нравится: послушание потому так и называется. Если игумен поступает, на наш взгляд, не совсем разумно или несправедливо, есть Бог: в обители игумен — Господь, а игумен — относительный начальник, и без Божией воли ничего он не сделает. Поэтому его распоряжения нужно воспринимать в контексте воли Божией. Но если какое-то послушание не по силам или душевредно, нужно игумену об этом сказать.

— *Какие виды монашеского делания оставлены нашему времени, мы ведь уже не на все имеем силы?*

— Отец Никон (Воробьев) в своих письмах говорит, что нам оставлено покаяние и терпение скорбей, другие подвиги недоступны уже почти никому, прежде всего потому, что нет учителей. Настоящий телесный подвиг — пост, бдение, правило на поклоны — могут преподавать люди духовно опытные, которые

сами постигли науку монашеского делания. Как предсказывали старцы последнего времени, сегодня таких отцов практически нет, приходится до всего доходить своим умом. Поэтому происходят ошибки, недопонимание, влекущие за собой многие скорби.

В наше время можно услышать оправдания людей, которые свое нерадение прикрывают словами Отцов о том, что нам не даны никакие подвиги, а своеволие прикрывают тем, что сейчас нет старцев. Да, старцев нет, но духовники есть, и принцип послушания останется в Церкви всегда.

Но если вы ищете духовника, заранее поймите, что духовник — человек со своими немощами и недостатками, поэтому, кроме того, что он будет руководить вас к Богу, как человек, он может иметь свои заблуждения. И при следовании его совету вы не гарантированы от ошибок, — а за ошибки бывает расплата. Поэтому, вступая на путь послушания, надо взять некий процент на те скорби, которые придется понести в результате ошибок, непонимания истины вами и, может быть, недостаточной опытности вашего духовника. Это нужно знать и не смущаться: все мы люди. Еще прп. Иоанн Лествичник говорил, что если ты увидишь в своем наставнике как в человеке какие-то немощи, вспомни его добродетели.

Будет также ошибкой говорить, что каждый батюшка прозорливый, каждый откроет волю Божию, что надо делать все, как говорит священник, и тогда не будет никаких ошибок, а все будет хорошо. Нет, не всегда будет хорошо: духовник тоже человек, несомненно будет ошибки. Но это все равно лучше, чем

жить самочинно, потому что, если человек живет самочинно, он никогда не научится смирению.

Человека, конечно, смиряют скорби, но они смиряют до определенной степени, они подводят человека к науке смирения, а дальше уже должен идти подвиг послушания. Обязательно должен появиться в жизни человека наставник, который будет руководить его, научит его читать Святых Отцов, откроет перед ним глубину и мудрость отеческих творений. Поэтому, несмотря на недостаточную опытность современных духовников, духовное руководство необходимо. Подвиг послушания — основа основ духовной жизни православного человека.

— *А делание молитвы? Ведь без него тоже невозможно монашество?*

— Без молитвы нет монаха, и монах без молитвы — это горелая головешка, как говорил преп. Серафим Саровский. Может быть, сейчас нет молитвенников, какие были в древности, имевших самодвижную, созерцательную молитву, созерцания, или их крайне мало, но тем не менее сам по себе молитвенный подвиг для монаха необходим. Если человек идет в монастырь, он идет прежде всего для того, чтобы там молиться. Монастырь должен предоставить человеку возможность молиться, пусть не сразу, — может быть, сначала человек должен потрудиться на послушаниях, испытать на верность свое желание монашеской жизни, — но потом все-таки он должен получить возможность заняться молитвой.

Чтобы заняться молитвой, нужно узнать правильный способ молитвы. Для этого, опять-таки, нужно читать Святых Отцов, общаться с людьми, которые

действительно молятся и в жизни своей являют плоды молитвенного делания. *Плод духовный есть любовь, радость, мир, долготерпение, милосердие, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22), — если вы встретили такого человека, знайте, что вы встретили молитвенника, потому что молитва есть мать добродетелей. Молитва и смирение рождают все остальные добродетели. Без молитвы добродетелей не будет; человек, не радящий о молитве, не достигнет совершенства. Молитва — это не просто одно из частных деланий. Молитва — это центральное делание, она — способ богообщения: мы разговариваем с Богом посредством молитвы. Бывает, вычитал человек кафизму или две, или Псалтирь за ночь прочитал — и довольствуется количеством, а назначение молитвы — богообщение, чувства к Богу, рождающиеся вследствие внимательной молитвы, ответы Божии, которые воспринимает душа во время молитвенного правила. Нужно основательно понять значение молитвенного подвига.

— *Значит, делания остались те же?*

— Делания остались те же, но в других видах. Святитель Игнатий в предисловии к своей книге “Приношение современному монашеству” говорит: “Здесь указаны изменения не в сущности, а в обстановке, имеющие на сущность существенное влияние; здесь указано, как нужно пользоваться писаниями древних и применять их к современности, избегая того ложного положения с его последствиями, в которые поставляется всякий, не понявший и не приметивший необходимости применения”. Формы современной монашеской жизни несколько иные, чем формы древние, поэтому нельзя гоняться за формами.

Святитель Игнатий говорил, что “погоня за формами бесплодна, смешна. Стремитесь жить по духу, а не по букве, и тогда вы облечетесь во Христа, облечетесь в самую новую и вместе с тем самую древнюю одежду”.

Необходимо понять сущность изменения форм жизни монашеской и христианской в связи с изменившейся обстановкой, в связи с тем, что меняются внешние условия, меняются наши телесные силы, но остается суть, остается истина, догматы христианства, добродетели, делания. Жизнь древней Церкви, даже жизнь Церкви 150 – 200 лет назад очень отличалась от современной. Древние Отцы – дети своего века, поэтому они описывали те формы духовной жизни, которые были тогда. В святоотеческих творениях нужно увидеть за буквой дух, чтобы слепо не следовать за буквой, а искать смысл и рассуждать, что применимо для нас, а что уже не применимо, потому что переменялись условия. Догматы православной веры не могут быть изменены, но внешние проявления деланий – молитва, пост, послушание и др. – могут меняться, при том, что сама суть монашеской жизни, молитвенный, покаянный подвиг остаются прежними.

– *В аскетической литературе есть такое понятие как откровение помыслов старцу. Насколько оно возможно в наше время?*

– Для того, чтобы открывать помыслы, нужно уметь это делать; этому деланию учатся. А для того, чтобы учиться, кроме ученика, должен быть учитель, который был бы в состоянии принимать помыслы. К сожалению, в современной жизни исповедь помыслов превращается в какую-то игру и, как сказала одна моя знакомая, это делание из оружия против дьявола

превратилось в очень эффективное оружие дьявола против нас. Поэтому далеко не каждый способен открывать помыслы. Еще более редки люди, которые способны принимать помыслы так, чтобы из этой исповеди действительно проистекала духовная польза. В общем-то, при желании можно попробовать, но для этого нужно сначала найти человека, который сможет вас выслушать.

Мирянам далеко не всегда рекомендуется это делать. Святитель Игнатий говорил: что полезно монахам, не всегда полезно мирянам. Это все-таки аскетическое делание, которое неразрывно с монашеским деланием непрестанной молитвы Иисусовой. И, конечно, необходим подвиг послушания, подвиг доверия своему духовнику, жизнь строго по благословию — когда это есть, тогда исповедь помыслов будет действенной и полезной.

— *Порой миряне, соблазняясь поведением нерадивых монахов, осуждают монашество и монастыри. Что можно ответить на это?*

— Подвиг многих людей, особенно внутренний, сокровенен, поэтому мы не имеем права судить: мы не знаем их жизни. Я преклоняюсь перед теми людьми, которые вступили на путь монашества: не без Промысла Божия это бывает. Некоторые, сначала живущие нерадиво, потом приходят в раскаяние. Нас спасает Господь, а не мы сами спасаемся. Сейчас мы видим нерадивого монаха, а завтра он будет очень ревностным. А главное, мы не имеем права судить никого, потому что сами несколько не лучше, а однако осуждаем.

Я бывал в разных монастырях и многое видел, но меня мало заботило то, что там происходит: меня

волновало спасение моей души, я искал людей, которые могли бы доставить мне пользу. И какое мне дело до того, кого и как Господь спасает, для чего и почему Господь сподобил человека монашеского образа.

Сейчас оскудела духовность, оскудел прежде всего христианский мир, откуда приходят в монастыри. Поэтому в современном мире монашество, по свидетельству свт. Игнатия, помимо поиска человеком духовного совершенства, имеет еще одну задачу: если в древности уходили в монастыри для достижения святости, то сейчас зачастую люди приходят в монастыри для того, чтобы хотя бы не погибнуть, потому что в миру они совсем не могли бы спастись.

В воспоминаниях о прп. Амвросии Оптинском есть такой случай. Образованный интеллигентный человек, которого оставила жена, начал пить, впал в отчаяние и решил покончить жизнь самоубийством. Но случилось, что он зашел к старцу Амвросию и сказал, что не видит никакого смысла в дальнейшей жизни. Батюшка стал уговаривать его остаться в монастыре. Тот начал отказываться, говоря, что пьет, курит и не может жить по-монашески. “Пей, кури, только живи в монастыре”, — сказал старец. Он был принят в обитель, стал жить в монастыре так, как жил в миру.

Со временем, видя жизнь монахов, он перестал пить, курить, стал ходить на службы. Дьявол решил этого так не оставлять. Приехала его бывшая жена и предложила вновь создать семью. Он уехал из монастыря и неожиданно ослеп. Осознав, что Господь спас его, уведя из этого мира, и что возвращаться туда нельзя, он стал раскаиваться в том, что нарушил благословение старца.

Прийдя опять к преподобному, он на коленях просил принять его обратно. Батюшка сказал ему: “Тебя можно взять в обитель в том случае, если ты обещаешь Богу приносить настоящее покаяние, по-настоящему быть монахом”. Тот ответил, что готов остаться слепым, лишь бы только не погибла его душа. Со временем он был удостоен монашеского пострига, Господь исцелил его от слепоты, он стал одним из примерных в братии Оптиной пустыни. Вот так Господь вмешивается в жизнь людей. В миру этот человек погиб бы, а в монастыре мудростью прп. Амвросия не только спасся, но и достиг преуспеяния в духовной жизни.

— *Как совмещается то, что монашество есть житие покаянное и в то же время путь к высокому духовному совершенству?*

— Одно другому не противоречит. Более того, вся духовная жизнь основана на покаянии. Христианства вне покаяния нет. Господь говорит, что пришел спасти не праведников, а грешников, потому что *не здоровые имеют нужду во враче, но больные* (Лк. 5, 31–32). Если человек не считает себя больным, он не нуждается во Христе, хотя он может считать себя верующим, ходить в храм. Таковы были фарисеи: они были набожными людьми, чтущими закон, но во Христе, в живом участии Бога в их жизни они не нуждались. Он им был не нужен, потому что они были самодостаточны и самодовольны.

Когда человек начинает понимать, что живет неправильно, осознавать свои недостатки, сожалеть о том, что он не достиг того, что хотел, он начинает

прилагать усилия, чтобы чего-то достигнуть. Видя свои немощи и страсти, человек вступает с ними в борьбу, потому что, если это враг, то его нужно низложить. Отсюда рождаются покаянные чувства. Чем больше человек видит своих немощей, тем большей ревностью возгорается, а значит, тем большей благодати сподобляется у Бога.

— *Те, кому доводилось присутствовать на монашеском постриге, бывали поражены удивительной красотой этого чинопоследования. От лица постригаемого, уподобляемого блудному сыну из евангельской притчи (Лк. 15, 11–32), читаются молитвы: монах начинает свой покаянный путь к Богу. Получается, что мирские люди еще не начинали этого пути?*

— Я тоже еще не начинал этого пути, хотя участвовал в этом чине не только как наблюдающий. Этот красивый чин трогателен для всех присутствующих, но трудно передать, что чувствует постригаемый, — это поистине рождение в иную жизнь. Вся монашеская жизнь есть жительство покаянное, но осознать, что, собственно, каяться-то мы и не начали, — это есть начало покаяния, начало настоящего, подлинного пути к Богу.

— *Чем отличается жизнь схимонахов в монастыре от жизни простых монахов?*

— При постриге в схиму монах дает те же самые обеты, что и при постриге в малую схиму, т. е. в мантию, но, повторяя их, монах обязуется их исполнять более глубоко. Собственно, схима есть полнота монашеской жизни, а мантия, по учению Святых Отцов, еще не полноценное монашество. В современной жизни, когда многие подвиги, которыми спасались древние

Отцы, неисполнимы, когда по внешним признакам трудно отличить схимника от просто мантийного монаха, я думаю, что настоящий схимник отличается ничем другим, а только глубочайшим смирением. Это смирение проистекает от духовного опыта, от живого познания человеком Евангелия. Когда человек исполняет евангельские заповеди, он становится причастным благодати Святого Духа и свои обеты понимает более глубоко и более духовно. Настоящий схимник — это человек, который живет в Боге и Богом, это молитвенник за мир в самом высоком понимании.

Сколько я видел настоящих, подлинных схимников, они всячески скрывают то, что они схимники, даже не надевают схиму в монастыре. Если они идут в храм и по уставу должны быть в схиме, то прячут ее под мантию, чтобы никто не видел; они избегают общения с мирянами, которые, видя схимника, как правило устремляются к нему. Подлинный схимник — это человек, который посвятил себя молитве и уединению.

Когда у архимандрита Серафима (Тяпочкина), величайшего старца XX века, спросили, почему он не принимает схиму, он ответил: “У меня много духовных чад, если я приму схиму, то не смогу общаться с ними. Пока я не вижу воли Божией на это”. Такое смиренное мнение имел батюшка, а он был свят и совершал чудеса, чему и я был свидетель.

— *Но ведь известны случаи, когда великие старцы, несмотря на принятие схимы, все-таки несколько не уменьшали своего общения с духовными чадами. Видимо, воля Божия бывает разная в зависимости от каждого конкретного случая?*

— Смысл монашества не в том, чтобы не есть, не пить, не спать, а в том, чтобы приносить покаяние и молиться. Поэтому, если схима приведет человека в смиренное состояние, приложит ему покаянного делания, т. е. человек будет считать себя недостойным схимы и через это смиряться — тогда есть воля Божия принять схиму. Ведь дело не в схиме и не в мантии — дело в смирении, в духовном настрое человека.

— *В книге “Записки игумении Таисии” повествуется об очень сильных искушениях и скорбях, которые она претерпела, будучи еще простой монахиней. Для чего нужны были такие скорби, кажется, даже чрезмерные, были ли они по воле Божией?*

— Игумении Таисии было много видений, которые предсказывали ей тяжелый, крестный путь, поэтому все эти искушения, несомненно, были по воле Божией или по попущению Божию. Они имели целью образовать ее как монахиню и как будущую руководительницу сестер и, в общем-то, достигли своей цели: игумению Таисию воспитали скорби. Она пошла путем монашества последних времен: это скорби, скорби и скорби. У нее был старец-духовник архимандрит Лаврентий, но он находился далеко от нее, и недостаток духовного назидания восполняли тяжкие скорби.

Промыслительно остались ее записки, из которых видно, что путь монахов нашего времени — крест. Это и всегда был крест, но путь монашества современного — крест сугубый. Тем не менее, крест этот не безрадостный и не безутешительный: посещает Божия благодать и помогает нести его, Господь идет рядом.

В одной древней рукописи описан такой случай. Некий человек все время молился, чтобы Господь его никогда не оставлял и всегда был рядом. Достигнув

старости, человек видит следующее видение: как будто он идет по берегу моря, оглянувшись, видит, что рядом со следами его ног остаются и другие следы. Он обрадовался, поняв, что это следы Господа, Который слышал его молитвы и пребывал рядом с ним всю жизнь. Но потом он заметил, что в самых трудных местах пути один след прерывается, и человек возроптал: “Господи, я же просил, чтобы Ты был рядом со мной всегда, а Ты отступал, когда мне было особенно тяжело”. И тогда послышался голос: “Нет, сын Мой, Я не отступал, но там, где тебе было тяжело, Я нес тебя на руках”.

Это удивительное видение очень утешает всех нас. Да, мы спасаемся скорбями, спасаемся крестом, но без Божией помощи, без Божией благодати не могли бы ничего перенести, а благодать Божия и помощь всегда готовы для ищущих ее.

— *Но все-таки о. Лаврентий благословил игуменню Таисию по причине тяжких скорбей перейти в другую обитель, потому что наносился серьезный вред ее здоровью.*

— Да, это одна из причин, по которой он благословил ей поискать другую обитель, где труд был посильным. Так благословляли раньше и благословляют сейчас; скорби — хорошо, но они все-таки должны быть посильными. Поэтому иг. Таисия была сначала в одной обители, потом в другой, пока Господь не привел ее Своим Промыслом в обитель Леушинскую, где, после многих скорбей, она стала настоятельницей.

— *Что нужно, чтобы возродилась нормальная духовная жизнь в монастырях? Святитель Игнатий называл необходимые условия для этого*

применительно к монастырям своего времени. Что можно сказать о нашем времени и что каждый из нас может сделать для этого возрождения или все только в руках Божиих?

— Прежде всего, воля Божия и Промысл Божий — судьбы Божии. В первые века христианства монашества не было. Как известно, оно возникло в III–IV вв. Духовные писатели говорят о золотом веке монашества — это времена преподобных Антония Великого, Пимена Великого, Иоанна Лествичника, Варсонофия Великого. История монашества, как и история христианства, извилиста: были периоды упадка христианства и вместе с ним упадка монашества, и были периоды возрождения. Возрождение христианства часто начиналось с возрождения монашества. Приходил какой-нибудь православный народ в состояние нравственного, духовного упадка; появлялся монах, который воспитывался в этом же народе Божией благодатью и достигал святости. Благодаря его святому примеру все вокруг перерождалось.

И история нашей Церкви такова: во времена Екатерины II, реформ Петра I был нанесен сильный удар по монашеству. Многие монастыри, которые были основаны еще учениками прп. Сергия Радонежского и в которых сохранялась духовная преемственность, были уничтожены. Они были разрушены, конечно, по грехам людей: и самих насельников, и всего народа. Постепенно монашество стало возрождаться, появился Паисий Величковский и его ученики, оптинские старцы, святитель Игнатий (Брянчанинов). Потом пришла революция, которая растоптала те ростки, которые начали появляться. Однако монашество не было

уничтожено, зернышки его сохранились, как говорит Господь пророку Илие: *Я сохранил Себе семь тысяч, которые не преклонили колена пред Ваалом* (3 Цар. 19, 18). Ветхий Завет повествует, что из этих семи тысяч потом произошел народ Божий, который был силен своим благочестием и этим побеждал своих врагов.

Сейчас происходит процесс возрождения, являются достойные люди, открываются святые обители и в них вырастают, воспитываются монахи. Всего десять-пятнадцать лет идет возрождение Церкви, и за это время большие перемены произошли и в народе, и в обителях. Случается, приезжаешь в обитель, где давно не был, — там перемены, а главное — удивляют люди, которые появились, воспитались. Господь знает, что делает.

Конечно, кроме внешних, благодатных причин должно быть произволение человека — это, безусловно, монашеский труд, внутренний, покаянный и, конечно, труд руками, потому что обитель должна иметь благообразный вид, украшенный, благолепный храм и стены, ограждающие ее от внешнего мира. Главное же — должна быть духовная жизнь: покаяние, послушание, молитва, трезвение, чтение Святых Отцов. Думаю, чтение Святых Отцов — один из важнейших факторов возрождения каждой души, отдельного монастыря и всего русского монашества.

— *То есть, каждый из нас может внести частичку в это возрождение путем работы над собой?*

— В общем, да. Никто из нас не знает, что будет с нами завтра: много было людей, которые и не помышляли о монашестве. Если бы мне сказали лет двадцать назад, что я буду иеромонахом, я бы не поверил: у

меня и мыслей таких не было, я считал себя недостойным монашества. Но прошли годы, и Господь устроил Своим Промыслом совсем по-другому. Кроме того, обитель никогда не бывает сама для себя, обитель возникает среди людей, где есть христианство. Жизнь христианского мира и жизнь монастыря всегда взаимосвязаны: мир, как правило, несет в обитель свою трудовую копейку, а монахи молятся, монахи возрождают прежде всего свои души, а затем души тех, кто к ним обращается за духовным советом. Пример святой жизни — это самая сильная проповедь. И когда он есть, есть духовный рост, значит обязательно будет и возрождение.

Антимонашество

Ответы на вопросы корреспондента журнала "Благодатный Огонь"

Марфа, Марфа! Ты заботишься о многом,
нужно же единое.
(Лк. 10; 41).

Отец Сергей, в последнее время в околоцерковных и обновленческих печатных изданиях (парижская "Русская мысль", кочетковский журнал "Православная община") начались разговоры о возможной канонизации монахини Марии (Скобцовой). Каково Ваше отношение к этому?

— Мать Мария — человек известный, оставивший заметный след в истории русской эмиграции. Можно даже сказать, что она была неким оригинальным подвижником благочестия XX века. Но говорить о ее святости, мне кажется, было бы не совсем правильно.

Она была православной монахиней, и ее служение, и ее жизнь, и прежде всего, ее мученическая кончина, конечно, заслуживают внимания и уважения. Но тем не менее, мне кажется, говорить о канонизации этого человека все-таки не стоит — по той причине, что хотя она и имела кончину христианскую, непостыдную, но далеко не все в деятельности матери Марии заслуживает подражания.

Ведь когда канонизируют человека, его жизнь сразу становится предметом пристального изучения православных людей, потому что к мученической смерти человека его подготавливает праведная жизнь. Говорить о святости жизни матери Марии, делать ее примером для подражания, мне кажется, было бы ошибочно.

— *Почему именно сейчас начались разговоры о канонизации матери Марии?*

— Разговоры об этой канонизации исходят из обновленческих, экуменических кругов, которые сейчас начинают поднимать голову. Раньше в нашей стране экуменизм насаждался, в основном, государством, и поскольку он как бы навязывался Церкви извне, то основная полнота церковного народа его не принимала. Такое вмешательство государства в дела Церкви и все, что от государства исходило, естественно, принималось настороженно и, в общем, враждебно. И это вполне справедливо, потому что советское государство,

которое было атеистическим и прямо называло себя враждебным Церкви, разумеется, ничего хорошего Церкви не желало. И экуменизм был нужен с одной целью: чтобы насаждать “мир во всем мире”. Естественно, мир коммунистический. Далеко не весь мир признавал советское государство, и в те круги мировой общественности, куда советские дипломаты не имели доступа, посылалась маленькая миссия “церковных людей”.

Сейчас времена изменились, государство уже не является враждебным Церкви: наоборот, Церковь получает понимание и поддержку в лице президента и правительства, даже слышно своего рода раскаяние за прошедшие годы гонений. Экуменизм теперь, в основном, исповедуют интеллигентские круги, которые пришли к Богу недавно. Ведь Церковь сегодня на 60—70 процентов состоит из неофитов.

И вот, не совсем понимая историю Церкви, ее догматику, каноны, эти люди приносят с собой современные, как они говорят, “демократические тенденции”. Они утверждают, что учение Церкви устарело, что сейчас начинается эпоха объединения всех народов, стирание всех границ и различий; создается единая мировая экономика, вырабатываются единые, “общечеловеческие ценности”. Поэтому должна быть и “единая Церковь”, ибо в результате вражды между верующими происходят отрицательные последствия для земной жизни людей.

Конечно, где вражда, там ничего хорошего не бывает, но Православие не может разделять взгляды католиков, протестантов, иудеев, магометан. Православная Церковь в России никогда не относилась

враждебно к верующим других религий: все иноверцы и инородцы всегда имели возможность жить в условиях своей культуры. Другое дело — враждебность по отношению к Православию, прозелитизм, “крестовые походы”, которые ведут против Православия не только католики, но также и протестанты.

И вот, некоторым интеллигентам экуменизм кажется какой-то спасительной панацеей. Однако есть Истина, которая не может принимать ложь. Только Православие являет собой полноту Христовой Истины, и не может оно с любовью и приятием относиться ко лжи. Ибо не может быть глубоким и прочным то учение, где примешана ложь. В экуменизме истины нет.

Околоцерковные, неофитские круги хотят канонизировать мать Марию как символ некоего “монашества будущего”, а на самом деле — псевдомонашества. Мать Мария превозносила роль интеллигенции в жизни Церкви и всегда сетовала, что интеллигенцию в Русской Церкви недооценивали, она считала, что именно интеллигенция спасет Церковь. Сама она общалась с разными писателями и учеными из русской эмиграции и, видимо, относилась к монахам-интеллигентам.

Но мне кажется, перед Богом неважно, кто ты: интеллигент, простой человек, деятель искусства, крестьянин или рабочий. Прежде всего ты должен быть православным христианином. А в Церкви главный — епископ, потом — священник. И любой человек должен прежде всего слушаться своего пастыря. Я уже не говорю здесь о словах Священного Писания: *Женщина в Церкви да молчит* (1 Кор. 14; 34)...

Мать Мария говорила и писала такие вещи, что порой просто хватаешься за голову. Например: “Христовая Истина подменяется бесчисленными правилами, традициями и внешними обрядами”. То есть она противопоставляет каноны, традиции и обряды Православной Церкви Христовой Истине!

На самом деле то, что сохранилось в Православии, сохранилось во многом благодаря православным людям, которые сберегли не только суть, содержание, но и форму православной жизни. Они никогда не делали из нее фетиш, не считали основным, первостепенным, но тем не менее форма жизни, которая сложилась за несколько веков, форма церковности, обрядов, Таинств — все это необходимо. Форма богослужения, формы жизни прихода, монастыря — все это складывалось веками, выдержало многие гонения и испытания.

Естественно, в XX веке какие-то формы могут быть изменены — не уничтожены, не отменены, а просто изменены, приспособлены к современной жизни. Потому что форма важна лишь настолько, насколько она имеет в себе содержание, насколько она позволяет содержанию выразиться вовне. Но это же не значит, что вообще никакие формы не нужны! Тогда можно уйти в протестантизм, который грешит тем, что отрицает все — абсолютно все — формы как устаревшие. Старый мир “разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим!”

Вот современные обновленцы и заняты разрушением “старого” церковного мира. Это их планы и задачи. Но “новый” мир почему-то выглядит чем-то уродливым, чем-то весьма сбивчивым и скандальным. Их “великие” произведения типа “Побелевших нив”

оставляют в голове после прочтения один сумбур. Они предлагают отменить старую форму церковной жизни — вместе с содержанием, с догматами, церковнославянским языком богослужения, монашеством. А что они дают взамен, пока не совсем понятно. Еретические высказывания о. Георгия Кочеткова, по всей видимости, тоже можно рассматривать в качестве предложения создания “новой церкви будущего”, в которой и должны быть такие “святые”, как мать Мария Пиленко-Караваева-Скобцова.

— *Мать Мария вела очень бурную общественную деятельность, часто выступала в печати. Считалось, что это своеобразная проповедь...*

— Не буду разбирать ее догматические высказывания и взгляды, но учитывая то, что она была монахиней, менястораживают некоторые вещи. Например, известно, что когда шла воскресная Литургия, мать Мария далеко не всегда ее посещала и утверждала, что гораздо важнее пойти на рынок за продуктами, чтобы потом накормить нищих, приготовить для них обед.

Преподобный Иоанн Лествичник и другие Отцы говорят, что основное делание монаха — это молитва, а не милостыня. Да, может быть, действительно хорошо в воскресенье накормить несчастных, обездоленных, но все-таки это больше дело мирян. А главное, почему это надо делать во время Литургии?

Согласно канонам Православной Церкви, если человек не бывает три воскресенья подряд на Божественной Литургии, он должен быть отлучен от Причастия; мирянин он или монах — это уже неважно. Когда Литургию пропускает мирянин, это еще можно

понять, но когда монах — я этого понять уже не могу. Потому что молитва — суть монашеского служения. А в жизни матери Марии это как-то незаметно. Ее монашеское делание состояло исключительно в некоем социальном служении. То есть монашество для нее было просто одеждой, а молитвенное делание не было ей близко, не было для нее основным.

Она постоянно путешествовала, выступала на разных общественных и церковных мероприятиях, активно сотрудничала с разными газетами, писала статьи, в том числе и антицерковного характера*, участвовала почти во всех эмигрантских организациях, может быть, даже отчасти военных. Все это обличает некие формы прелести, потому что монах — это делатель смирения и, вместе с тем, делатель молитвы. Это неразрывно между собой. Монах — значит “уединенный”.

Честь, слава и хвала монаху, когда он пребывает в своей келье, когда он там молится и занят внутренним деланием, хотя монах не должен отказываться и послужить ближним. Социальным служением занимаются священники, диаконы, но в основном белые священники, а главное дело иеромонаха — совершение Литургии, молитва и духовное окормление мирян.

Если бы мать Мария была не монахиней, а мирским человеком, тогда бы ее бурная общественная деятельность была достойна всяческого уважения; наверное, можно было бы говорить о ее праведности. А монашество таким поведением просто разрушается, дискредитируется, фактически отменяется. Тогда очень

* См. например, статью монахини Марии “Типы религиозной жизни” (Вестник РХД, 1998, № 176). Критический разбор этой статьи прот. В. Асмусом напечатан в журнале “Благодатный Огонь” № 3.

скоро и от формы его ничего не остается. Такое монашество становится похожим на монашество западное. Вообще духовность матери Марии — чисто западная, даже более протестантская, чем католическая: надо помогать бедным, кормить их, решать социальные вопросы. Видимо, здесь сказалось влияние западного мира, среди которого мать Мария проводила свое жителство, имела обширные знакомства.

Когда заходит разговор о ней, у меня в памяти всегда возникает образ матери Терезы, известной католической монахини, недавно умершей, чья деятельность очень похожа на деятельность матери Марии. Но можно даже сказать, что мать Тереза выгодно отличается от матери Марии, потому что она сделала намного больше: ее социальное служение ближним было проповедью слова Божия. Ее имя стало известным во всем мире, орден, основанный ею, существует до сих пор, хотя ее деятельность и небесспорна. Мы привыкли к активности католических монахов-просветителей, к их филантропической, благотворительной деятельности, но монашеству восточному, православному это не свойственно.

Западное монашество идет широким путем, однако гораздо труднее находиться в келье, заниматься молитвой, искать волю Божию и помогать ближнему найти ее. Католическое монашество есть монашество еретическое. И поскольку вся духовность католическая есть прелесть, то и монашество католическое прелестного свойства: оно насаждает прелесть, проповедует прелесть, углубляет эту прелесть, передает ее из поколения в поколение.

Монашество матери Марии — тоже прелестного свойства, и при возможной ее канонизации также

будет преподноситься прелесть. Кстати, последователей у нее не нашлось. Были у нее большие друзья и, может быть, даже ученики среди мирян, но среди монахов, по-моему, не нашлось никого, кто захотел бы последовать “подвигу монахини Марии”, хотя монахи были и среди эмигрантов, люди принимали постриг и возникали православные обители среди русской эмиграции в Западной Европе. Жизнь матери Марии не вызвала желаний подражать ей. Это тоже кое о чем говорит, потому что светлые примеры часто находят подражание.

Монахи в восточном понимании — это хранители исихастской традиции. В монастыри люди шли скорее не за хлебом насущным, а за хлебом духовным. В миру есть специальные организации и люди, которые занимаются благотворительной деятельностью. Есть епископы и священники, которые умеют организовать помощь бедным членам Церкви.

Когда случались какие-то бедствия — война, голод, — тогда монастыри открывали свои житницы, открывали святые ворота для того, чтобы люди могли спрятаться от врагов. А во времена мирные, когда жизнь была спокойной, в монастырях занимались молитвой, умным деланием, проповедью слова Божия, написанием духовных книг, духовным окормлением приходящих людей. В этом сила православного монашества.

Да, в XX веке монашество переживает упадок; в частности, в российском монашестве он начался уже давно, потом были и коммунистические гонения, когда Церковь пытались окончательно уничтожить. И от этого удара монашество никак не оправится и по сей день.

— *Если наше монашество пойдет по пути, указанному монахиней Марией, от него скоро просто ничего не останется?*

— К счастью, наши возрождающиеся обители имеют перед глазами образ не монахини Марии (Скобцовой) и других подобных ей деятелей, а образ Святых Отцов Восточной Православной Церкви, и стараются возродить монашество так, как его понимали святитель Игнатий (Брянчанинов), святитель Феофан Затворник, преподобный Иоанн Лествичник, авва Дорофей, преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Ныне пытаются возродить традиционное российское монашество, которое призвано служить ближним прежде всего словом и молитвой, которое призвано к тому, чтобы создавать оазисы духовной жизни, куда люди могли бы приходить и духовно обогащаться. Даже одно присутствие на продолжительных монастырских службах, прикосновение к удивительной монастырской тишине — уже одно это многое дает человеку. И монашество — носитель этой традиции.

Если монах по каким-то монастырским делам временно уезжает в мир, все равно он не скажет лишнего слова, никогда не пойдет в какие-то злачные места, — он делает свое дело и старается как можно скорее вернуться в свою обитель. Крайне неохотно соглашаются монахи покидать монастырь, только за святое послушание едут в мир, в город для того, чтобы решать экономические или какие-либо иные проблемы. Для монаха дорого пребывание в монастыре.

Например, когда в нашем монастыре посылали служить на подворье в Москву, братия принимала это с большим нежеланием. Мне приходилось и служить на подворье, и жить в монастыре. Действительно,

разница очень большая: находиться в суете большого города, даже при храме, даже в стенах этого храма, — или пребывать в стенах обители! Это совсем иной дух, иная специфика и иная деятельность. Конечно, в монастыре гораздо лучше. И вся братия наша старалась остаться в монастыре.

У монахини Марии, наоборот, — активное служение миру. Ее деятельность чем-то похожа на деятельность Жанны Д'Арк: в иных условиях мать Мария могла бы, наверное, поднять народ на борьбу, что она, между прочим, и пыталась сделать, будучи эсеркой. Попав в Европу и увидев, что ее эсеровская деятельность не очень востребована, она свою энергию перенесла в Церковь: пыталась указать путь Церкви в России. В ее статье, обращенной к эмиграции, главный мотив был такой: “эмиграция — это осколок Русской Церкви, который должен сохранить Церковь и указать путь Церкви в России. И когда большевиков прогонят, Россия обратится к нашему опыту, который мы тут должны воспитать”, как в некоей теплице.

В статье множество совершенно бредовых “пророчеств”, конечно, несбывшихся. То есть мать Мария видела себя неким “мессией” и пыталась обосновать такое свое значение и роль.

Я думаю, со своей энергией она могла бы устроить или найти себе какой-то монастырь, тем более, что на православном Востоке и на Святой Земле монастыри были, были они и в Греции. При желании можно было бы позаимствовать оттуда какие-то идеи, думаю, и материально с нею поделились бы. Но она не захотела этого делать. То есть, ее монашество — это такая громкая и шумная деятельность, благотворительная деятельность среди мирян, которую она считала еще

и просветительской. Отсюда получается, что человек просто переоценивает значение своей личности, думает, что он достоин подражания, что его деятельность заслуживает уважения.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет, что фарисей считает, будто своим поведением он обязан назидать окружающих мирян. И ведет себя соответствующим образом. На самом деле это очень утомительная деятельность не только для тела, но в еще большей степени — для души. Потому что человек, вращаясь в миру, не может хранить душевного мира, необходимого для молитвенной жизни. И не может знать подлинно важного о внутренней духовной жизни, потому-то все статьи матери Марии — о чем-то внешнем: о социальном положении Церкви, о социальном служении ближним, об особенностях современного момента, об “ущербности” традиционного православного благочестия. Звучат там и политические мотивы, критика ушедшей России, расстрелянной и распятой большевиками. Видимо, тут сказалось еще и ее эсеровское прошлое.

Понятно, что императорская Россия не во всем была идеальной, но зачем плевать на православную Россию и на Русскую Церковь, которая была создана и хранилась усилиями многих подвижников, святителей, старцев, монахов, священников! Все это мать Мария отрицает, перечеркивает, говорит, что все было плохо, что революция и явилась результатом жизни Церкви Синодального периода.

Да, в Церкви были ошибки. Но мать Мария почему-то не вспоминает ни отца Иоанна Кронштадтского, ни Оптинских, ни Глинских старцев, ни преподобного Серафима Саровского, ни святителя Феофана, а

святителя Игнатия вообще никогда не упоминает, — видимо, он не был ей духовно близок. Больше она занята решением каких-то исторических вопросов, социальных проблем.

Нигде в ее сочинениях я не нашел аскетических вопросов. Если говорят “монах”, то подразумевают два вида его деятельности: либо просвещение неверующих, обучение азам Православия (тогда монах — это живой проповедник истинного христианства), либо — что еще более ценно — ответы на аскетические вопросы современной жизни: как спасти свою душу, как проводить жительство в современном мире по евангельским заповедям, как применять евангельские заповеди к современной жизни, к конкретной ситуации. Вот что такое монах! А мать Мария — и словом и делом — учила всю Церковь, весь мир каким-то абстрактным политическим принципам и считала это своим предназначением. Все это, конечно, очень странно, потому что и у святителя Игнатия (Брянчанинова), и у других Святых Отцов ясно написано, каким должен быть монах. У матери Марии совсем иное, экуменически-западное понимание монашества.

Вообще-то даже не совсем ясно, как она понимает монашество, потому что говорит то одно, то другое, а в жизни воплощает уже третье.

Она была противником святоотеческого, традиционного православия, правил и канонов. Из статьи матери Марии “Типы религиозной жизни” явствует ее пренебрежительное и язвительное отношение к церковнославянскому языку и вообще к православному богослужению, к Афону и Валааму, к старому календарному стилю в этих древних обителях, что роднит ее с обновленцами.

Я уже не говорю о том, что мать Мария курила; это, на мой взгляд, никак не допустимо для православного монаха. Хотя, разумеется, это ее личный грех, она перед Богом даст отчет за него, — но она курила открыто, не стесняясь! Думаю, этим она больше соблазнила мирян, чем назидала.

— *Какие последствия может вызвать канонизация монахини Марии (Скобцовой)?*

— Это могло бы привести к смешению понятий не только о монашестве, но и о православной духовности.

Что такое святой человек? Это человек, путь жизни которого освящен, это человек, который достиг святости личным подвигом. То есть его духовность, его путь к Богу является примером для других людей, которые могут и должны последовать таким путем. И поскольку святые принадлежат своей эпохе, своему народу, то каждый век являет своих святых как ответ миру, как ответ нам, православным людям, на вопрос о том, как нужно спасаться, какими формами, какими путями надо идти к Богу в наших условиях, в наше время. Поэтому особенно ценен для нас путь святых, близких к нам по времени.

И в качестве такого святого, с которого нужно брать пример, нам будет предлагаться мать Мария (Скобцова): не надо молиться, не надо ходить в храм, главное — что-то для кого-то делать, бегать, суетиться, то есть строить царство Божие прежде всего на земле. Многие православные святые помогали бедным, и это всегда являлось задачей Церкви, но у матери Марии это принимало порой даже гротескные формы.

Разумеется, нельзя не сказать о ее подвиге во время войны, когда целая группа священников и православных монахов помогала евреям спастись от застенков гестапо и от расстрелов. Поскольку немцы не расстреливали крещеных евреев, то им тайно выдавали справки о крещении, чтобы просто спасти их от гибели, не заставляя креститься, как это делали католики. И мать Мария принимала в этом непосредственное участие. Это, конечно, подвиг. И за это она попала в лагерь, а потом пошла в газовую камеру вместо одной француженки — это, несомненно, тоже подвиг, заслуживающий всякого уважения и почитания.

Конечно, найдутся люди, которые будут вспоминать мать Марию, ее экстравагантное поведение, и думаю, в этих воспоминаниях ее мученический подвиг будет просто забыт.

Да, мы имеем мученика Вонифатия, который был развратником, блудником, пьяницей, однако, когда он отправился за святыми мощами, он принес покаяние, постился, вел христианскую жизнь. И к тому моменту, когда он претерпел мученическую кончину, он ее удостоился! Своим покаянием удостоился и умер христианином.

Не видно, чтобы мать Мария как-то каялась в своей прежней жизни. Напротив, она считала ее правильной. Да и многие ее почитатели сейчас считают, что именно филантропическая деятельность матери Марии приготовила ее к мученической кончине. Да, кончина ее была праведной, но я не хотел бы быть таким монахом, как мать Мария (Скобцова), не хотел бы даже быть в близком общении с подобными монахами.

Если бы я встретил мать Марию при жизни, мне не было бы интересно с ней общаться. То, что я нахожу в монашестве, для чего я ушел в монастырь, — всего этого у монахини Марии совсем нет, есть только прямо противоположное этому. И писания ее оставляют тягостное впечатление. Вопросов, которые мне близки, я в них не нашел.

Повторю: как мирянка, она, может, и была праведной, но сомнительность ее монашеского подвига не позволяет назвать ее святой. К ней по-своему применимы слова, сказанные об отце Павле (Флоренском) одним из иерархов-исповедников: “Если бы он ничего не написал, то действительно был бы святой мученик”.

Отдавая должное монахине Марии (Скобцовой), остаюсь при своем убеждении: канонизировать ее как святую нельзя. Это было бы неправильно и вредно.

Молитва — жизнь монаха

Устная или умная молитва Иисусова — «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго» — это душевное делание?

— Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет, что наша молитва еще душевна, и он говорит о уже достаточно высокой степени молитвы, потому что он был свят. Собственно духовной молитвой, даром Духа Святаго, может быть названа молитва сердечная, или умно-сердечная. Об этой молитве прп. Исаак Сирин говорит, что очень немногие, один из тысячи, доходят

до Иордана, и лишь один из нескольких поколений переходит Иордан. Я не берусь объяснять, что он хотел этим сказать, видимо, имеются в виду какие-то степени молитвы, молитвенной созерцательной жизни.

Молитва устная, конечно, душевна. Молитва умная — это дар Божий, но, насколько я понимаю, такая молитва еще несовершенна, потому что совершенна молитва сердечная. О сердечной молитве лучше почитать у свт. Феофана или в книге «Умное делание».

— *У Святых Отцов есть такие слова: «Блюдение ума не может состояться без трезвения, соединенного со смирением и непрерывающейся молитвой Иисусовой». Что такое трезвение?*

— Трезвение — это трезвенное наблюдение за состоянием своего ума и сердца, за всеми помыслами, чувствами и переживаниями, которые в нас являются. Естественно, без молитвы это невозможно. То есть Иисусова молитва — это как бы светильничек. Когда он не горит, в сердце темно, и мы не замечаем, что происходит в сердце, мы не в состоянии этого анализировать. Когда же мы начинаем молиться молитвой Иисусовой, молиться со смирением, не прелестно, тогда в свете молитвы мы начинаем все это видеть, начинаем видеть, что мешает молитве, что отлучает нас от Бога. Вот это называется трезвением.

— *Святитель Игнатий пишет, что молитву нужно совершать со вниманием и благоговением, с целью покаяния. А как быть, если внимания хватает на минуту, благоговения же вообще нет?*

— Все равно нужно молиться, потому что одно из условий для новоначального делателя молитвы, по

словам свт. Игнатия, это именно постоянство: частое, а по возможности постоянное пребывание в молитве. Если будем подвизаться, трудиться, то Господь со временем призрит на наше усилие, и благословит его, и даст благодать. Сначала внимание бывает наше собственное, душевное, а потом уже приходит внимание благодатное. Поэтому сейчас нужно себя понуждать — и на внимание, и на молитву. И благоговение тоже появится со временем, потому что *начало премудрости — страх Господень* (Пс. 110; 10). От молитвы Иисусовой явятся потом очень тонкие переживания, явятся из самой молитвы, если стараться молиться внимательно. Из этого явится и страх Божий, и покаянные чувства. Все придет со временем, только нужно не оставлять делания. Поэтому постоянство в этом подвиге Святые Отцы признают очень важным.

Конечно, в духовной жизни и молитвенном делании все бывает от Бога. Каждый шаг, каждая йота, на которую мы продвигаемся к Богу, — все от Бога, все — дар Божий. А нам принадлежит труд, наше — произволение. То есть Господь предлагает нам научиться какой-либо добродетели, и если мы соглашаемся, идем за Ним, то Он ведет нас, и со временем все дает. Но мы можем разлентиться, не пойти, или по гордости презреть какие-то заповеди Божии. Многие с пренебрежением относятся к заповедям Божиим или ко всем святоотеческим творениям. А что отсюда следует? Ничего в духовной жизни не получается. Потому что когда человек полагается на свои мозги, отменяет разум Божий, то ничего у него не получится, кроме прелести.

— *Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что от неправильной молитвы бывают соответствующие плоды: злоба, гнев, тщеславие. А у меня как раз такие плоды и есть.*

— Я думаю, что все-таки не от молитвы произрастают такие плоды. В данном случае молитва просто выявляет то, что гнездилося в сердце. Потому что и злоба, и гнев, и тщеславие свойственны — даже, может быть, в гораздо большей степени — и тем людям, которые не молятся. А когда человек потихонечку учится молиться, страсти потихонечку умягаются, и плодом молитвы Иисусовой в новоначалном, как говорят св. Отцы, бывает именно истребление страстей и умиротворение сердца. Но, по их учению, на все нужно время, и не несколько месяцев, и даже не несколько лет, а несколько десятилетий.

— *«За покаяние при одном собственном усилии Бог дарует в свое время покаяние благодатное», — пишет свт. Игнатий. У меня, по сути, покаяния нет, а если сознаю, что сделан грех, укоряю себя как могу. Иногда меня совесть мучает, иногда — нет. Есть просто осознание греха, и я прошу у Бога прощения. Это и есть покаяние при собственном усилии?*

— Это начало покаяния. Мы должны просить у Бога покаяния, и потихонечку трудиться. Хотя бы простое осознание человеком того, что он что-то делает не так, — это уже покаяние, уже недовольство жизнью плотской, греховной. Это зернышко покаяния, это самое важное, это говорит уже именно о каком-то начале, а когда этого нет, то что бы человек ни

делал, все бесполезно. В нем живет один фарисей — только и всего. И это постепенно нужно развивать. Как развивать? Молиться, не отметать, не попирать такие помыслы, когда совесть сожалеет о чем-то, а обращать на это внимание, и в свое время Божиею благодатию все доброе вырастет.

— *Святые Отцы говорят: «Между сочувствием сердца уму и соединением ума с сердцем или схождение ума в сердце — величайшее различие». Как это нужно правильно понимать?*

— Это сказано о разных степенях молитвы, разных степенях созерцательной жизни. Нам до этого, конечно, еще далеко. Иногда у нас может появляться сочувствие сердца уму — и слава Богу, нам хотя бы этого добиться, и для нас это уже что-то. А соединение ума с сердцем, или схождение ума в сердце — это то же самое — даруется Богом в свое время. Как говорит святитель Игнатий, «перст Божий сам касается, соединяет ум с сердцем». По святителю Игнатию, даже понимание и исполнение заповедей Божиих, понимание Евангелия, вообще жизни и, конечно, духовной жизни в Боге, до соединения ума с сердцем — одно, а после соединения ума с сердцем — другое. Все придет в свое время — конечно, не сегодня и не завтра. Если будем молиться, если будем по мере сил исполнять заповеди Божии, Господь все даст.

— *Батюшка, сейчас для меня главное — добиться устной молитвы, но внимательной?*

— Сейчас самое главное — во-первых, добиться постоянства в молитве, т. е. какие бы с нами ни случались обстоятельства, молитву оставлять не должно. И

даже если мы молиться не в состоянии, нужно себя укорять и ругать за то, что не молимся. Или читать книги, — чтобы ум был с Богом. И, конечно же, по возможности необходимо добиться внимания. Нужно понуждать себя и стараться, при этом понимая, что плод — от Бога.

Чтобы достичь внимания, необходимо удалиться от внешних причин, приводящих к рассеянности, стараться не видеть, не слышать, не знать ничего ненужного, суетного, пустого и страстного. А для этого нужно уединение. И, конечно, больше возможностей для молитвенной жизни предоставляет монастырь. Молитва — главное дело монаха. Об этом говорят Святые Отцы. По словам прп. Иоанна Лествичника, послушник — это тот, кто одну ногу простирает на послушание, а второй ногой непременно стоит на молитве.

— *Когда молишься, должно ли быть какое-то напряжение, как бы от усердия, или это должно происходить свободно, как дыхание?*

— Святитель Игнатий говорит, что всегда нужно на молитву себя понуждать и какой бы степени духовности человек ни достиг, молитва всегда требует труда и очень большого труда. Но все-таки надо знать некоторую грань. Сначала человек себя понуждает, а потом, постепенно, сердце согревается и молитва идет уже свободно, как дыхание. А прп. Варсонофий Оптинский говорит так: когда молитва идет свободно и легко, то какой же тут наш труд. Это дар Божий, милость Божия. А когда не хочется молиться, когда наступают разные искушения, или нападают помыслы, или жесткость в сердце, а человек тем не менее не

перестает молиться, это и есть трудническая молитва, самая угодная Богу. Здесь проявляется произволение человека, за это он получает больше венцов.

— *Часто бывает так, что слова молитвы не трогают, из-за чего трудно установить внимание. В таких случаях я или начинаю обдумывать слова молитвы, или молиться так, как если бы эти молитвы были моими. Можно ли так делать?*

— Да. Так советует делать свт. Феофан Затворник в своих письмах.

— *Правильно ли думать, что необязательно молиться молитвой Иисусовой постоянно, главное — вообще молиться?*

— Непрестанная молитва, по Святым Отцам, — это не только непрестанная молитва Иисусова, а вообще любые молитвословия, даже размышления о Боге, чтение духовных книг — все вменяется в исполнение заповеди о непрестанной молитве. Авва Дорофей говорит, что даже забота о том, чтобы исполнить заповедь духовного отца, — это тоже память Божия. Поэтому можно читать любые молитвы, лишь бы быть с Богом. А когда нападает уныние или бесчувствие, — я читал такое наставление, — хорошо напевать или слушать песнопения Страстной седмицы или Пасхальные песнопения. Это очень помогает разогреть сердце. Напевать молитвы можно, потому что, когда поешь, появляется желание молиться молитвой Иисусовой или какой-нибудь еще краткой молитвой. Тогда уже, конечно, пение нужно оставлять.

— *Давно замечаю за собой и это, к сожалению, вошло в привычку, что когда молюсь, представляю в*

уме молитву так, как она написана в молитвослове. Что нужно делать, чтобы избавиться от этого?

— Действительно, это неправильно. Как только человек заметит это, нужно усилием воли это прогнать и молиться дальше. Я думаю, что со временем, когда человек работает над собой, трудится, это пройдет. Это как бы зрительный рефлекс, или рефлекс памяти, и если с ним бороться, если постоянно отметить его, делать усилия, то, я думаю, его можно победить. А вот унывать не надо. Все мы во грехах лежим, все мы не такие, какими должны быть. Но с Божией помощью, потихонечку, придет время — все будет.

— Все помыслы, которые приходят во время молитвы и молитву рассеивают, — не от Бога?

— Да. И даже если эти помыслы кажутся благими, Св. Отцы советуют их отгонять. Святитель Феофан говорит, что если во время богослужения, во время молитвы в мыслях придет даже толкование Евангелия, то надо отгонять их прочь: это толкование от бесов. Выше молитвы ничего нет. Всему свое время. Тот помысел, который придет от Бога, — например, вразумление — не рассеивает молитвы и не отвлекает от нее.

— Что значит внимать себе?

— Внимать себе — значит внимательно относиться ко всем движениям сердечным, ко всем помыслам, которые являются в сердце. Лучше всего это делать в уединении, поэтому свт. Игнатий пишет, что настоящее покаяние возможно только в уединении. Святитель Феофан в одном из писем замечает, что спастись в толпе и молве может либо человек, духовно преуспевающий и совершенный, либо человек, ничего не понимающий в духовной жизни.

— *Что значит для новонаначального самоотвержение и невменение себя?*

— Это значит нужно себя никем не считать, ничего доброго в себе не замечать, и за человека-то себя не признавать, думать: я хуже скота. Один святой говорил: «Братия, поверьте: там, где будет сатана, буду и я». А самоотвержение у новонаначального заключается в том, чтобы ничего не делать по своей воле, по крайней мере, без благословения и совета. Одно дело — совет, другое — благословение. У человека более духовного самоотвержение простирается дальше. Но этого я не знаю, потому что не достиг такой меры. А для новонаначального это и есть самоотвержение, потому что послушание — это тоже подвиг. Подвиг веры. Другой человек говорит, а ты делаешь то, что говорят. При этом тоже нужно себя понудить, потому что это не всегда соответствует нашим представлениям и нашим желаниям.

— *Когда приходит осознание своих немощей?*

— Сознание своих немощей дается Духом Святым. Это особое чувство, духовное видение. Не просто ты что захотел, то и увидел, — нет. Бог может тебе не дать увидеть. Он дает это достойным, тем, кто не ожесточится от этого видения, не впадет в уныние, отчаяние или озлобление, а действительно начнет приносить покаяние, пытаясь исправиться. Насколько человек способен вместить видение своих грехов, настолько оно Богом и дается.

— *Можно ли унынию противопоставлять радость о Господе?*

— Радость о Господе, конечно, противопоставлять можно, но только тогда, когда она есть. Радость

действительно духовная — о которой апостол говорит: *Плод духовный есть любовь, радость, мир* (Гал. 5; 22). Она является результатом исполнения евангельских заповедей. Это не просто: поднатужиться — и радость явится. Нужно молиться, нужно жить по евангельским заповедям. А уныние надо просто терпеть. Терпеть в надежде на то, что оно пройдет. Терпеть, не оставляя поприща своего делания и не стараясь развлечь себя празднословием и чем-то суетным. И за это терпение Господь даст радость как плод такого терпения. Все в этой жизни временно: и скорби земные, и радости земные, а вот к вечности нужно стремиться.

— *Человеку свойственно искать правду Божию в этой жизни. А насыщение будет в вечной жизни?*

— Нет это не совсем там. Насыщение правдой Божией приходит во время поиска истины, когда человек действительно что-то делает, ищет волю Божию и старается ее исполнить. Не только узнать, но и исполнить. Тогда приходит это блаженство: *Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся* (Мф. 5; 6). Они здесь насыщаются. Это черта между небом и землей, между вечностью и временем. Она в общем-то достаточно абстрактна. Здесь человек должен вступить в вечную жизнь, здесь он должен начать жить по законам вечности. И живя здесь, на земле, должен душой и сердцем переселиться на небо, ибо все райские блаженства начинаются уже здесь, на земле.

Блажен, кто взял от юности ярем,
Не соблазнился сластиею и славой,
И нечестивых помыслов во всем
Попрал совет, коварный и лукавый.
Лежит печать прекрасной чистоты
На том, кто не сквернил ни плоть, ни душу,
И сладостью прельщаемый мечты,
Своих заветов с Богом не нарушил.
Они кричат: ведь ты — как все; живи,
Чтоб естеству напрасно не перечить.
Но, вверив Господу кормило ладии,
Он шел и ветру, и волне навстречу.
Они кричат: посмешище людей,
Несчастен, чьи погублены желанья.
Но предпочел он терпкое скорбей
По вере в неземное воздаянье.
Дрожит в нагретом воздухе мираж,
Блится злато, манит призраком счастья.
Но бдительный у входа сердца страж
Христова имени им возбраняет властью.
Блажен, кто взял от юности ярем,
Блажен, кто путь Христов уведал правый
И нечестивых помыслов во всем
Попрал совет коварный и лукавый.

Послушник.

Паломники

Обычай чудный — богомолье —
в обитель вновь собрал гостей.
Они довольны хлебом-солью,
в молитве радуясь своей.

Любуясь их благоговеньем, —
как, отрешившись от забот,
в сосредоточенном моленье
смиранный сей затих народ,

я вспомню годы золотые
и незабвенный мой приют:
вот стены Оптиной седые
и совести нелестный суд;

как сердце билось и немело,
когда за Жиздрою вдали
вставали рядом снежно-белым
те башни, храмы-корабли...

Всегда душе ты будешь светом,
о, истинная наша мать!

Твои высокие заветы
мне помоги не попирать.

Святой обычай богомолье —
забыть на время суету!

Но счастлив, кто по Божьей воле
всю жизнь свою отдал Христу...

А. Волжская

От издателей

Дорогие о Господе братья и сестры!

Автор книги, которую Вы держите в руках — настоятель храма Сошествия Святаго Духа на апостолов на Лазаревском кладбище иеромонах Сергей (Рыбко). Многим из вас батюшка знаком по своим выступлениям на радиостанции «Радонеж». Эти радиопередачи и легли в основу настоящей книги. Издавать их батюшка ранее не предполагал, но поскольку некоторые его духовные чада и друзья записывали их и кое-что вышло в свет в православной периодике, набрался материал на книгу, и отец Сергей дал согласие на публикацию.

Почему мы хотим предложить вниманию православного читателя беседы с нашим настоятелем и духовным отцом? Выступления батюшки, а также некоторые его небольшие статьи (обычно не подписанные полным именем) всегда вызывают живой интерес слушателей и читателей. Это неудивительно: ведь опубликованные беседы состоят главным образом из ответов на их вопросы.

Как известно, Отцы древних и святых времен предсказывали крайнее оскудение благочестия и страшное умножение соблазнов в последние времена. Чтобы христиане не остались без духовного назидания тогда, когда живых светильников веры станет крайне мало,

Святые Отцы по вдохновению Духа Божия написали свои богомудрые творения. Эти же святые оставили нам грозное предупреждение о том, что без чтения писаний Святых Отцов в последнее время спастись будет невозможно. Святитель Игнатий, епископ Ставропольский, изъясняя в своих бесценных книгах отеческое учение, дополняет его замечанием о том, что с течением времени при изменяющихся обстоятельствах становится необходимо правильно понимать и применять в жизни заповеди Отцов. В частности, необходимо учитывать оскудение физических и духовных сил современных христиан.

После кончины святителя Игнатия, одного из самых близких нам по времени святых, прошло уже полтора столетия. Миновали годы страшных гонений на Церковь, лишившие христиан, кроме всего прочего, духовной преемственности, то есть общения и живой связи последующих поколений с предыдущими. Мы живем сейчас совсем в другом мире, окруженные, как и предсказывали древние Отцы и свт. Игнатий, обстановкой «лютого соблазна». Но в том-то и беда, что современной аскетической литературы, то есть книг, написанных святыми людьми и научающих, как спастись в наши времена, практически не существует. Второго святителя Игнатия нет. В книгах древних Отцов не всегда можно найти ответы на вопросы, которые ставит современная жизнь. В большинстве своем их писания стали неисполнимыми и даже непостижимыми для нас. Единственная возможность научиться правильно ими пользоваться — прибегнуть к советам наших пас тырей и духовников, которые сами любят отеческие творения и пытаются им следовать, и вместе с ними — порой путем скорбей и ошибок —

искать волю Божию и совершать дело нашего спасения. Поэтому мы и решились опубликовать беседы с батюшкой и его проповеди. В своих беседах отец Сергей, следуя примеру лучших духовных писателей, старается опираться на учение Святых Отцов. Говоря что-либо, он, насколько это возможно, исходит из отеческих наставлений или из советов подвижников благочестия, старцев и духовников недавних и нынешних времен. Если же таких указаний не находится, батюшка решается со страхом Божиим предложить свое мнение и опыт как возможное решение, — впрочем, каждый раз оговариваясь, что это именно его, а не какое-либо более авторитетное мнение.

Современная Церковь в большинстве своем состоит из людей, не так давно обратившихся к Богу. С прекращением гонений народ вновь открывает для себя красоту Христианства. За семь десятилетий преследований и уже почти полтора десятилетия свободы накопилась масса вопросов, на которые далеко не всегда находятся какие-либо канонические решения или соборные постановления. Еще больше вопросов у людей только воцерковляющихся. Поэтому так необходим разговор о всех проявлениях современной жизни, их оценка православным пастырем.

В Святой Церкви не должно быть закрытых тем. Христианин или человек ищущий имеет право получить ответы на все свои вопросы. Обсуждая острые проблемы современности, отец Сергей не боится говорить о недостатках, называть вещи своими именами, хотя это не всегда и не всем нравится. В то же время он старается избегать категоричности в вопросах спорных. Однако в догматической области отец Сергей бескомпромиссно придерживается учения Церкви,

что дало повод обновленчеству на одном из сайтов интернета дать ему такую характеристику: «Отличается крайне консервативными взглядами».

Темы, затронутые в настоящей книге — самые разные. Первые главы обращены прежде всего к людям, ищущим или недавно пришедшим в Церковь. В основу их легли передачи «Верую» начала 90-х гг. («Радио России») — «Для тех, кто ищет веру; для тех, кто нашел веру; для тех, кто потерял веру, и для тех, кто надеется ее обрести» — и «Воскресенье, радуйтесь» (радиостанция «Маяк»). С батюшкой беседуют журналисты Алевтина Струкова и Николай Иванович Нейч. Алевтина, впервые приехав в Оптину пустынь в служебную командировку, обрела там веру. Тогда же она познакомилась с иеромонахом Сергием, в то время насельником этой обители, и стала регулярно приезжать туда. Ныне она живет в г. Козельске возле любимой Оптиной. Затронутые в передачах темы и вопросы придали им характер замечательного апологетического материала.

Последующие главы нашей книги посвящены уже более серьезным проблемам духовной жизни. Они состоят из бесед на радио «Радонеж», отредактированных проповедей и интервью журналистам «Покровского листка» (г. Калуга) и газеты «Калужский благовест» иерею Андрею и Марине Богомоловым. Затронутые в них темы — добродетели, отношения с духовным отцом, духовное чтение.

В настоящую брошюру вошло также несколько бесед о воспитании молодежи. Эта тема — одна из самых близких и любимых отцом Сергием. «Опыт показывает, — говорит батюшка, — что молодежь — самая чуткая аудитория, самая восприимчивая к слову

Божию, самая интересная в общении». Ответы на вопросы детей — это беседы иеромонаха Сергия в воскресной школе при храме, в котором он настоятельствует. В конце книги помещены беседы о монашестве, адресованные в первую очередь юношам и девушкам, пожелавшим избрать монашеский путь жизни. Батюшка делится своим опытом, предостерегает от ошибок и поспешных решений.

Мнения батюшки по ряду вопросов современной жизни достаточно нетрадиционны и расходятся с общепринятыми. Многие могут с ним не согласиться. Но хочется обратить внимание читателей на то, что, во-первых, эти вопросы не получили еще соборных ответов Церкви и потому допускают различные мнения; во-вторых, это касается не вещей принципиальных — вопросов духовной и аскетической жизни, — а в основном оценок современности. Святитель Игнатий (Брянчанинов) часто повторяет, что неизменно содержание, а формы могут меняться. Догматы веры и заповеди пребудут вовек, формы же жизни Церкви менялись и будут меняться в зависимости от окружающей действительности. Блаженный Августин писал, что в Церкви должно быть «единство в главном, свобода во второстепенном, любовь во всем».

В любом случае просим не судить строго автора и издателей, решившихся выпустить в свет этот скромный труд, за послушание и с целью доставить пользу ближним, а через это доставить пользу своей душе. Лучшей рецензией на книгу будет мнение читателей. Если оно окажется положительным и к книге возникнет интерес, последуют новые издания.

Некоторые материалы книги были впервые опубликованы С. И. Носенко в журнале «Благодатный

огонь» и в рубрике «Домашняя церковь» журнала «Москва». Особую благодарность издательство выражает Елене Миролюбовой, редактору «Ионинского листка» (благотворительное издание Ионинского монастыря г. Киева), подготовившей и опубликовавшей многие из помещенных здесь материалов.

В оформлении книги использованы стихи современных православных авторов.

*Издательство им. свт. Игнатия Ставропольского.
г. Москва, 2001 г.*

Блажен муж

Блажен, кто взял от юности ярем,
Не соблазнился сластиею и славой,
И нечестивых помыслов во всем
Попрал совет, коварный и лукавый.
Лежит печать прекрасной чистоты
На том, кто не сквернил ни плоть, ни душу,
И сладостью прельщаемый мечты,
Своих заветов с Богом не нарушил.
Они кричат: ведь ты — как все; живи,
Чтоб естеству напрасно не перечить.
Но, вверив Господу кормило ладии,
Он шел и ветру, и волне навстречу.
Они кричат: посмешище людей,
Несчастен, чьи погублены желанья.
Но предпочел он терпкое скорбей
По вере в неземное воздаянье.
Дрожит в нагретом воздухе мираж,
Блится злато, манит призрак счастья.
Но бдительный у входа сердца страж
Христова имени им возбраняет властью.
Блажен, кто взял от юности ярем,
Блажен, кто путь Христов уведал правый
И нечестивых помыслов во всем
Попрал совет коварный и лукавый.

Послушник.